

КОСТЁР

12 ДЕКАБРЬ 1977

КОСТЁР

12

ДЕКАБРЬ

1977

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

Издается с 1936 года

© „Костер“, 1977 г.

НОВЫЙ ГОД

Когда же он наступит? Радиостанции всего мира каждый час посылают шесть коротких гудков — сигналы точного времени. Слышали? Однако на этот раз Новый год примет эстафету у года минувшего не через шесть, а после седьмого гудка. В чем дело?

Просто Земля в прошедшем году вращалась чуть медленнее. Это установили сверхточные атомные часы. За год земной шар отстал на целую секунду! Хранители времени — метрологи после долгой дискуссии решили приплюсовать лишнюю секунду к 31 декабря. Вот какой был долгий этот 1977-й...

В каком году мы живем? Как в каком, в 1978-м! — скажет, проснувшись первого января, любой из наших читателей и будет прав лишь отчасти. Существует много стран, где принято особое летоисчисление.

В Эфиопии уже с 1 сентября идет новый — 1970 год.

В Судане счет годам ведется по мусульманскому календарю. Что это значит? Там еще не закончился XIV век — наступил 1396 год. В Афганистане полным ходом идет 1355 год. Новогодний праздник там справляют 22 марта.

И даже Всезнайка не сможет сказать, какой сейчас год на острове Бали. По принятому там календарю год продолжается 210 суток.

Где он начинается? Линия перемены дат, откуда приходят к нам новые сутки, рассекает с севера на юг Тихий океан примерно надвое... Где же люди будут самыми первыми поздравлять друг друга с Новым годом? Ответим: у мыса Дежнева, на берегах Чукотки. В этом месте граница СССР почти на 10 градусов переходит в Западное полушарие. Каждые новые сутки, а следовательно, Новый год раньше всего начинается у восточных границ Родины.

КАНИКУЛЫ

Пляшут вьюги и метели,
Землю снегом занесло.
С клена листья облетели
И сугробы намело.

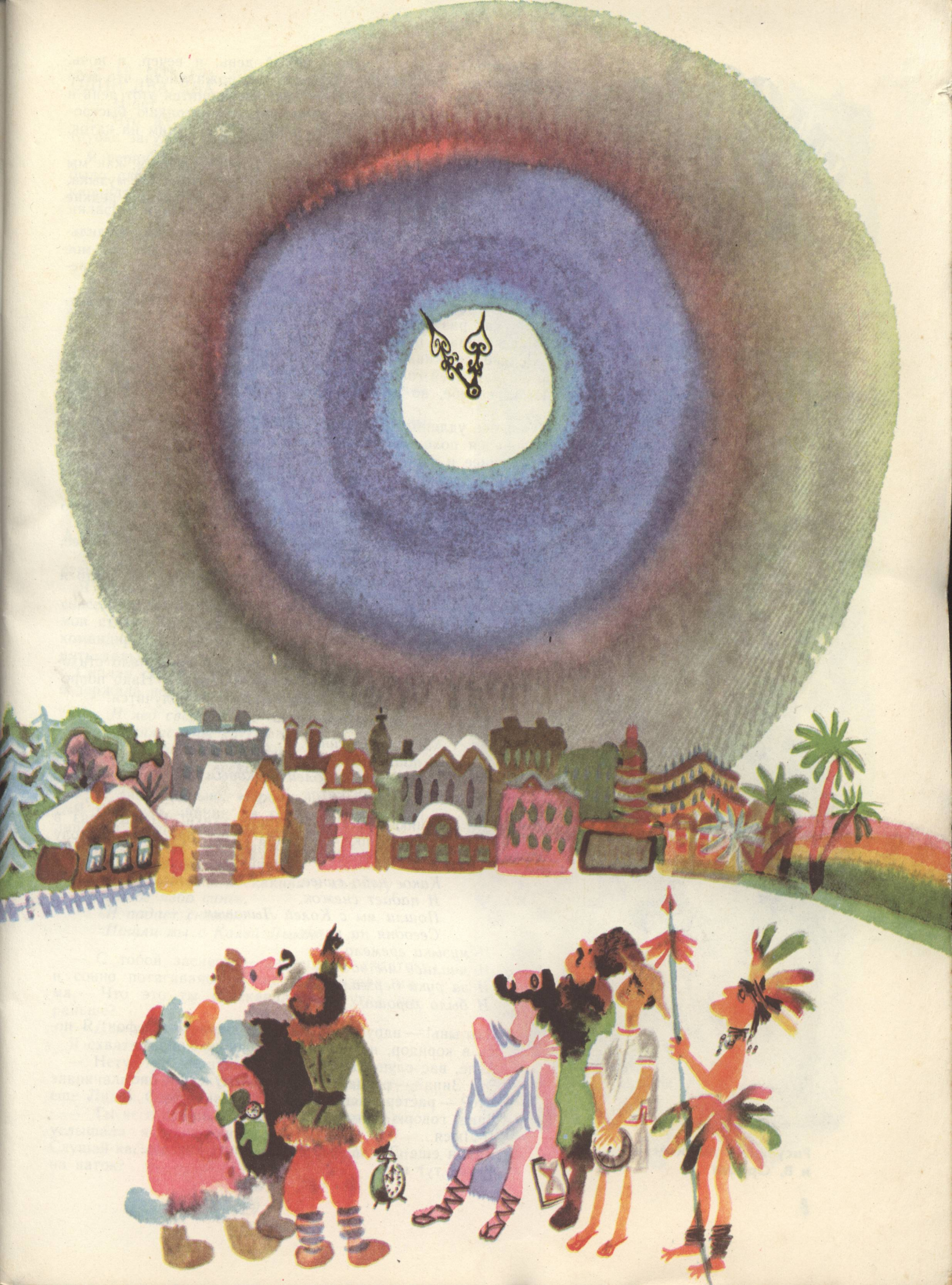
Детворе мороз не страшен,
Вьюга тоже нипочем!
Их домой из снежных башен
Не заманишь калачом.

Ведь каникулы в разгаре —
Ни уроков, ни забот!
Хоккеистов с юркой шайбой
Не оттянешь от ворот.

Юля Упорова,
4-й класс, Оренбурге

Рисунок В. Топкова

СМЕЯЛСЯ МЫ АИ- АИ

РАССКАЗ

Ирина ПИВОВАРОВА

Рисунки Л. Московского
и В. Орлова

Я долго ждала это утро — целый день, и вечер, и ночь. Миленькое утро, скорей приходи! Ну, пожалуйста, что тебе стоит, приходи побыстрее! Пусть скорей кончится этот день и эта ночь! Завтра я встану рано-рано, позавтракаю быстро-быстро, а потом позвоню Коле, и мы пойдем с ним на каток. Мы уже договорились.

Ночью мне не спалось. Я лежала и представляла, как мы с Колей, взявшись за руки, бежим по катку, играет музыка, небо над нами синее-синее, и блестит лед, и падают редкие пушистые снежинки...

А потом закрыла глаза, и вдруг оглушительный звон будильника впился в мою голову, в оба уха, в глаза, во все мое тело, как будто тысяча звонких пронзительных шил одновременно воткнулась в меня. Я подпрыгнула на постели...

Было утро. Светило ослепительное солнце. Небо было синее-синее, как раз о таком я мечтала вчера.

Я вскочила и побежала к окну.

Редкие снежинки, кружась, влетали в комнату и таяли прямо над моей головой. Ветер тихо колыхал занавески. А за окном, в небе, во всю его ширь плыла тоненькая белая полоска.

Она все удлинялась, удлинялась... Конец ее расплывался и становился похож на длинное перистое облако... Все вокруг было синее и тихое. Мне надо было торопиться, стелить постель, чистить зубы, звонить Коле, но я никак не могла сдвинуться с места.

Я стояла босыми ногами на полу, глядела на тоненькую самолетную полоску и шептала:

— Какое синее небо... Синее, синее, синее... Какое синее, синее небо... И падает белый снег...

Я шептала так, шептала, и вдруг получилось, как будто я шепчу стихи:

*Какое небо синее,
И падает снежок...*

Что это, в самом деле? Ужасно похоже на начало стихотворения! Ой, неужели я умею сочинять стихи?! Надо попробовать, может, и правда у меня что-нибудь получится!

И я стала шептать дальше:

*Какое небо синее,
И падает снежок,
Пошли мы с Колей Лыковым
Сегодня на каток.*

Ура! Я сочиняю стихи! Настоящие стихи! Первый раз в жизни! Я схватила тапки, напялила халат, бросилась к столу и принялась быстро строчить на бумаге:

*Какое небо синее,
И падает снежок,
Пошли мы с Колей Лыковым
Сегодня на каток.*

*И музыка гремела
И мчались мы вдвоем
И за руки держались...
И было хорошо!*

— Дзы-ынь! — вдруг зазвонил в прихожей телефон. Я помчалась в коридор, наверняка это звонил Коля.

— Алле, вас слушают!

— Это Зина? — раздался сердитый мужской бас.

— Что? — растерялась я.

— Зина, говорю? Кто у телефона?

— Л-Люся...

— Какая еще Люся! Дайте мне Зину!

— Таких тут нет...

— То есть как это нет?! Это ДВА ТРИ
ОДИН ДВА ДВА НОЛЬ ВОСЕМЬ?

— Н-нет...

— Что же вы мне голову морочите?! — в
трубке загудели сердитые гудки.

Я вернулась в комнату. Настроение у меня
было слегка подпорчено, но я взяла в руки
карандаш, и мне снова стало хорошо! Я при-
нялась сочинять стихи дальше...

*И лед сверкал под нами,
Смеялись мы хи-хи...*

— Дзы-ынь! — снова зазвонил телефон.

Я подпрыгнула, как ужаленная. Скажу Коле,
что не могу сейчас пойти на каток, занята
одним очень важным делом.

— Алле, Коля, это ты?

— Я! — обрадовался мужской бас. — Нако-
нец-то дозвонился! Зина, дай мне Сидор Ива-
ныча!

— Я не Зина. И тут никаких Сидор Иваны-
чей нет.

— Тьфу, черт! — раздраженно сказал бас. —
Опять в детский сад попал!

— Люсенька, кто это звонит? — послышался
из комнаты сонный мамин голос.

— Это не нас. Сидор Иваныча какого-то...
А ты спи, не вставай. Я сама позавтракаю.

— Ладно, дочка, — сказала мама, — я дей-
ствительно еще посплю...

Я обрадовалась. Мне хотелось быть одной,
совсем одной, чтобы никто не мешал сочинять
мои стихи. Как хорошо! Мама спит, папа в
командировке... Поставлю чайник и буду сочи-
нять дальше.

Сиплая струя с шумом полилась из крана,
я держала под ней наш красный чайник...

И лед сверкал под нами,

Смеялись мы хи-хи,

И мы по льду бежали

Проворны и легки.

Ура! Замечательно! «Проворны и легки»!

Я грохнула чайник на горячую плиту. Он
зашипел, потому что был весь мокрый!

Ура! Здорово! «Смеялись мы хи-хи»! Так
и назову это стихотворение!

Я на одной ножке поскакала в комнату.

Какое небо синее,

И падает снежок,

Пошли мы с Колей Лыковым...

— С тобой заснешь, — застегивая халатик
и сонно потягиваясь в дверях, сказала ма-
ма. — Что это ты расскакалась с утра по-
раньше?

— Дзы-ынь! — затрещал телефон.

Я схватила трубку.

— Нету тут никаких Сидор Иванычев! —
закричала я. — Тут Семен Борисыч живет, а
еще Лидия Сергеевна и Людмила Семенна!

— Ты чего орешь, с ума, что ли, сошла? —
услышала я удивленный Люськин голос. —
Слушай-ка, сегодня погода хорошая, пойдешь
на каток?

— Ни за что на свете! Я ОЧЕНЬ ЗАНЯТА!
ДЕЛАЮ ОДНО ЖУТКО ВАЖНОЕ ДЕЛО!

— Какое? — сразу спросила Люська.

— Пока сказать не могу. Это секрет.

— Ну и ладно, — сказала Люська. — Ну и не воображай! Без тебя пойду!

Пусть идет!

Пусть все идут!

Пусть катаются на коньках, а мне некогда на такие пустяки время тратить! Я стихи сочиняю. Понимаете, стихи! Они там на катке покатаются, и все, — утро пройдет, как будто его и не было. А я стихи сочиню, и они останутся. Навсегда. Синее утро, и белый снег, и музыка на катке...

*И музыка гремела
И мчались мы вдвоем,
И за руки держались...
И было хорошо!*

— Слушай, что это ты раздумянилась? — сказала мама. — У тебя не температура, слу чайно?

— Нет, мамочка! Я сочиняю стихи! Пони маешь, стихи!

— Стихи?! — удивилась мама. — Что же ты насочиняла, а ну-ка прочти!

— Вот, слушай... — Я встала посреди кух ни и с выражением прочла маме свои собствен ные замечательные, совершенно настоящие стихи:

*Какое небо синее,
И падает снежок.
Пошли мы с Колей Лыковым
Сегодня на каток.*

*И музыка гремела,
И мчались мы вдвоем,
И за руки держались,
И было хорошо!*

*И лед сверкал под нами,
Смеялись мы хи-хи,
И мы по льду бежали
Проворны и легки!*

— Потрясающе! — восклик нула мама. — Неужели сама сочинила?

— Сама! Честное слово, са ма! Вот не веришь?..

— Да верю, верю... Гениаль ное сочинение! Прямо Пуш ки-кин!.. Слушай-ка, а между про чим, Коля Лыков — это не та кой беленький, в синей куртке?

— Да, у него есть синяя куртка, а что?

— Так, неважно... Но мне показалось, что я его видела только что в окно. Могли они куда-то с Люсей Косицыной идти, скажем, на каток? У них вроде коньки с собой были?..

Какао встало у меня в горле.

— Что с тобой? — удивилась мама. — Подавилась, что ли? Давай я тебя по спине похло паю.

— Не надо меня хлопать по спине, — сказала я. — Я на елась, не хочу больше. — И отодвинула от себя недопитый стакан.

В своей комнате я схватила карандаш, сверху донизу пере черкнула толстой чертой весь листок со стихами, скомкала его и бросила под стол.

Я вырвала из тетради новый листок, и вот что на нем написала:

*Какое небо серое,
И не падает вовсе снежок,
И не пошли мы
Ни с каким дурацким
Лыковым
Ни на какой каток!*

*И солнце не светило,
И музыка не играла,
И за руки мы не держались,
Еще чего не хватало!*

Я злилась, карандаш у меня сломался... и тут в прихожей опять зазвонил телефон.

— Люся, это тебя, — сказала мама.

Ну, что они меня все время отвлекают! Целое утро звонят и звонят.

— Алле! — с досадой буркнула я в трубку.

Откуда-то издалека донесся до меня Колин голос.

— Синицына, это ты? Пойдешь «Меч и кинжал» смотреть, мы тут с Косицыной на тебя билет взяли?

— Какой еще «Меч и кинжал»? Вы же на каток пошли!

— С чего ты взяла? Косицына сказала, что ты занята и на каток не пойдешь, тогда мы решили взять в кино билеты на двенадцать сорок. Ты освободилась уже?

— Так вы в кино пошли?!

— Я же сказал...

— И на меня взяли билет?

— Ага. Пойдешь?

— Конечно, пойду! — закричала я. — Ну, конечно, конечно, пойду!

— Тогда давай скорее. Через пятнадцать минут начинается.

— Да я мигом, мигом! Вы меня подождите обязательно!..

Я бежала по улице.

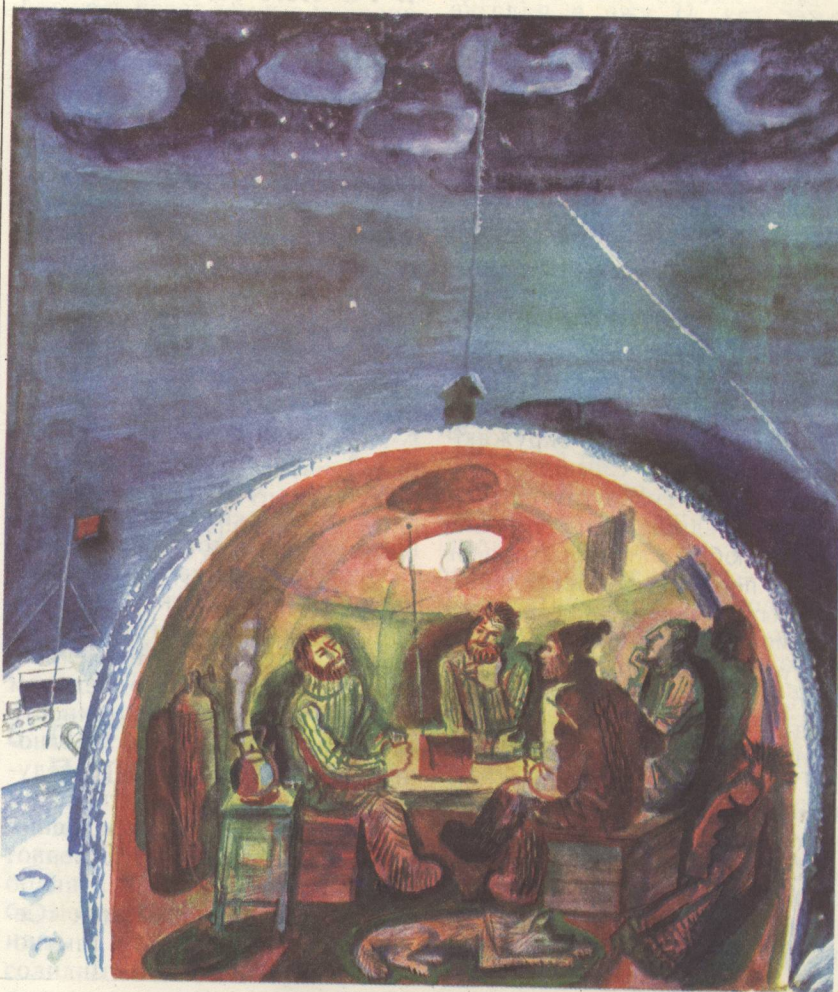
Небо надо мной было синее-синее!

Пал легкий искристый снежок.

К ПОЛЮСУ*

Владимир СТРУГАЦКИЙ

Рисунки И. Дяткиной

3. ГЛУБИНА— 4238 МЕТРОВ

...Самолет коснулся лыжами снежного наста, заскользил по ледяному полю, лишь изредка вздрагивая. И не успел он еще остановиться, Лукин и Кадачигов схватили бур и выпрыгнули из ЛИ-2. Тут же они прокрутили бур, выдернули его из льда. Лукин поднял вверх шесть пальцев. Все! Самое опасное, пожалуй, позади. Под нами шестьдесят сантиметров льда. Наш ЛИ-2 они выдержат. Можно останавливать винты.

Я ждал этой минуты несколько лет. Мне хотелось крикнуть:

— Ура! Мы на полюсе!

Но через секунду Лукин забрался в самолет и сказал:

— Вот, братцы, и приехали.

Он схватил пару увесистых ящиков:

— Ну, теперь по принципу: бери больше, таскай дальше.

Это уже для меня, всем остальным этот принцип и так известен.

И командир экипажа таскал приборы вместе со всеми. И второй пилот таскал, и штурман. Лишних рук здесь не бы-

*Окончание. См. «Костер» № 11, 1977 г.

вает. Здесь каждая человеческая сила на вес золота.

Через несколько минут тяжелая гидрологическая лебедка очутилась на льду. Минута — и Лукин пробурил лунку. Романов с Кадачиговым поставили над ней палатку. Шестаков зажег газ. И уже в палатке стало тепло. И можно было секунду отдохнуть.

— Вот и полный комфорт, — сказал Лукин.

Но уже в следующий миг ему было не до разговоров: надо эхолотом измерять глубину.

У нас под ногами 4238 метров. Если кинуть камешек, долго ему до дна падать. Но где здесь возьмешь камешек? Вокруг вздымаются торосы. Они блестят на солнце. Замерзли, словно стены, окружающие крепость. Слышно, как где-то вдали гулко трутся друг о друга льдины; идет торошение. В любой миг валы торосов могут перейти в наступление.

...Вытаскиваем из ящиков батометры, прицепляем их к тросу, стремительно летящему вниз, в глубину океана. Потом, когда батометры заполнятся, из них надо перелить в маленькие баночки пробы воды и обозначить, с какой глубины взята проба. Каждое движение должно быть отработано до автоматизма. Быстрее! Быстрее! Быстрее! Так в старину работали в порту грузчики. Так орудают

у мартена сталевары. Да и выглядят океанологи, как молотобойцы или сталевары. И Романов, и Лукин, и Углев богатырского телосложения. Ученые с руками грузчиков.

4. ТОЧКИ НА КАРТЕ

— Я не знаю более тяжелой для полярника работы, чем съемка океана, — говорит Лукин. — Эта работа на пределе сил. Но не только этим она притягивает людей молодых. Ведь ни в одном другом океане такие подробные исследования не проводились.

Советские исследователи ведут съемку Ледовитого океана уже пятый год. Она поможет решить важнейшие задачи, названные на XXV съезде КПСС среди основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 года: «Расширить комплексное исследование мирового океана. Осуществить дальнейшую разработку методов прогнозирования погоды и стихийных бедствий». Новые сведения об океане, его ледовом режиме дадут возможность готовить более точные прогнозы для мореплавателей, ведущих свои суда по арктическим морям, добиться продления сроков навигации по Северному Морскому пути.

Этой весной экспедиция «Север» под руководством опытно-

го полярника, молодого, энергичного и веселого человека Михаила Красноперова съемку океана уже закончила. Исследователи блестяще справились с работой. Они совершили посадки и провели наблюдения в 145 точках.

Все эти точки на карте у руководителя отряда «Океан» Валерия Лукина разрисованы яркими карандашами. И над каждой номер.

Седьмой год работает в экспедиции «Север» Валерий Лукин. Он впервые отправился в Арктику после географического факультета Ленинградского университета. И вот теперь возглавляет отряд, ведущий съемку океана. Валерий — ученик Ильи Павловича Романова. От учителя своего взял не только чисто профессиональные качества, но симпатичные и в такой работе необходимые черты характера: спокойствие, полное отсутствие суетливости, умение ладить с людьми.

Съемка океана — работа трудная и опасная. Человек должен обладать не только недюжинной силой, но и быстротой реакции и, что, пожалуй, важнее, быть готовым к любым испытаниям.

Ведь каждый твой прыжок — прыжок в неизвестное. А Арктика с распростертыми объятиями никогда никого не встречала. И, видимо, встречать не собирается.

Однажды Лукин и его товарищи четверо суток прожили в палатке посреди океана: самолет при посадке ударился о торосы, поломался. И несколько человек плыли на маленькой льдине по Ледовитому океану. Как всегда, провели океанологические наблюдения. Как всегда, грели в палатке чай и готовили еду, только сэкономили газ и продукты: не знали, когда сумеют группу отыскать.

А был еще такой случай: ЛИ-2 «приледился» и тут же стал проваливаться под лед. Лукин, его коллеги и экипаж не только успели выбраться из гибнущего самолета. Они успели вытащить приборы, палатку, гидрологическую лебедку, продукты. И снова, на этот раз полтора дня, путешествовали на льдине по океану.

5. ЗА ТРИДЦАТЬ МИНУТ ВОКРУГ СВЕТА

— Ну что, пойдём прогуляемся, — сказал Романов. — Хочешь совершить кругосветное путешествие?

Илья Павлович, общительный добродушный человек, коренной сибиряк, выпускник Ленинградского высшего арктического училища, трудится в Арктике почти 30 лет. Он на всех дрейфующих станциях, начиная с «СП-2», побывал, был начальником «СП-8» и «СП-18».

...Мы идем «вокруг света». Мы пробираемся среди торосов. Романов измеряет их линейкой, что-то записывает в свой блокнот, поправляет висящее на плече ружьишко — не исключена встреча с медведем — и идет дальше своим размашистым шагом. Я еле поспеваю за ним, прыгаю с одного ледяного бугра на другой, перебираюсь через трещины.

Настроение отличное. На вершине планеты светит солнце. Его лучи наполняют ледяные горы каким-то загадочным светом — голубым, отливающим купоросом.

Я стараюсь забраться выше на торосы, чтобы посмотреть кругом и запомнить всю эту

прекрасную картину. А Романов все посмеивается: «Ты далеко от меня не уходи, а то ко множеству впечатлений прибавится еще одно — купание в трещине на Северном полюсе».

Но в этот момент ничто меня не могло остановить. Я перебираюсь через земные меридианы. Земные меридианы сходятся у наших ног. Здесь они начинаются. И, перешагивая через них, я пытаюсь представить путь каждого из них до самого конца — до Южного полюса. Вот этот проходит через Ленинград. Еще два шага: на этом меридиане — Япония, а вот на этом — Париж.

В умеренных широтах меридианы разделяют тысячи километров, здесь все 360 сходятся. И от одного до другого — шаг.

Кругосветное путешествие мы совершили за тридцать минут. А когда вернулись, застали Валеру за измерением температуры воздуха. На полюсе — минус двенадцать градусов. Жара, можно сказать.

6. ПУТЕШЕСТВИЕ ПОДО ЛЬДОМ

Мы возвратились после кругосветного путешествия, забрались в самолет и налили себе по кружке чая. Согреться надо. А Илья Павлович отрезал солидный ломоть батона. Кадачигов посмотрел, как Романов уплетает, и рассмеялся:

— У Ильи Павловича на полюсе аппетит удваивается.

Кадачигов стоял в одних плавках, а Углев и Шестаков подавали ему шерстяное белье и раскладывали перед Геннадием ярко-желтый гидрокомбинезон.

Впервые советским аквалангистам предстояло спуститься под лед на Северном полюсе.

Молодые ленинградские аквалангисты начали свои работы еще на дрейфующей комсомольско-молодежной станции «Северный полюс-19».

Безмолвный сигнальный трос оставался единственной связью между теми, кто был наверху, и аквалангистом, парящим где-

то там, в глубинах Ледовитого океана, под мощной ледяной шапкой.

Что под этой шапкой? Как выглядят льды оттуда, из глубины? Как чувствует себя человек, когда над ним ледяная броня, а под ногами бездна океана?

Потом, когда Геннадий выйдет из лунки, он скажет: «Ребята, там как в космосе. А может, интересней». Но это произойдет потом, через долгие, тягучие тридцать минут, которые провели полярники у лунки, ожидая товарища.

...До сих пор неизвестно точное количество льда, дрейфующего по Ледовитому океану. А без этих данных трудно составить прогноз погоды. Но как получить эти данные? Если бы всюду лед был плоский и гладкий, как стекло, ученые могли бы умножить толщину на площадь, и вот объем ледяного покрова. Но ведь лед — это и многолетние поля, и уходящие под воду горы-торосы, и молодой тонкий лед, выросший только вчера. Надо знать, какое количество льда стает летом и нарастает зимой, как образуются торосы, как меняются блуждающие по океану ледяные острова.

Помочь ответить на эти вопросы и пытаются молодые ученые-аквалангисты. На «СП-22» они за год совершили около 600 погружений.

...На макушке планеты мы водрузили бело-голубой флаг «Альфа» — осторожно, здесь ведутся подводные работы. А рядом с флагом пробурили одну за другой четыре лунки, откатали в сторону увесистые ледяные чурки, отливающие на солнце голубизной, и пешней обрубали края, соорудив просторный — два-три метра — колодец.

— Двери под Северный полюс открыты, — сообщил Углев.

И Кадачигов под звуки оркестра звенящих инструментов — туш играли ложками по кружкам — преисполненный достоинства спустился по трапу. Он неуклюже засеменил к лунке, а Углев тащил следом

за ним катушку с тросом и трос, а мы с Шестаковым выкомментировали по радиотелефону каждый шаг Гены:

— Работают все радиостанции Аляски, Чукотки, а также островов Зеленого Мыса. С нетерпением в разных уголках нашей планеты ждут этого момента. И вот он шагает: гордый, сосредоточенный, серьезный.

Гена «дворником» прочищал запотевшее стекло маски, и было видно, как он смеется и строит нам всякие рожицы.

Шутка — вещь для полярного исследователя необходимая. Она помогает снять лишнее напряжение. Придает человеку уверенность. И аквалангисты это отлично знают.

В 5 часов 15 минут Кадачигов спустился в лунку. Он уходил на глубину, а маленькие шарики воздуха поднимались вверх, и это было красивое зрелище. Потом Кадачигов исчез. И мы слышали только его голос.

Обычно аквалангисты под водой распевают песни, но стоит их поднять вверх — и они не помнят даже, что пели. И парадокса тут нет. Просто во время работы человек обо всем, кроме работы, забывает. Во время погружения аквалангист должен думать только о работе, все остальное автоматически — как дыхание.

Но сейчас Гена не пел. Он только сказал:

— Красота какая!

Хотя красотой его не удивишь: и под ледяные острова спускался, и торосы обследовал, и по подводным ледяным пещерам путешествовал.

Гена замеряет торосы, плавает вокруг них, посматривает на висящий на руке глубиномер; определяет, на какую глубину уходят они в океан.

А Углев спрашивает:

— Как самочувствие?

— Нормально, — слышим в наушниках.

— Слушай, головастик, покупался и будет, — говорит Углев в микрофон. — У прессы фотокамеры застынут, и тогда ты не войдешь в историю.

Сигнальный конец постепенно стал слабеть. Углев выбирал

трос, а мы с Шестаковым выгребали из лунки осколки льда.

И вот в лунке показалось ярко-желтое пятно, оно начало расти, и через несколько минут из океана выглянула голова Кадачигова. Вадим нагнулся к нему, заглянул сквозь стекло маски в глаза, улыбнулся и сказал:

— Водные процедуры закончены. Вылезай.

Сейчас Кадачигову было не до рассказов о своих впечатлениях. Аквалангист в этот момент не испытывал ничего, кроме усталости. И мы пошли в самолет, стянули с Кадачигова комбинезон, а Вадим налил полную кружку горячего чая, чтобы Гена согрелся. А Кадачигов сидел молча на ящике и смаковал каждый глоток.

...Когда мы возвращались на дрейфующую станцию «Северный полюс-22», нас встречал академик Федоров. И, пожимая руки молодым полярникам, поздравлял их с успешным полетом к полюсу. Он сказал:

— Мы покорили полюс с воздуха и со льда. Вы покорили его из-под воды. Сделали то, о чем мечтали мы — заглянули в глубины океана. Молодцы ребята!

7. 19 ТЫСЯЧ ДНЕЙ ПОСРЕДИ ОКЕАНА

В баньке было жарко. Пахло дровами и березовыми вениками. И здесь эти земные запахи особенно приятны, ведь тысячи километров ледяной пустыни отделяют нас от Большой Земли.

Банька стояла на льдине. На льдине, на которой уже четыре года путешествует по океану дрейфующая станция «Северный полюс-22». Сейчас она ушла очень далеко от родной земли, уплыла к берегам Канады.

— В такой уютной баньке даже забываешь, что ты находишься поблизости от Северного полюса, — улыбнулся пожилой человек с добрым веселым лицом и протянул мне мочалку: — Потри, пожалуйста, спи-

Вот уж не думал никто из полярников «СП-22», что в построенной ими на ледяном острове бане будет мыться этот уже немолодой человек, ведь для полярников Евгений Константинович — известный полярный исследователь, академик, Герой Советского Союза — личность легендарная.

Однажды Евгений Константинович сказал: «Я занимал и занимаю высокие посты, имею почетные звания, но одним из них я горжусь больше всего — званием „папанинец“...»

Комсомольцу Евгению Федорову было двадцать семь лет, когда он вместе с Папаниным, Ширшовым и Кренкелем отправился впервые по Ледовитому океану. Сорок лет назад, 21 мая 1937 года, папанинцы впервые подняли на Северном полюсе флаг Советского Союза. И 274 дня вместе с ними флаг нашей страны путешествовал по океану.

Первая дрейфующая станция «Северный полюс» внесла в науку об Арктике огромный вклад. Четверка отважных советских людей впервые рассказала миру о том, что у самого Северного полюса есть жизнь: сюда заходят медведи, залетают птицы; здесь появляются моржи. Впервые люди измерили глубину океана в этом районе, и оказалось, что до дна меньше километра. Папанинцы исследовали скорость дрейфа льда и температуру воздуха, течения и ветры.

„Папанинцы проложили ту дорогу, по которой мы сегодня идём“, — так вам скажет любой из молодых полярников станции «СП-22».

...А когда мы вышли из баньки, Евгений Константинович сказал:

— Радист нашей станции Эрнст Кренкель часто утверждал, что на Северном полюсе никогда не появится надпись: «Мойте руки перед едой». Мы жили вчетвером в маленькой палатке, вода была на вес золота — надо было набирать снег, топить его в ведре и только после этого начинать мыться. Процедура долгая. И, конечно, ни о какой бане мы мечтать не могли. Хорошо, если за

несколько дней один раз руки вымоешь. А на этой станции и надписи, призывающей мыть руки, не нужно. Все и так три раза в день моются, да еще такую прекрасную баню имеют.

Потом мы заглянули к радиостам и не стали у них долго задерживаться: радисты как раз сейчас передавали сведения о погоде на Большую землю. Теперь восемь раз в сутки поступают данные о температуре воздуха, силе и направлении ветра в Центры погоды, где ученые их обрабатывают. И без этих данных сегодня трудно предсказать, какая погода будет в Ленинграде или в Париже, в Иркутске или Токио.

А когда в кают-компании академик Федоров выступал перед полярниками, то места свободного не было — столько людей собралось. Евгений Константинович развел руками:

— Вон какие молодые богатыри живут сегодня на льдинах.

В кают-компании сидели молодые бородатые веселые люди — океанологи, механики и радисты, врачи и аквалангисты.

Сегодня дрейфующие станции стали крупными научными поселками, где ученые разных специальностей проводят обширные исследования: измеряют глубину и течения, изучают лед, рельеф дна, атмосферу.

Начальник станции Игорь Симонов показал нам карту Ледовитого океана, на которой нарисованы пути всех советских станций, путешествовавших в царстве белого безмолвия. И было такое впечатление, что весь океан накрыли огромной рыбацкой сетью: трудно найти район, где не побывала бы одна из станций.

— Знаете, сколько километров прошли все «СП», — спросил Евгений Константинович. — Около 90 тысяч. И еще назову вам две цифры: почти 19 тысяч суток прожили в об-

щей сложности советские исследователи на дрейфующих льдинах за сорок лет. Есть цифра грустная — 800 раз льдины, где находились станции, ломало. И первый счет этих разломов начали мы на «СП-1». Несколько раз со страшным треском раскалывалась наша льдина, и нам приходилось перетаскивать на новое место палатку, склады с продуктами, приборы. И трудно сказать, где в следующий миг пройдет трещина.

Да и сейчас Арктика к человеку добрей не стала, — сказал Федоров. — Это такой же суровый край, каким он был, когда отправлялась в путешествие первая станция «Северный полюс». И морозы бывают здесь под пятьдесят градусов. И тогда трудно глаза раскрыть — ресницы слипаются. И пурги такие, что на ногах не устоишь. И полярная ночь — непроглядная, темная — всю зиму. И работа здесь очень трудная.

СТИХИ ТВОИХ РОВЕСНИКОВ *****

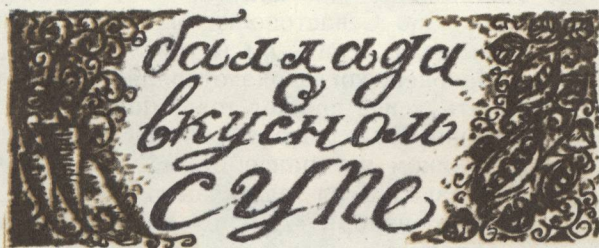

Рисунок В. Малкова

Рецепт давно забытый
Хочу я сообщить,
Чтоб снова знали люди,
Как вкусный суп варить.

В котел с водой кипящей
Кусочек мяса брось.
Да, кстати, хорошо бы,
Чтоб в нем была и кость.

Пусть в котле чугуном
Кипит под крышечкой он,
Чтоб получился вкусный,
Наваристый бульон.

Нарежь не очень мелко
Картошку и морковь,
А также лук, капусту
И зелень приготовь.

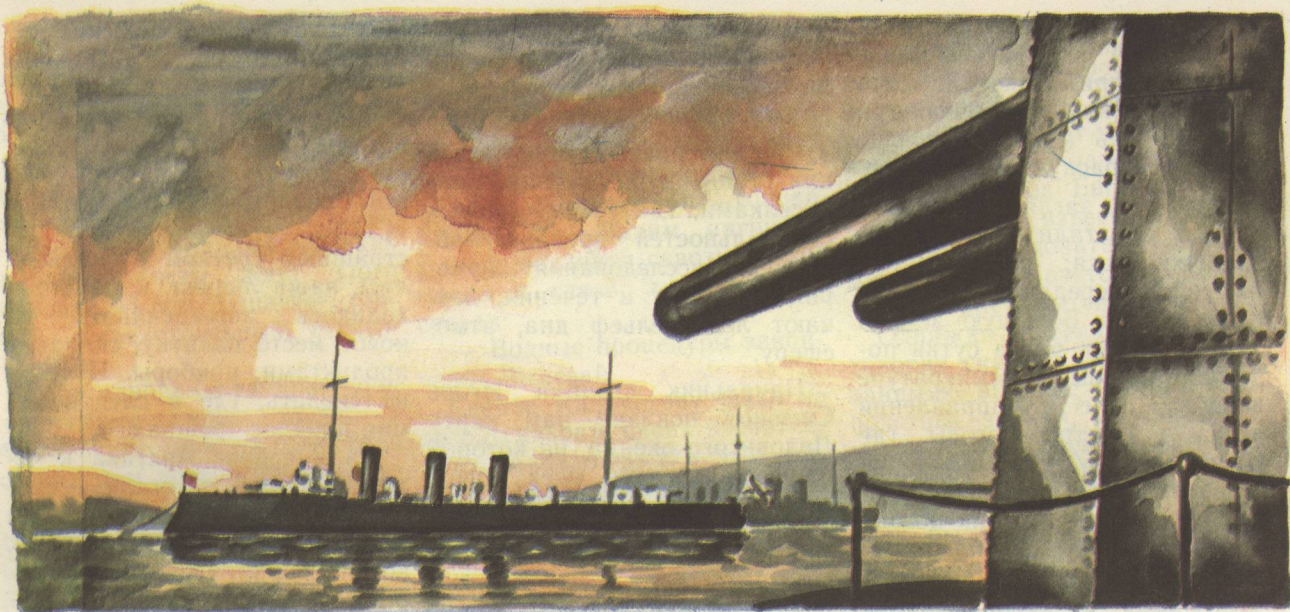
Добавить также можно
Горошек или фасоль.
И не забудь, что нужно в котел
Подсыпать соль.

Калорий в супе много,
Белками он богат,
Придать осталось супу
Особый аромат.

Для этого найдите
Волшебную траву,
Которую, однако,
Я здесь не назову.

Мария Елькина,
6-й класс, Ленинград

СРОК УЛЬТИМАТУМА ДВА ЧАСА

ГЛАВЫ
ИЗ
ПОВЕСТИ

Геннадий ЧЕРКАШИН

Рисунки Р. Яхнина

КРАСНЫЙ ОГОНЬ НА ОСТРОВЕ МОРСКОЙ БАТАРЕИ

В Керчь, где жила Анна Петровна, сестра Шмидта, весть о восстании принесли пассажиры парохода «Пушкин». Из-за почтово-телеграфной забастовки она уже давно не получала от брата писем, и весть, что он возглавил восстание, сильно взволновала ее. Дома она заявила, что немедленно отбывает в Севастополь, и муж, все понимая, помог ей устроиться на ближайший пароход, который шел из Керчи на Одессу с заходом в Севастополь.

В Ялте она узнала из газет о подавлении восстания и о том, что брат ее арестован. Собравшиеся в салоне пассажиры первого класса стали на все лады поносить восставших, заверяя, что Шмидта теперь непременно повесят. Слушать все это было невыносимо, Анна Петровна ушла к себе в каюту и не покидала ее до самого Севастополя. В глубине бухты она увидела черный, обугленный остов крейсера и подумала, что брата, возможно, уже и нет в живых.

Все ее попытки узнать что-либо о судьбе брата и племянника поначалу ничего не дали. Как в воду они канули. Слухи же, которые ходили по Севастополю, были самые противоречивые, и верить им не имело смысла.

Наконец, когда она отчаялась уже что-либо узнать, к ней пришел товарищ брата инженер-механик Володзько, который служил старшим механиком на транспорте «Дунай». Волнуясь, Володзько стал рассказывать, как восемнадцатого ноября «Дунаю» было приказано маневрировать около Херсонеса. Вскоре Володзько заметил, что от берега отделилась шлюпка. Когда шлюпка приблизилась, он увидел в ней Петра Петровича и Женю. Шмидт был без фуражки, в матросской шинели, лицо его было покрыто копотью. Поднимаясь по трапу, он сильно хромал. Тут же «Дунай» развернулся и полным ходом пошел на север.

— На рассвете следующего дня мы отдали якоря на Очаковском рейде, — говорил Володзько — Петра Петровича вывели на палубу. Он шел, прихрамывая, и хотя он не морщился от боли, мне хорошо было видно, каких усилий требует от него каждый шаг. Утро было холодное, хмурое. Он поежился и стал спускаться в шлюпку.

— Но почему в Очаков? — вырвалось у Анны Петровны. — Разве мало казематов в Севастополе?!

— Очаков глухое, богом забытое место. Ни одной железной дороги на сто верст вокруг,

*Окончание. См. «Костер» №№ 10, 11, 1977 г.

одна лишь степь. А с моря город защищен сильнейшей крепостью, которая находится на острове. Его так и называли — остров Морской батареи. Да разве ж выкрадет кто-либо узника с этого острова! — Володзько сокрушенно покачал головой. — Чухнин знал, как понадежнее спрятать Петра Петровича...

— Я еду к нему, в Очаков, — проговорила Анна Петровна. — Передам хотя бы вещи.

Валкий скрипучий пароход хрипло протрубил, возвещая о приближении к Очакову, и Анна Петровна вышла на палубу. Пароход как раз огибал скалистый безлесый остров, который своей вытянутой формой, крутым горбом в предголовной части и резко скошенным южным мысом напоминал плывущего кита.

— Уж не это ли будет остров Морской батареи? — спросила Анна Петровна у матроса, который подвязывал брезент на шлюпке.

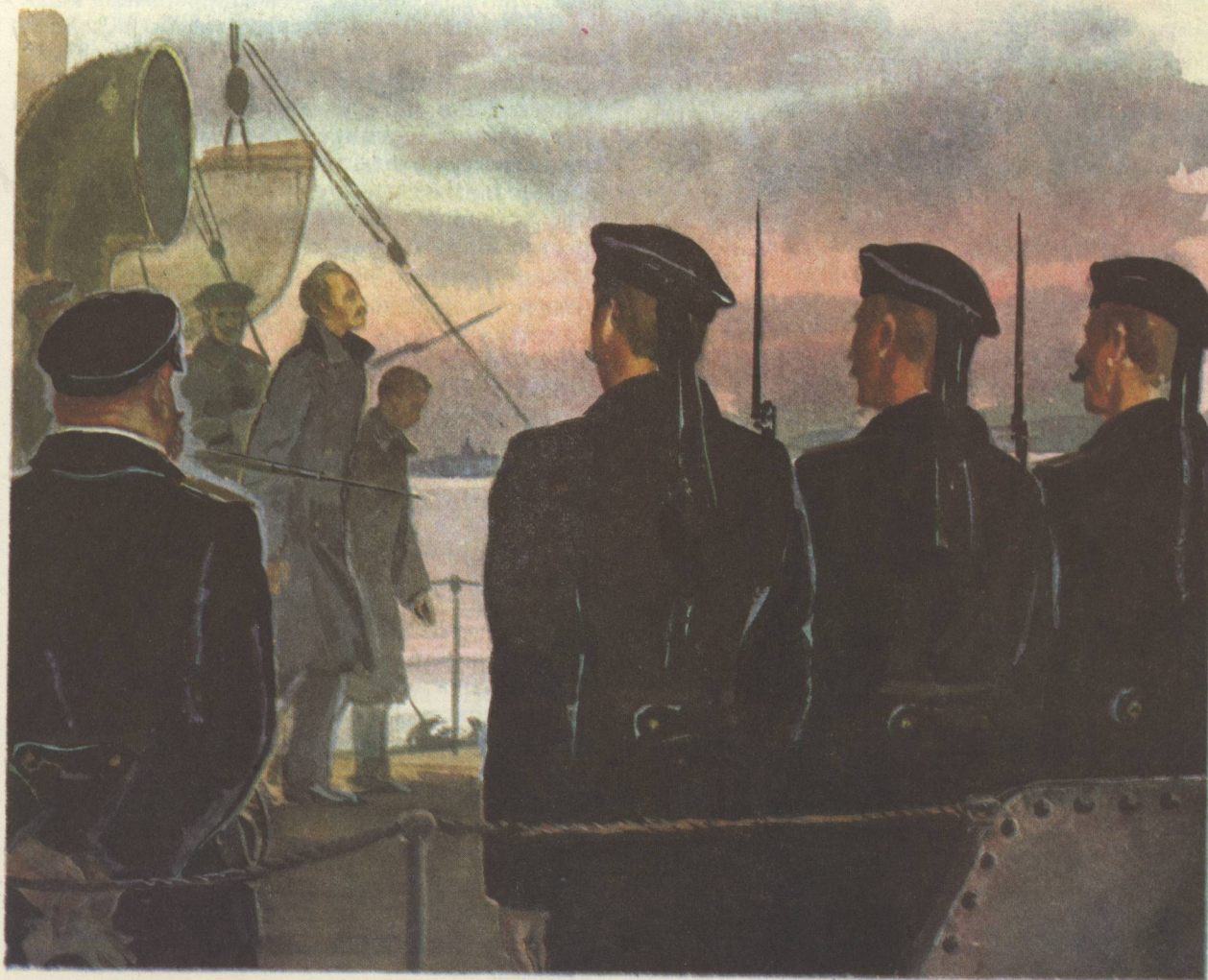
— Та нет, какое там, — ответил матрос, даже не взглянув на остров. — Это Березань, сударыня.

«Какое грустное место, однако», — подумала Анна Петровна, скользнув взглядом вдоль

белой кромки прибоя. По-видимому, этот остров некогда соединялся с материком песчаной косой, впоследствии размытой морем. Часть этой косы украшал маяк и жалкая хижина маячного сторожа. Отсюда, от этого глинистого берега, который по мере приближения к Очакову становился все выше и круче, начинались бескрайние причерноморские степи, ровное однообразие которых нарушали только скифские курганы да гурты грязно-серых овец.

В Очаков пришлось съезжать на катере — пароход из-за мелководья к берегу не подходил. От пристани вверх вела дорога, оврагом перерезавшая береговой откос. Единственный извозчик на хромой кляче взялся доставить Анну Петровну в номера Таковенко.

Первым делом она разыскала ротмистра Полянского. У ротмистра оказалось мягкое добродушное лицо, судя по первой встрече, он был простоват, незлобив, и все это никак не вязалось с той ролью стража Шмидта, которая выпала на его долю.

— Вещи получены, — говорил Полянский, — и будут отвезены вашему брату сегодня же. Напишите записку, и лично я передам эту записку ему.

Когда Анна Петровна вышла от ротмистра Полянского, уже стемнело. Не заходя в номера, она прошла к церкви, возле которой на высоком постаменте стоял Суворов, шпагой указывающий на невидимую в сумерках Кинбурнскую косу. Острие шпаги упиралось в красное пятно, которое одиноко светилось среди морской пустыни, и она легко догадалась, что это огонь маяка на острове Морской батареи.

Анна Петровна нашла скамью в церковном дворе. Остро пахло кизячным дымом. Во дворах брехали собаки. Но она ничего не замечала, кроме кроваво-красного пятна, пронзившего своим тревожным светом ночь. И смертельная тоска ложилась на сердце. Она впервые плакала за столько дней напряженного ожидания. Так час прошел или два... И все это время она видела брата. То мальчиком в матроске и коротких штанишках. То хрупким мечтательным юношей. То капитаном дальнего плавания, с мягким юмором повествующим о нравах племен на океанских островах... И какой-то нелепой казалась мысль, что судить Петра Петровича будут те люди, которые первыми открыли огонь и которые уже убили сотни людей. Словно мало им было всех этих смертей, словно ненасытность вселилась в них. О каких законах плели эти убийцы, собирающиеся судить тех, кто не хотел кровопролития?! О каких статьях закона могла идти речь?! К какой справедливости зывали те, кто поправил эту справедливость в самом ее зачатке?

И поэтому, когда ротмистр протянул ей серый клочок бумаги, на котором после слов благодарности шли еще и такие слова: «Обо всем, что я сделал — не жалею. Считаю, что поступил так, как должен был поступить каждый честный человек», она обрадовалась этим словам, этой непокорности и твердости, и гордость за брата, которого не сломили никакие лишения и никакие угрозы, переполнила ее душу.

В тот же вечер она покинула Очаков. И долго еще ей была видна ярко-красная точка, пометившая на планете тот крошечный остров, на котором в каземате в ожидании суда должен был томиться ее брат.

ТЕЛЕГРАММА

«Вице-адмиралу Чухнину

24 декабря 1905 г. Срочно!

Вчера опять после доклада у государя о состоянии Черноморского флота его императорское величество спросил меня: «Когда, наконец, будет покончено с этим изменником?» Еще раз прошу вас поэтому скорее закончить дело.

Морской министр БИРИЛЕВ».

ПРОКУРОР РОНЖИН

Ронжин составлял обвинительный акт... Ронжин не сомневался, что процесс этот принесет ему повышение по службе, возможно даже генеральский чин.

Начал он с того, что определил список лиц, для которых он должен был потребовать смертной казни, и первым в этом списке значился Шмидт.

Уже зная, что судьба доверила ему поставить последнюю точку в биографии Шмидта, Ронжин приступил к тщательному изучению самой биографии, которая в кратком виде выглядела следующим образом. Родился 5 февраля 1867 года в Одессе. В сентябре 1883 года определен в Морское училище. В 1886 году мичман выходит в отставку из-за того, что он женился на женщине из простого сословия*.

В течение ближайших четырех лет Шмидт осваивает в Париже новую профессию воздухоплователя, выступает под псевдонимом Леона Аэра, прогорает и по ходатайству дяди возвращен во флот и зачислен в 18-й флотский экипаж в Петербурге. В 1894 году мичман Шмидт переведен в Сибирский флотский экипаж, где его дальнейшая служба проходит на ледоколах. В 1895 году он произведен в лейтенанты. В 1897 году назначен на канонерку «Бобр», на Тихий океан. В 1898 году, после столкновения с флагманом эскадры контр-адмиралом Чухниным, Шмидт выходит в запас и поступает на службу в Добровольческий флот. Первое время он ходит вторым помощником на пароходе «Кострома» между Петербургом и Владивостоком. В 1900 году Шмидт получает приглашение перейти в Русское Общество Пароходства и Торговли, и до начала русско-японской войны плавает сначала старпомом на пассажирском пароходе «Королева Ольга», затем капитаном буксирно-грузового парохода «Игорь», пассажирского «Святой Николай», и, наконец, незадолго до войны он получает океанский транспорт «Диана». Войну он начинает старшим офицером на транспорте «Иртыш», в составе эскадры Рождественского доходит до Порт-Саида, где заболевает и вынужден лечь в госпиталь.

Весной 1905 года Шмидт попадает на Черноморский флот, командует миноносцем № 253, который первое время базируется в Измаиле, где несет сторожевую службу у берегов Румынии. В августе миноносец возвращается в Севастополь, в октябре Шмидт заявляет о себе своими подстрекательскими речами, арестован, 6-го ноября он выходит в отставку. 14 ноября он поднимается на борт взбунтовавшегося крейсера... Вот как выглядела эта жизнь, которую Ронжину надлежало оборвать.

Вот как она выглядела в простом перечислении дат...

А даты сами по себе мало что говорят.

* Морским офицерам позволялось брать в жены только дворянок.

Жизнь же Шмидта в поступках выглядела совсем иначе. И знакомство с ними вызывало одновременно и восхищение Ронжина и огорчало его, потому что он все больше убеждался, что судьба свела его с личностью незаурядной.

Незадолго до войны «Диана» шла рейсом из Риги в Одессу. Штормило. Выстояв двое суток на мостике, Шмидт наконец, когда немного утихло, спустился к себе в каюту, оставив на мостике вместо себя своего первого помощника. Ночью, когда судно приближалось к острову Мэн, на море пал туман. Понадеявшись на себя, помощник не стал будить капитана, и вскоре «Диана» со всего хода наскочила на подводные камни. Страшный грохот, толчки, треск, хлынувшая в трюмы забортная вода... — все это не могло не посеять паники. Положение казалось безвыходным, но вот на мостике появился капитан. Твердым голосом, спокойно, уверенно подавая команды, Шмидт прекратил панику, и вскоре команда уже делала все возможное, чтобы спасти судно. Двое суток длилась борьба людей за спасение «Дианы», но все было тщетно — положение застрявшего на камнях судна стало критическим. И тогда Шмидт приказал всем сесть в шлюпки, сам же он пожелал остаться на судне до конца. Это было древнее право капитана — разделить участь судна, но только самые мужественные люди пользовались им. Вскоре к нему присоединились еще четыре добровольца, которые вызвались помочь своему капитану связаться со спасательным судном. Шторм не утихал шестнадцать суток. На семнадцатые пришел пароход, которому удалось стащить «Диану» с камней. В Одессе Шмидт взял всю ответственность за аварию на себя, пытался выгородить помощника, но провинность помощника была слишком очевидна.

Не мог Ронжина не восхитить и случай, который последовал почти сразу же за первым. Дело было в Либаве, где «Иртыш» в ожидании распоряжений Главного морского штаба простоял около восьми месяцев. И вдруг приходит приказ в трехдневный срок принять восемь тысяч тонн угля и выйти в море на соединение с эскадрой Рожественского. Даже работая днем и ночью, принять этот уголь в столь короткий срок было невозможно, и вот, чтобы не иметь неприятностей, капитан решил взять столько угля, сколько это удастся за три дня. А чтобы не иметь нареканий, он приказал старшему офицеру заполнить междудонные отсеки забортной водой, придав тем самым «Иртышу» вид тяжелозагруженного судна. Но Шмидт отказался исполнить этот приказ, заявив командиру, что использовать таким образом транспорт, который был куплен за границей специально для перевозки угля и обошелся государству в два миллиона золотых рублей, преступление, в котором он принимать участие не будет. Протест старшего офицера возымел действие, срок погрузки был продлен, эскадра получила уголь.

Обо всем этом Ронжин узнал еще до своей встречи с отставным лейтенантом. Он подумал: «Смелый, принципиальный, умный, блестящий оратор...», и ему все хотелось, чтобы было это не так. Еще не встретившись со Шмидтом, он уже почувствовал острое беспокойство.

И причина этого беспокойства была только одна — на этот раз Ронжин не чувствовал своего превосходства.

Отправляясь в середине декабря вместе со следственной комиссией в Очаков, Ронжин мечтал о том, чтобы время, проведенное в каземате в ожидании смертного приговора, сломило дух Шмидта. Ему хотелось увидеть раскаявшегося человека, готового обратиться к государю с просьбой о помиловании. Ему хотелось, чтобы Шмидт цеплялся за любую возможность спасти свою жизнь.

Медицинская комиссия для освидетельствования здоровья Шмидта была вытребована из Одессы. Желая унижить Шмидта, генерал Колосов составил комиссию из окулиста, педиатра и терапевта. Ронжин знал, что такая комиссия незаконна, но он промолчал, потому что и ему самому захотелось, чтобы именно перед этой нелепой комиссией Шмидт стал бы демонстрировать свою «ненормальность». Ничто так не прибавляет уверенности прокурору, как униженный, потерявший достоинство противник.

С нетерпением Ронжин ждал этого момента. Он сел на диван в том каземате, где заседала следственная комиссия, и, закинув ногу на ногу, стал ждать, когда введут Шмидта. Вот его ввели, и Колосов объяснил, что сейчас он будет осмотрен по заявлению его сестры, которая предполагает, что ноябрьские события не прошли для Шмидта даром. И тут же в каземат вызвали врачей.

Один из них, по-видимому, знакомый Шмидта, пошел к лейтенанту с протянутой для рукопожатия рукой. «Вот он, момент истины», — подумал Ронжин, лицо которого оставалось бесстрастным. Краем глаза он заметил, как подался вперед генерал Колосов, но тут же все свое внимание прокурор сосредоточил на Шмидте.

С холодной усмешкой Шмидт следил за врачом.

— Не старайтесь, доктор, — наконец проговорил он. — Вам руки я не подам.

Затем, повернувшись лицом к Колосову и все так же холодно, презрительно улыбаясь, Шмидт негромко, но отчетливо проговорил:

— Запишите, я даю дополнительные показания, господа... Если я ненормален, то ненормальны все сто тридцать миллионов населения России, поймите вы это наконец! И запомните, что если бы вы выпустили меня сегодня из каземата, то при тех же обстоятельствах я поступил бы точно так же.

— Да вы в своем ли уме, делать такие заявления?! — крикнул Колосов.

Не отвечая больше ни слова, Шмидт громко и, как показалось Ронжину, искренне рассмеял-

ся. И смех этот продолжал преследовать Ронжина даже после того, как следственная комиссия вернулась в Севастополь, и Ронжин приступил к составлению обвинительного акта. Ему все виделось это ожившее вдруг бледное лицо, голубые глаза, которые еще секунду назад смотрели с холодным презрением, а теперь вдруг ожили, потеплели и взглянули на всех присутствующих в каземате с таким неподдельным превосходством, что Ронжину стало стыдно за весь этот разыгранный в каземате фарс и, быть может, именно тогда ему впервые захотелось, чтобы кто-то, все равно кто, устроил Шмидту побег.

ПОКУШЕНИЕ

Вечером 27 января к особняку Чухнина пошла молодая хорошо одетая женщина с

красивым энергичным лицом. Она позвонила и, мило улыбувшись ординарцу, попросила доложить главному командиру Черноморского флота, что дочь адмирала Чалеева настоятельно просит принять ее.

Получив на то согласие, ординарец командующего Дубинин проводил посетительницу в приемную. Когда Чухнин вошел туда же и направился к посетительнице с вопросом: «Чем могу быть полезен?», женщина открыла сумочку и, выхватив из нее браунинг, четыре раза выстрелила в адмирала. Ворвавшийся караул помешал ей сделать пятый выстрел. Ударом приклада женщину свалили с ног. Рядом на полу извивался от боли раненый Чухнин.

— Немедленно расстрелять! — прошипел он.

На выстрелы прибежали адъютанты и супруга адмирала. Адъютанты подняли командующего и положили на диван.

— Ах, какая жалость, что вы живы, адмирал, — проговорила женщина, которую держали за руки два матроса. — Но поверьте мне, это ненадолго. Мы никому не простим крови, которую вы пролили пятнадцатого ноября. Вы жестокий убийца и вам уже не уйти от народной кары!

— Тащите ее во двор! — взвизгнула адмиральша.

Женщину выволокли на караульный дворик и стали с ожесточением избивать прикладами.

— Еще!.. Еще!.. — кричала адмиральша.

Уже обмякшее, изуродованное тело привязали к столбу, и ординарец командующего Дубинин, отойдя на пять шагов, прицелился ей в грудь.

Она с трудом подняла разбитое лицо и разомкнула опухшие губы.

— Да здравствует Шмидт!.. Да здравствует свободная родина!

Раздалось пять выстрелов.

Убитую опознали родственники. Ей было восемнадцать лет. Ее звали Катя Измайлович.

„БЕГИТЕ, ПЕТР ПЕТРОВИЧ!“

План был таков: около полуночи машинисты выводят из строя электростанцию, погружая остров в кромешную тьму. В это время группа солдат нападает на часовых. Засов изнутри каземата открывает жандарм Хлудеев, взявшийся руководить операцией. Заговорщики повязывают обоих жандармов, для алиби стукнув Хлудеева чем-нибудь по голове. Часовых и жандармов закрывают в каземате Шмидта. Неподалеку от острова Петра Петровича уже

ждет парусная лодка. Она подходит по сигналу с берега прямо к каземату и принимает беглеца. Впереди целая ночь. При хорошем ветре Шмидт так далеко уйдет в открытое море, что поймать его станет труднее, чем найти иголку в стогу сена.

Оставалось только выбрать день побега. И сообщить об этом Шмидту. Петр Петрович пока ничего не знал. Уже нарисовав этот побег в своем воображении, Хлудеев представлял себе, как он подойдет к Шмидту и скажет: «Бегите, Петр Петрович! Путь свободен». И в ответ увидит удивленный, благодарный взгляд Шмидта...

Узнав, что транспорт «Прут» с членами суда и остальными подсудимыми выйдет из Севастополя 4-го февраля, Хлудеев решил больше не медлить и провести операцию в одну из ближайших ночей. После совещания с артиллеристами срок побега был назначен — 2-е февраля.

Заступив на дежурство 1-го февраля, Хлудеев ждал момента, когда он сможет переговорить со Шмидтом с глазу на глаз. Шмидт все еще ни о чем не подозревал.

Напарник Хлудеева унтер-офицер Зайкин с утра жаловался на ломоту в суставах, ругал погоду и каменный мешок, в котором им приходилось просиживать сутками до пересменки. «Так и тянет, так и тянет, — жаловался Зайкин, кривясь от боли. — Мочи моей нет терпеть».

— А ты заберись на скамью, сними сапоги, а ноги в тулуп укутай, от шерсти вмиг полегчает, — посоветовал ему Хлудеев.

Зайкин благодарно осклабился и принялся прилаживать на широкую скамью овчинный тулуп.

— На прогулку! — крикнул Хлудеев, гремя засовом.

Они обогнули маяк и еще минут пять шли берегом. Потом остановились. Волны с негромким рокотом накатывались на гладкие прибрежные камни.

— Весна... повсюду весна... вон как морская трава поседела, — говорил Шмидт, наклоняясь над водой. — И скалы пахнут щемяще...

Часовые держались поодаль. Хлудеев приблизился к Шмидту и, стоя у него за спиной, тихо произнес:

— Петр Петрович... сегодня ночью мы освободим вас. Слушайте меня внимательно...

И он стал слушать. Не доверять Хлудееву он не мог — Хлудеев сам более месяца тому назад предложил свои услуги. Тайная переписка шла через него. Идя на это, Хлудеев рисковал не только своим служебным положением, но и свободой. То, о чем жандарм говорил сейчас, могло стоить ему жизни.

— Теперь каждую ночь — я примечал — дуют хорошие попутные ветры, — доносился до него приглушенный голос Хлудеева.

«Попутные ветры... Заграница... Обретение жизни, свобода, борьба...»

Подкралась крупная волна и окатила ему ноги. Он отметил это без досады. Как-то странно кружилась голова. Голос Хлудеева то приближался, то удалялся, словно кто-то из них раскачивался на качелях. Заслоняя солнце, скользнула по небу крупная тень чайки.

Обретение жизни... свобода... Эжену Годару, обучившему его воздухоплаванию, он когда-то сказал: «Море, музыка и свобода — вот все, без чего я не могу прожить». Годар посмотрел на него с удивлением. «Несколько лет тому назад, — сказал Годар, — я поднимался с

Жюлем Верном. Он попросил прополоскать его в верхних ветрах. Когда мы поднялись к облакам, старина Жюль произнес те же самые слова, которые только что сказали вы, мой друг...» Почему вдруг вспомнилось об этом сейчас?

— Бегите, Петр Петрович!

Чайка скользила кругами. Крупная, похожая на взведенный арбалет. Он не отрывал от нее глаз. И думал: «Чайки, должно быть, знают, что такое воля, а мы всю жизнь в суете живем, в сутолоке...»

— Матросам будет очень не хватать меня на суде, — сказал он. — И потом... после суда... тоже.

СУД

Уже в восемь утра на всем промежутке между гауптвахтой и одноэтажным приземистым зданием Офицерского собрания, где должен был начаться процесс, шпалерами были выстроены войска — солдаты на мостовой и донские казаки на тротуарах. Все посторонние с улицы были удалены.

День обещал быть солнечным, тихим. Громко чирикали воробьи.

Без четверти девять конвой вывел большую группу матросов.

На улице их уже поджидали казаки с оголенными шашками. Только после того, как казаки взяли в плотное кольцо матросов и конвоиров, последовала команда двигаться дальше.

Затем, тоже в окружении двойного конвоя, повели Антоненко, Гладкова и Частника. Анна Петровна с невольным восхищением следила за каждым шагом этих людей, и восхищение это было вызвано не той ролью, которую эти люди сыграли в ноябрьских событиях, хотя и этим тоже, а тем, как эти люди шли сейчас на суд. Они шли с тем гордым спокойным выражением лиц, с той неторопливостью, что весь этот усиленный конвой казался лишним, ненужным, даже комичным со своей показной воинственностью, настороженностью, с этими штыками и оголенными шашками. И это чувствовали все, даже солдаты, поставленные вдоль дороги, даже сами конвоиры, и все понимали, что исчезли они сейчас, эта троица все равно бы проследовала к зданию суда и не замешкалась бы ни на секунду.

Анна Петровна смотрела на бритое неприметное лицо Гладкова, на Антоненко, который даже среди рослых солдат и конных казаков выделялся своей громадностью, здоровьем, силой, писаной красотой своего лица, на Частника, столь же высокого, как Антоненко, но сухощавого, и думала, что она прожила уже большую жизнь, но до сегодняшнего дня так и не видела настоящего лица России. Она думала о том, что людей она встречала много, но всегда эти люди были заняты своей соб-

ственной жизнью, и поэтому на их лицах лежал отпечаток той мелочности, которой было проникнуто их собственное существование, теперь же ей повезло увидеть лица столь же великие, как велика была задача, за которую они взялись, и она впервые поняла, что же нового было и в облике ее собственного брата.

А вот и он появился в воротах. Его вели два солдата и два жандарма, один из которых шел впереди, а другой — позади с револьвером в руке. Петр Петрович курил, пальто его было расстегнуто. Заметив на тротуаре сестру, он улыбнулся и в знак приветствия наклонил голову.

Корреспонденты столичных и заграничных газет, которых достаточно съехалось в Очаков, в зал заседания суда допущены не были.

„Я ЗНАЮ...“

На полу лежала светлая полоса лунного света. Ронжин спустил с кровати ноги. Ноги казались восковыми, ноги мертвеца... Он дотянулся до халата, который висел на стуле. Плотное запахнувшись в халат, подпоясался толстым витым шнуром. Комната, которую ему отвели в Офицерском собрании, находилась в двух шагах от зала суда. Он вышел в коридор и пошел на ощупь, в темноте. Рука натолкнулась на дверь, нащарила ручку, потянула к себе...

Без людей, освещенный одним лишь лунным светом, зал казался почти громадным. Опустевшие ряды были безлики, как покинутые окопы на поле брани. Ронжин медленно шел по залу, пока не достиг того места, где сидел Шмидт. Кружилась голова. Не отдавая отчета своим поступкам, Ронжин опустился на скамью подсудимых.

«Господа судьи! Перед вашими беспристрастными глазами прошло дело, во главе которого был я... Не могло это дело стать совершенно ясным, так как оно явилось здесь как обрывок общего великого русского дела, самая сложность которого не позволяет нам, современникам, объять его беспристрастным взором... И этот обрывок русского дела, слабо освещенный свидетельскими показаниями, ждет теперь над собой вашего приговора...»

И сейчас в зале стояла тишина, но как не похожа она была на ту жуткую звенящую тишину, которая разлилась после этих слов. И в той душераздирающей тишине властвовал только один голос, не очень громкий голос человека в морском офицерском сюртуке без погон.

«Я говорил вам, господа судьи, что не должно быть в этом деле произнесено ни одного слова неправды. Только одну правду вы слышали от меня, и я знаю, вы верили мне...»

Ронжин застонал. Он стонал протяжно, как стонут люди при сильной зубной боли.

«Предсмертная серьезность моего положения, ответственность перед родиной побуждает меня еще раз сказать вам о тех молодых жизнях, которые ждут со мной вашего приговора...»

Днем раньше Ронжин потребовал двенадцать смертных казней. Дюжину! Он мог потребовать и больше, но он сам сдерживал себя. «Двенадцать будет достаточно», — думал он. Шмидт же настаивал только на одной. Он всю вину брал только на себя, он выгораживал всех, и, вслушиваясь в этот чуть хриплый, осипший от напряжения голос, Ронжин знал, что судьи не устоят против убедительности, которая слышалась в каждом звуке, в каждом слове лейтенанта, что они поддадутся этому голосу, что они потеряют контроль над собой. Они уже теряли этот контроль, уже сдавались тому, против кого заставили стрелять свои орудия. А Шмидт, словно зная, что так оно и будет, говорил им:

«Я не прошу снисхождения вашего, я не жду его. Велика, беспредельна ваша власть, но нет робости во мне, и не смутится дух мой, когда услышу ваш приговор...»

Не первая Россия переживает дни потрясений, и в истории всех народов, при взаимном столкновении двух начал — отжившей и молодой народной жизни — были всегда жертвы...»

Вот и происходило то, чего так боялся Ронжин. Всю ту титаническую работу, которую он проделал, Шмидт своей короткой речью, своим последним словом сводил на нет. Не признавший своей вины, отвергший саму законность законов в период государственных потрясений, снявший с судей ответственность за приговор, Шмидт царил в этом зале, а вместе с ним царила его правда, потому что в ней, в этой своей вере, он черпал свою силу. И странно было видеть задумчивые, просветлевшие лица судей. Странно было видеть полковника Александрова, который сидел, не шелохнувшись, с выражением неподдельного восхи-

щения. И часовых, которые, забыв о долге, об уставе, стояли, отставив ружья — и, вспоминая теперь об этом, Ронжин думал, что часовых следует непременно наказать, потому что не было сомнения в том, что эти часовые, вели им Шмидт, арестовали бы судей, арестовали бы его, Ронжина, и пошли бы за Шмидтом куда угодно, как пошли в свое время матросы, поверившие в ту правду, которую исповедовал их командир. Ну откуда, откуда Шмидт был так уверен, что все так и будет, как говорил он?! Откуда он черпал эту самую свою уверенность?! Как смел он утверждать свою правду? А он утверждал ее. Он говорил:

«Я знаю, что столб, у которого встану я принять смерть, будет водружен на грани двух разных исторических эпох нашей родины! Сознание это дает мне много силы, и я пойду к столбу, как на молитву...»

Позади, за спиной у меня, останутся народные страдания и потрясения тяжелых лет, а впереди я буду видеть молодую... обновленную... счастливую... Россию...»

Ронжин поднялся со скамьи подсудимых и подошел к судейскому столу. Его привыкшие к темноте глаза легко различали портрет Николая, перепоясанного голубой андреевской лентой.

— Я сделал все, что смог, ваше величество, — устало проговорил он, облакаясь на стол и не сводя глаз с государя. — Моя совесть чиста перед вами. Но голоса судей, ваше величество, разделились. Двое проголосовали за смертную казнь для Шмидта, двое — за казнь торгу...

ШИФРОВАННАЯ ТЕЛЕГРАММА

«Председателю суда полковнику Александру»

18 февраля 1906 г.

Если вы все желаете, чтобы негодяй Шмидт был в мае месяце морским министром, то даруйте ему жизнь. Мне же кажется, что этого негодяя нужно как можно скорее повесить.

Вице-адмирал ЧУХНИН.

ТЕЛЕГРАММА

«Главному военно-морскому прокурору»

18 февраля 1906 г.

Срочно!

Сейчас объявлена резолюция суда. Приговорены Шмидт, Частник, Антоненко, Гладков к смертной казни...

Полковник Ронжин.

ПЕТР ПЕТРОВИЧ ШМИДТ

Восход солнца вызовет ветер, ветер породит волну...

Не было солнца, не было ветра, был штиль — мертвый штиль...

Отражаясь в зеркальной воде, будто плыл остров Морской батареи. Жаль, что не было акварельных красок.

«Час акварелей», — подумал он и сделал первый штрих карандашом.

Работать надо было быстро, чтобы не упустить свет.

Карандаш скользил по бумаге, слегка касаясь ее шероховатой поверхности.

Преобладали только два тона: пепельный — небо и слегка потускневший срез свинца — море.

Напряженный, даже тревожный покой во всем — вот чего он хотел добиться.

Но какой странный сон ему приснился ночью.

Сад стоял весенний, кремово-белый от цветов.

Земля под деревьями была покрыта слоем лепестков.

Лепестки опадали сами по себе. И еще оттого, что птицы вспархивали с веток.

Никогда раньше ему не доводилось видеть таких птиц.

Они напоминали ласточек, но оперение имели перламутровое, от золотистого оттенка до зеленоватого.

Самым же замечательным были глаза птиц — огромные, как у людей, и совершенно круглые. Женские глаза, определенно женские, карие, искристые, сияющие, теплые...

Сильное и трепетное волнение охватило его.

Несомненно, какая-то связь существовала между ним и этими птицами, потому что при его появлении птицы разом перестали летать.

Они сидели на ветках, смотрели на него, а он на них.

Задышавшись от волнения, он протянул руки им навстречу, желая только одного — чтобы птицы эти опустились на ладони — и сон прервался!

«Перламутровые птицы, похожие на ласточек — приснится же такое», — подумал он и сделал последний штрих.

Горизонт уже наливался желтизной.

Облетая «Прут», кружили чайки.

То застывшее, напряженное ожидание, с которым море ждет восхода, передать не удалось. Не хватало глухих ударов турецких барабанов — только скрипки и виолончель, только задумчивая грусть.

И все-таки рисунком он остался доволен.

«Мой остров. 1 марта 1906 г.» — написал он в левом нижнем углу и поставил подпись.

МИЧМАН ВЕРЕСОВ

Эта ночь ему что-то сулила, какие-то перемены в жизни...

Вересов, свободный в эту ночь от вахты, вышел на палубу. «Терец» словно проваливался во тьму, словно падал куда-то, но только встречное движение воздуха говорило об этом непрерывном падении.

— Курс 250, скорость 10 узлов, глубина под килем 8,5 метра, — доносилось с мостика.

Вересов вышел на бак и остановился, споткнувшись о какие-то ящики, которые он не разглядел в темноте.

— ...Под килем 7 метров... — извещал голос. — 6 метров... снова 7 метров...

Звякнула ручка телеграфа, и Вересов почувствовал, как корабль замедлил свой бег.

— Включить фонарь!.. На сто сажень вперёд по курсу...

Сноп света, сначала тусклый, но с каждой секундой наливающийся режущей глаза яркостью, клюнул край мостика, высветив силуэты людей на нем, метнулся вперед, откачнулся назад, ослепив Вересова, потом вбок и медленно пополз вперед, зацепив мимоходом ту часть палубы, где стоял мичман, и тут Вересов увидел, что предметы, которые он принял за ящики, не ящики вовсе, а гробы.

— 9 метров под килем... — объявил голос. — Девять... снова девять...

«Это для них, — подумал Вересов, и острая судорога прошла по его телу. И сразу стало понятно, откуда так много солдат на канонерке, почему лодка движется к необитаемому острову. Еще никто вслух не сказал об этом, солдат принимали уже далеко за полночь, как видно, тогда же и гробы погрузили, но ни Шмидта, ни Частника, ни двух осужденных на смерть матросов на судне не было.

— Ах какая сегодня дивная ночь, — произнес чей-то голос наверху, и другой голос поддакнул.

Ночь действительно была прекрасна — звездная, сверкающая, с огромной половинкой луны над Очаковом, но как можно восхищаться ею, когда на палубе такой груз, было непонятно Вересову.

— Курс 360, под килем 8 метров...

«Терец» свернул и пошел теперь вдоль острова, еще более замедлив ход. Включили второй фонарь, направив его на береговую линию.

— Командам гребцов занять свои места по расписанию! — в рупор объявил Ставраки. — Очаковским артиллеристам подготовиться к высадке!

Лодка уже плавно замедляла ход, готовясь бросить оба якоря. Слышался топот ног, отрывистые команды, призывные свистки боцманских дудок. Вот и якоря полетели с бултыханием. Один фонарь пополз вдоль берега, отыскивая место высадки, другой освещал пространство вдоль левого борта, куда стали спускать шлюпки, в которых рядом с гребцами сидели солдаты с заступами.

«Какая жуткая, зловещая ночь», — думал Вересов, не в силах оторвать взгляда от сверкающего острия заступов. Лица солдат в свете прожектора казались бледно-зелеными, как у покойников.

Ударили в рынду — сигнал собраться офицерам в кают-компанию. «Сейчас все решится для меня», — с грустью подумал Вересов.

Выждав, когда все офицеры займут свои места за длинным столом, Ставраки встал и, обращаясь ко всем присутствующим, проговорил:

— Господа офицеры! Командующий флотом выразил особое доверие нашему судну, поручив нам привести в исполнение смертный приговор над государственными преступниками. Мятежники, толкнувшие флот на бунт, должны получить по заслугам. Но будем откровенны, время сейчас таково, что у нас нет полной уверенности в благонадежности команд, тем более что преступники во главе с отставным лейтенантом Шмидтом пользуются среди нижних чинов огромным авторитетом. Поэтому я счел за лучшее назначить для учинения расстрела новобранцев, которых еще не успела растлить крамола...

«Так вот оно что», — думал Вересов, выслушивая инструкцию, которую зачитывал стар-

ший офицер. По этой инструкции матросы «Терца», разбившись на четыре взвода — по взводу на каждого осужденного, — образовывали первую линию. В затылок матросам, образуя вторую линию, ставились четыре взвода солдат очаковской крепостной артиллерии, в задачу которых входило держать под мушкой матросов. На тот случай, если солдаты попытаются освободить преступников и откроют огонь по матросам, старшим во взводах офицерам полагалось положить своих людей и открыть огонь по второй линии, а самим подойти к приговоренным и расстрелять их в упор из револьверов.

— Я буду тоже на берегу, — говорил Ставраки, — но тем не менее при возникновении критической ситуации приказываю открыть уничтожающий огонь из всех орудий, которые должны быть с самого начала наведены на площадку, где будет совершаться казнь. Пусть погибнут те из нас, кто съедет на Березань, но преступники не должны уйти от правосудия! Итак, господа, старшими взводов назначаются лейтенант Сухомлин, мичманы Войченко, Слупский и... Вересов...

«Вот и пришел мой черед, сейчас или никогда... Сейчас!» Словно боясь передумать, Вересов торопливо вскочил на ноги и стал непослушными руками отстегивать кортик. Наконец это ему удалось, и он положил кортик на стол.

— Вот, господа, — запинаясь от волнения и краснея, проговорил он. — Я ныне буду расстреливать. Я, господа, учился на морского офицера, а не на ппалача. Я, если хотите знать, и ввам больше руки не подам, — закончил он, ни на кого не глядя.

— Мичман еще раскается в своем опрометчивом решении, — услышал он голос Ставраки. — Мичман Бужинский, вы замените Вересова. Мичман Рюмин, отведите арестованного в карцер. В Севастополе мичман будет отдан под суд за невыполнение лично отданного ему приказа в чрезвычайных обстоятельствах. Господа, вы свободны.

Вересов слышал, как вокруг него задвигали стульями, но только одна мысль в этот момент сверлила ему голову — он думал о том, что теперь должен уйти из флота.

— Дождался, чистюля? — услышал он голос Рюмина и ощутил меж лопаток колкое револьверное дуло. — Теперь топай в карцер.

Рюмин еще что-то говорил, оскорбительное, неприятное, но Вересов не отвечал ему, так они и дошли до карцера. И только здесь Вересов повернулся к Рюмину и без всякой злобы бросил ему в лицо:

— Дурак ты, Рюмочка!

Не дожидаясь, пока опешивший Рюмин придет в себя, Вересов сам толкнул дверь и вошел в темную, без иллюминаторов, зловонную и холодную каморку и сам закрыл за собой дверь.

ГОРЬКИЕ ТРАВЫ БЕРЕЗАНИ

Как горько пахнут травы, не знающие дождей...

Они просыпаются для жизни весной, на голлом каменистом острове, открытом всем морским ветрам и палящим лучам солнца.

Быть может, потому травы эти, серебристо-серые, похожи на птичьи перья. Или на кораллы. Или на побеги папоротника.

Их жизнь коротка. Но, высыхая, они остаются. По-прежнему серебристо-серые. И горько пахнут... Как горько пахнут они!

Запах трав, обрывистый берег, желтые меловые скалы, шум прибоя воскресили в памяти Херсонес и день, когда глаза его коснулись каменной плиты, и он увидел слова, околдовавшие его: «Клянусь Зевсом, Землею, Солнцем, Девою, богами и богинями олимпийскими и героями...» Шмидт вздохнул. Манифест... Митинг на Приморском бульваре... Клятва на кладбище... «Как давно это было, — подумал он. — И как наивны мы были, поверив дарованным свободам... Да разве ж можно даровать свободу?! Разве свобода вещь, которую можно передать из рук в руки?! А если это так, то разве не теряет ее тот, кто отдает?!» — думал он, удивляясь тому, как люди не заметили всю логическую несуразность манифеста и не поняли сразу, что дарование свободы есть обман.

«Но теперь, после нашего восстания и после того, что произошло в Москве и в других городах, вернуться к прошлому уже нельзя, — думал он. — Народ протрезвел и никаким обещаниям больше не поверит. Вот теперь-то

и начнется настоящая работа, и она будет продолжаться до тех пор, пока народ не создаст свое — плоть от плоти и кровь от крови — правительство. И как когда-то Греция, Россия обогатит мир плодами народного ума и рук и станет примером для других народов». Ему особенно приятно было об этом думать, и потому, что он был русским человеком, и потому, что он должен был сейчас умереть, но, думая так, он нисколько не хотел принизить хоть как-то другой народ или нацию, потому что всегда был уверен, что в любом народе кроется бездна замечательной творящей силы, которая рано или поздно, но непременно заявит о себе.

Краем глаза он заметил, что солдаты, которые рыли могилу позади четырех вкопанных в землю тесаных столбов, стали поспешно вылезать из ямы. По положению солнца он понял, что время уже приближается к восьми. Свежий зюйд-вест, который еще час тому назад мешал им высадиться на Березань, уже улегся. Все глуше рокотал прибой. День обещал быть теплым.

Коренастый цыганского вида фельдфебель провел мимо перепачканных белой крошкой и бурой землей солдат, и один из них, с потным рябым лицом, взглянул на Шмидта виновато и как бы упрасывая его простить ему то, что он рыл могилу, и Петр Петрович кивнул — прощая, мол, солдат понял и поблагодарил жалкой улыбкой.

Сбросив с плеч пальто и оставшись в одной черной куртке, Шмидт подошел к своим товарищам, которые стояли у первого столба и курили. Их лица были бледны, но спокойны, и Шмидту захотелось сказать им какие-то

хорошие слова, поблагодарить их за пример неподдельного мужества, который они демонстрируют палачам, но он ничего такого не сказал, только улыбнулся и, подмигнув Гладкову, проговорил:

— Ну, попросаемся, ребята!

Они обнялись и, не дожидаясь команды, сами подошли к столбам! Еще на «Пруте» Шмидт попросил, чтобы на них не надевали саванов или повязок на глаза и чтобы не привязывали к столбам, и командир «Прута» дал обещание, что так и будет.

Было довольно свежо, и Петр Петрович немало помедлил, прежде чем решился снять куртку. Теперь он оставался в одной белой рубашке, которую надел на рассвете и которая еще хранила запах мыла и еще чего-то, чем всегда пахнет чистое белье, и он вдруг подумал, что это все в последний раз: и запах, и чувство холода, и травы, и море... Но бывший друг его по морскому училищу Ставраки уже выводил матросов на рубеж, и чуть подальше, образуя вторую линию, на рубеж выходили солдаты крепостной артиллерии, в затылок которым уже смотрели острые клювики пулеметов, и Петр Петрович понял, что командование не доверяет ни матросам, ни солдатам. Да и орудия канонерки, нацеленные на остров, говорили о том же.

От группы морских, артиллерийских и жандармских офицеров, расположившихся на небольшом пригорке справа от цепи матросов, отделилась маленькая фигурка председателя суда полковника Александрова. Обогнув строй барабанщиков, председатель остановился, откашлялся и, развернув приговор, стал громко читать его, но не весь, как это было на суде, а только ту часть, где говорилось о наказании. Дочитав до конца, полковник потоптался на месте, а затем вопросительно взглянул на высокого очаковского батюшку в лиловой рясе. Тот кивнул и подошел к осужденным, ожидая, что кто-то из них позовет его для причастия, но, не дождавшись, батюшка повернулся и пошел на пригорок — к офицерам.

Откинувшись на столб и позвоночником ощущая всю его округлую твердость, Шмидт

следил за тем, как по команде матросы вскидывают ружья. Лязгнули затворы. «Этак они нас измучают раньше, чем застрелят», — подумал он, глядя, как пляшут ружья в непослушных руках матросов, и окликнул Ставраки.

Их глаза встретились.

— Миша, — проговорил он спокойным тоном. — Последняя просьба, — прикажи своим стрелкам целиться прямо в сердце.

У Ставраки мелко задрожала челюсть, и он поспешно кивнул. Черные пятна дул как будто бы замерли.

— Умираем за свободу! — громко крикнул Антоненко.

— Умираем за отечество! — последовал выкрик Гладкова.

— Умираем за вас, товарищи! — это уже рядом выкрикнул Частник.

«Теперь моя очередь», — подумал Шмидт и, набрав в легкие воздуха, громко крикнул: — Да здравствует Россия!

Ударили барабаны. Громко и трескуче. И, словно спасаясь от этого грохота, взгляд его метнулся в небо, синева к синеве, и он вдруг увидел давешних птиц с огромными, круглыми, сияющими глазами. Он протянул им руки с раскрытыми ладонями, желая только одного — чтобы эти птицы, так похожие на ласточек, не пролетали мимо, но они уже садились на ладони, на плечи, на волосы — теплые, пушистые, невесомые...

Улыбаясь, Шмидт медленно сполз на землю.

Чайки, поднятые залпом, с пронзительным криком взлетели над островом и, сделав круг, понеслись в открытое море...

ШИФРОВАННАЯ ТЕЛЕГРАММА

9 марта 1906 г.

«Губернаторам и градоначальникам

Никакие демонстративные панихиды или демонстрации по поводу казни лейтенанта Шмидта ни под каким видом и во что бы то ни стало не должны быть допускаемы.

Министр внутренних дел П. ДУРНОВО».

„ПОСЛЕ КАЗНИ ПРОШУ —

Настоять через печать и всеми средствами, чтобы тело мое было выдано для погребения севастопольским рабочим. Я их депутат, званием этим горжусь, и они одни дали мне больше счастья, чем вся моя жизнь.

Место для могилы взять на Севастопольском кладбище, рядом с братской могилой несчастных жертв, убитых в Севастополе в ночь с 18 на 19 октября у здания тюрьмы.

На этом месте, где братская могила, я произнес клятву и остался ей верен, а потому и хочу лежать там, где и клялся.

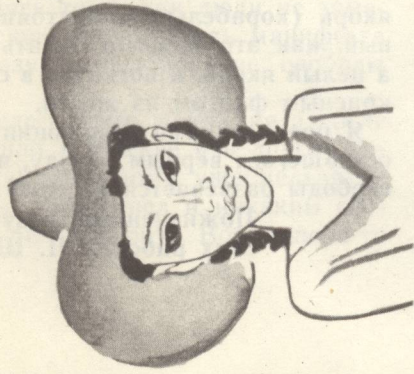
Если когда-нибудь в будущем город даст деньги на памятник, то положить скалу, вырезать на ней мою клятву. На скале бросить якорь (корабельный, настоящий), не сломанный, как это принято делать на памятниках, а целый якорь, и воткнуть в скалу флагшток с красным флагом из жести.

Я поднял знамя революции русского флота, оставшегося верным народу, и пусть этот флаг свободы развевается на моей могиле.

Пожизненный депутат севастопольских рабочих П. Шмидт».

Рисунки
М. Беломлинского

БАРАБАН

Расуамамиднуна Розелин, Демократическая Республика Мадагаскар:

— Мое имя мало кто мог произнести правильно — такое оно длинное.

Советские ребята узнали о нашей молодой пионерской организации. Теперь мы будем переписываться и дружить.

Валя Гамазинская, СССР:

— Все мы дружно работали в День труда. «За мир и солидарность народов!» — так было написано на наших плакатах. Мы знали, что заработанные средства пойдут в Фонд Мира.

В этом году состоялась Всемирная встреча детей — Международный детский фестиваль «Пусть всегда будет солнце!». Посланцы детских и юношеских организаций более ста стран мира убедились, как сильно желание советских пионеров и всего советского народа бороться за мир во всем мире, бороться за счастье подрастающего поколения всех континентов.

Фестиваль помог подружиться детям всего мира.

Лена Абрамичева,
СССР:

— Фестиваль познакомил нас друг с другом. И на всю жизнь именно здесь мы поклялись отстаивать борцами за свободу всех народов мира, за счастье всех людей.

Набеле Бенуа,
Того:

— Я приехал от организации «Молодежь за единство народов Того». Пятнадцать часов летели мы до столицы Советской страны, но теперь стали ближе.

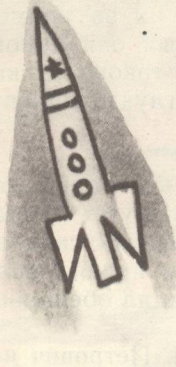

Слово Галине Лапиной, старшей пионервожатой 63-й школы Красноярска:

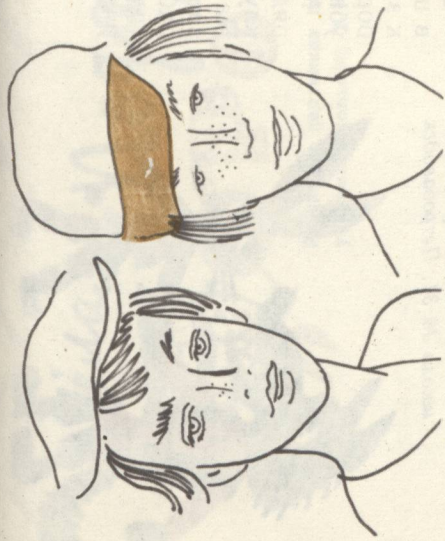
— На Васю Сорокина нельзя было смотреть. Он то краснел, то бледнел, в сотый раз провешивал готовность своей ракеты. Да и все мы волновались не меньше него. Оказалось, волновались напрасно. С шипением и треском взвилась в небо ракета, оставляя за собой голубой шлейф. Так был открыт в нашей школе музей авиации и космонавтики — единственный в Красноярске.

Наверное, каждый человек хотел бы побывать в космосе. Придет время, когда это желание будет вполне осуществимо. А пока в космосе побывали только самые сильные, самые мужественные люди.

Я с детства читала книги про Циолковского. Помню то радостное потрясение, когда услышала о полете Юрия Гагарина.

Я стала пионервожатой, но по-прежнему увлекаюсь историей космонавтики и стараюсь приохотить к этому своих ребят. Начинать всегда трудно. Кто-то был против музея, объясняли: нужно большое помещение, а где его найти? Иногда хотелось бросить эту затею, но ребята выручали. Они были настроены удивительно оптимистично. Четвероклассники построили управляемую модель лунохода — это один из лучших экспонатов, появились новые экскурсоводы.

Фауртино Риос приехал из Со-
единенных Штатов Америки:
— Мне понравился День
СССР. Мы посетили выставку,
посвященную 15 республикам
СССР. Много замечательного
узнал я о советской стране!

Юси Хилден и Йемо Лаитинен:
— Это наша самая большая
спортивная награда, — сказа-
ли юные финны, показывая ме-
дали, полученную на соревно-
ваниях по гребле, которые про-
ходили во время праздника
«Фестиваль! Спорт! Друж-
ба-77».

Ву Ким Тхоа приехала из Со-
циалистической Республики
Вьетнам:

— Я первый раз уехала так
надолго и так далеко от дома,
но запомню эти дни навсегда
как самые радостные и счаст-
ливые!

ды. Самой дорогой реликвией
стало письмо от Валентины
Николаевны Терешковой.

Пять лет ушло на создание
музея. Сегодня каждый из на-
ших пионеров вправе ска-
зать — здесь есть частица и
моего труда.

ВОКРУГ БОЛЬШОГО БАРАБАНА

В майском выпуске «Бараба-
на» зашел разговор об октяб-
рятах и октябрятском вожатом.
В разговор включается Лена
Сергиенко, семиклассница из
Воронежской области:

— Хорошие у меня октяб-
рята! — говорит Лена. — В октяб-
рятской группе «Бригантина»
я работаю уже второй год.
Очень люблю играть с октяб-
рятами. Мы проводили Неделю
октябрат, старались рассказать
им побольше о нашей стране,
о жизни ребят за рубежом.
Октябрятам очень понравился
день труда. Они принимали
участие в коммунистическом
субботнике, убрали школьный
двор, работали в библиотеке,
приводили в порядок книги.
Заведующая была рада. За
час «Бригантина» подклеила
15 переплетов книг. Отличились
в этой операции командиры
звездочек Света Долгина, Лена
Несмеянова и Олег Плотников.
Хорошие у меня октябрята.

Из поэты БАРАБАНА

НАШ КРУЖОК

Наш кружок «Умелые руки» работает много лет. Эльвира Васильевна Маркотенко ведет у нас занятия каждую неделю. Под ее руководством мы выжи-гаем, выпиливаем, раскраши-ваем разные поделки. Это наши будущие подарки родителям, учителям, ребятам из других кружков. До кружка многие из нас не умели рисовать, а теперь научились. Больше все-го мы любим героев сказок. Поэтому в нашем кружке мож-но встретить Золушку, Дюймо-вочку, Василису Прекрасную, Снегурочку, Волка и Зайца. Когда к нам приходит гость, у него разбегаются глаза от удивления и восторга.

**Ира Гергус, Ира Перебасова,
Гая Шарофеева,**
школа № 31, Петропавловск

ПРАЗДНИК УРОЖАЯ

Чудесный праздник состоял-ся на станции юннатов. В акто-вом зале школы, украшенном колосьями, перед ребятами вы-ступили не только те люди, что хлеб пекут, но и те, что растут.

Ребята оборудовали стенды «Слава хлеб вырастившим», «Пословицы и поговорки о хлебе» и другие. Работники хлебокомбинатов привезли все образцы своей вкусной продук-ции.

Ребята читали стихи о хле-бе, смотрели фильм, а потом все вместе пили чай. Такой праздник урожая теперь будет каждый год. Мы, городские ребята, тоже хотим знать цену каждого зернышка.

Гая Табачникова,
член совета юннатов,
Пенза

СТАЛИ ДРУЖНЕЕ

Всю осень ребята работали в школьном саду: готовили его к зиме. Мальчики починили за-бор, девочки белили деревья, убирали мусор.

Клуб и школа стоят у нас рядом. Ребята и территорию клуба очистили от бурьяна. На волейбольной площадке засыпали все колдобины. Эта работа сделала нас дружнее, сплотила наш пионерский от-ряд.

Нина Краченко,
Ростовская область,
поселок Московский

Завѣтная страничка

ЗИМА

Пускай зима — красавица,
Но мне она не нравится.
Зимой под снегом нечему расти.
Дерева обожженные,
Морозом обожженные,
Стоят, понуро ветви опустив.

И воробьи притихшие
Сидят теперь под крышами:
Им нечего и негде поклевать.

Все снегом запылено,
Не видно, что где брошено,
А натошак не станешь распевать!..

Снежок пушистый падает,
Но он меня не радует:
Я жду весну, лися календарь.
Дни тянутся неделями,
С морозами, с метелями,
А за окошком все еще январь.

Сергей Синюгин,
село Богдановка
Павлоградского района
Днепропетровской области

РУССКАЯ ЗИМА!

ПРАЗДНИК

Люда Алабышева, 9 лет,
Петропавловск-Камчатский

Подарим Петё РОБОТА

Рассказ в картинках по теме Юры Багдасаряна,
ученика школы № 2 города Ахалкалаки Грузинской ССР

Ай да робот:

Как живой,
Работающий, деловой,
Все команды, все приказы
Выполняет четко сразу.

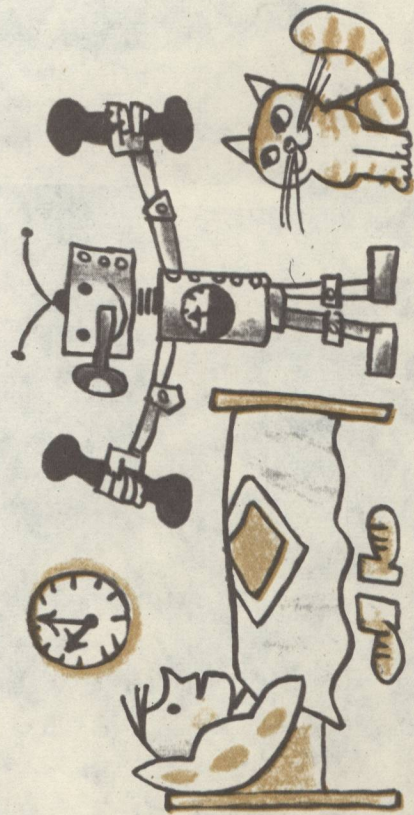
На зарядку поутру
Не вставать теперь Петру:
Отдал роботу гантели,
Сам же нежится в постели.

Петя завтракать садится,
Робот рядом рад трудиться:
Аккуратно на подносе
Чай хозяину подносит,
Приготовит бутерброд —
Сунет Пете прямо в рот.

Дан приказ — и верьте чуду:
Робот вымоет посуду,
В пять минут паркет натрет,
Всю квартиру приберет.

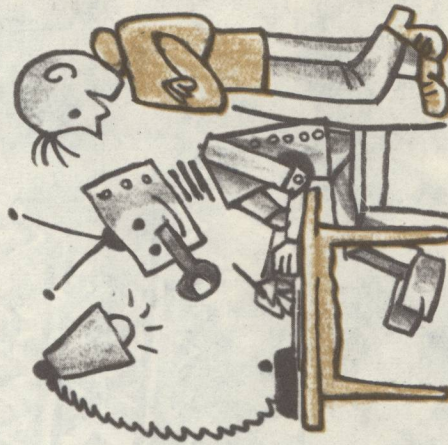

Взял авоську и бегом
Мчится робот в гастроном.
Бродит робот по дворам,
Зорко смотрит по углам,
Он подвезды проверяет —
Лом за Петю собирает.

Вместо Пети-лежебоки
Робот делает уроки,
В «Огоньке» кроссворд решает:
Петя радостно кивает.

Кто подскажет, кто ответит:
Что, друзья, случилось с Петей?
Хорошо играл в хоккей,
Всех проворней и быстрее.
А теперь народ смешит:
На коньках не устоит, —
Толстый, тучный, неуклюжий:
Никому такой не нужен!
Чудеса на белом свете:
Робот стал играть за Петю!

Вот так новость:
Петя вдруг
Отказался от услуг:
— Хватит!
Все умею сам!
Робота в музей отдам!

В работе над рассказом Юре по-
мог поэт Валерий ШУМИЛИН

Семь раз отмерь

ФЕЛЬЕТОН

На уроке труда мы делали вешал-
ки. Витя все делал на глазок. Он
решил без разметки просверлить
отверстие для крючка. Одно плечо
свесивается вниз, а другое, корот-
кое, торчит вверх. Все смеялись над
Витей. А Витя взял и отрезал длин-
ный конец. Получилась вешалка для
маленьких. Но один конец был длин-
нее. Витя разозлился и отрезал от
большой стороны кусок. Получилась
вешалка для кукол, но тоже неров-
ная. Скоро у Вити совсем не оста-
лось вешалки. Семь раз отрезал и
ни одного раза не отмерил...

Костя Гришин,
5-й класс, Волгоград

Дорогие ребята! Мы подумали и
решили объявить конкурс «Рассказ-
пословица». Попробуйте придумать
рассказ, в заглавие которого можно
было бы поставить русскую посло-
вицу. Пословицу, конечно, любую.
Ждем ваших писем. Последний
срок — 1 июня 1978 года. На кон-
верте должна быть пометка: «Бара-
бан», конкурс «Рассказ-пословица».

Начинался фестиваль в Москве. Вьетнамская делегация фотографируется на память у стен Кремля

ЗА МИРНОЕ ДЕТСТВО В МИРНОМ МИРЕ!

Навсегда останутся в памяти делегатов Международного детского фестиваля «Пусть всегда будет солнце!» эти дни — в Москве и «Артеке».

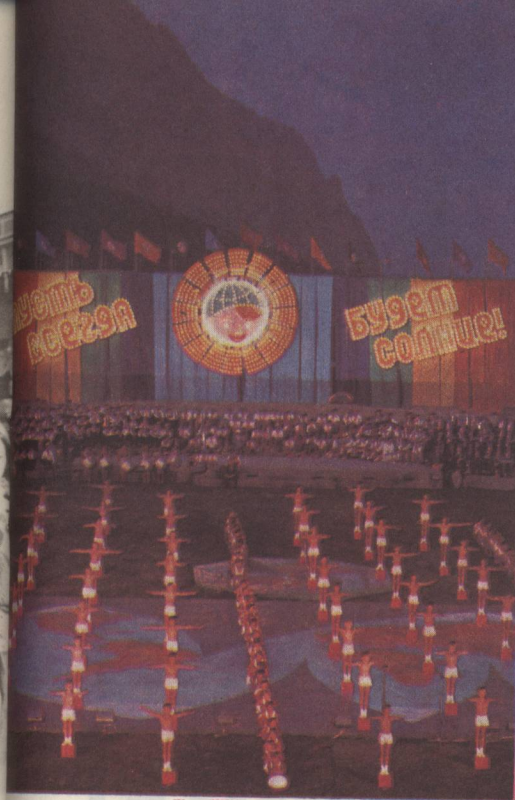
Посланцы детских и юношеских организаций 103 стран мира внесли большой вклад в укрепление дружбы и солидарности подрастающего поколения всего мира.

В обращении участников фестиваля ко всем людям доброй

Навсегда останутся в сердце песни друзей. Поэт гречанка Галя Спиридаки

„Никто не забыт и ничто не забыто“ Шествие делегатов Международного фестиваля к Холму Славы

Торжественное закрытие состоялось в „Артеке“ 31 июля 1977 года

воли, ко всем детям планеты говорится так:

«На фестивале мы лучше узнали друг друга, укрепили дружбу и солидарность юного поколения пяти континентов, хорошо отдохнули в чудесном и гостеприимном «Артеке».

Мы ближе познакомились с Советским Союзом, с нашими советскими сверстниками, с замечательными условиями жизни, учебы и отдыха.

Мы, дети разных народов, горячо стремимся к тому, чтобы тучи войны никогда не закрывали солнце и чистое небо, чтобы будущее наше было светлым и прекрасным.

Люди земли!

Мы обращаемся к вам с призывом:

Сделайте все, чтобы нигде и никогда не рвались бомбы и снаряды, чтобы все дети ходили в школу, не знали голода и нищеты, чтобы у них не отнимали родину, близких, детство, чтобы мир стал лучше, справедливее».

Фото Н. Карасева,
Б. Кириллина,
Е. Успенского

Почетным гостем на фестивале был Нгуен Ньог Хоат, народный герой Вьетнама

О борьбе чилийского народа за освобождение от фашистского режима хунты рассказала Гладис Марин

„Да здравствует мир во всем мире!“ Эти плакаты поедут на XI Всемирный фестиваль молодежи и студентов на Кубу

ВНИМАНИЕ— ЛАВИНА!

СУРОВЫЙ ЦПЗ

— ИСЫ-60, ИСЫ-60, я Газель,— монотонно твердит радист в соседней комнате. — Вас не слышу, прием...

Поминутно бухает дверь, и в тесное помещение врываются густые клубы морозного воздуха. Из них, словно проявляясь на фотобумаге, возникают люди в заиндевевших полушубках. У каждого — срочное дело: переброска на отдаленные участки дизельного топлива, штанг для буровых станков, каких-то позарез нужных запчастей. В разговоре все чаще упоминается загадочное слово: «Портомчорр» и непонятное буквосочетание «ЦПЗ». Который раз снимается телефонная трубка.

— ЦПЗ? Как насчет Портомчорра? Пока нельзя? Жаль.

Со временем выясняю, что Портомчорр—это гора, где идет разведочное бурение, а ЦПЗ — цех противолавинной защиты, который запретил движение к этой самой горе.

— И надолго?

— Об этом знают только лавинщики.

Желание разобраться в обстановке, выяснить, когда, наконец, я смогу попасть на нужную мне буровую, и привело меня в небольшой одно-

этажный дом на окраине заполярного Кировска.

— С Портомчорром шутки плохие,— сказал мне начальник цеха Алексей Васильевич Бобрышев, раскладывая на письменном столе пачку фотографий. — Вот, полюбуйтесь.

На снимках — лес. Точнее, то, что недавно было лесом: вповалку лежат вырванные с корнем вековые деревья, скручены жгутом стволы молодых берез, тут и там торчат из снега огромные глыбы горных пород...

— Весной это было, когда сошла очередная лавина. Эва, сколько наворочала — словно ураган пронесся.

После этого Алексей Васильевич дал мне обычную канцелярскую папку, и первые же страницы, аккуратно подшитые в нее, перенесли меня в Хибины начала тридцатых годов.

Тогда здесь не было города. Была лишь безлюдная долина, стиснутая со всех сторон заснеженными махинами гор. На север — до самого Баренцева моря, на юг — до Белого — ни единой деревушки. Но именно в этих местах нашли геологи огромные запасы апатитовой руды, ценнейшего сырья для производства фосфатных удоб-

рений. Поэтому именно здесь и нужно было построить рудники, возвести жилые дома, проложить дороги.

— Нельзя нарушать покой этих мест, — говорили саамы-кочевники. — Горе тому, кто осмелится разгневать великого горного духа Арома-Телле!

Но молодые геологи, горняки, строители не верили в духов. Им вполне хватало и реальных трудностей. Ведь северная природа словно нарочно нагромодила на пути к богатствам хибинских недр великое множество препятствий, начиная с длинной полярной ночи.

Правда, с ними человек сравнительно быстро научился справляться. От холода ему помогали теплая одежда и надежные дома, через болота он ездил на тракторах, бесконечные тундровые пространства он пересекал на самолетах, а к полярной ночи просто привык. Правда, говорили саамы о какой-то «белой смерти», которая губит людей, осмелившихся в зимнее время ходить в горы... Но первостроители Кировска не раз бывали в горах, они и город-то воздвигали буквально у их подножия — все было нормально.

ТРЕВОГА

Шли годы, и вот в ночь на пятое декабря 1935 года жители Кировска были разбужены непонятным грохотом, накатывавшемся со склона горы Юкспор. А через несколько минут на дома обрушились сотни тысяч тонн снега. Это была лавина. Она в считанные секунды срезала с фундаментов несколько двухэтажных домов, накрыла большое двухэтажное здание; словно детскую игрушку, швырнула под откос паровоз с составом руды.

Спасательные работы шли почти десять дней, около трехсот человек удалось спасти, но с той ночи тревога поселилась в сердцах кировчан; ведь никто не знал, когда следует ожидать очередную лавину — через год или через час.

Специальная правительственная комиссия, приехавшая в Кировск, приняла решение — немедленно организовать при комбинате «Апатит» противолавинную службу.

Передо мной фотография молодого парня с темным чубом над бровью. Это — Григорий Пронченко, первый начальник противолавинной службы. Сперва он был токарем в Петрограде, затем учился на рабфаке в горной академии, в Хибинны приехал как геолог-разведчик. И никогда в жизни не занимался лавинами. Учиться тоже было не у кого. В те годы противолавинной службы не имело ни одно государство в мире.

Но геолог Пронченко стал комсомольцем в девятнадцатом, коммунистом в двадцать втором, и этим сказано многое.

Он начал работу по организации в горах первой станции по наблюдению за состоянием снега, сам ходил в горы, осматривал склоны, обращенные в сторону города. Из одного похода коммунист Пронченко не вернулся — погиб под лавиной. Но спустя два месяца с Кольского полуострова прозвучали позывные первой на земном шаре снеголавинной станции.

„МАЛАЯ АНТАРКТИДА“

Узкая дорога петляет по крутому склону, постепенно оставляя внизу затянутые белесой дымкой кварталы Кировска. Поворот за поворотом и один круче другого — градусов порой под сто сорок. Ну, обрывчики тоже внушительные — костей не соберешь, если сорвешься. Ровно 13 километров по спидометру, тысяча с лишним метров над уровнем моря, и наша машина уже на самой макушке плато Расвумчорр.

Ровное, как стол, пространство под бездонным небом. Цветовая палитра скупа до чрезвычайности: ослепительно белый снег, густо-черные скалы, ярко-голубое небо. Здание снеголавинной станции с не-

привычки сразу не заметишь. Оно и не удивительно, если ни стен, ни даже крыши дома вообще не видно. Просто выситесь неподалеку от дороги здоровенный сугробище, из верхушки которого торчат мачты с вращающимися на них флюгерами и прочей техникой для измерения силы ветра и его направления. Даже двери с трудом находим.

Зато внутри как в современном доме: уютные комнаты, паровое отопление, горячая вода, электричество.

На «Центральной» (так называется станция) зимуют двое — инженеры Михаил Климов и Петр Алексеев. Первый лавинщик с десятилетним стажем, второй работает чуть поменьше.

— У нас здесь вахты как на корабле, — рассказывает Михаил. — Восемь раз в сутки передаем по радиации сведения о состоянии снежного покрова и погоды, а когда погода ухудшается, то и каждый час. Внизу нашу информацию обрабатывают и определяют, когда нужно объявить лавинную опасность на том или ином участке. Короче говоря, работа как работа.

Это, конечно, верно. Только плато Расвумчорр не случайно называют «малой Антарктидой». Здесь в году бывает 237 снежных и 90 лавинных дней, а сила ветра достигает семидесяти метров в секунду. Бураны же здесь бывают такие, что на плато не пробиться даже на мощном гусеничном вездеходе.

А лавинщикам не один раз в сутки нужно сходить на метеорологическую площадку, проверить показания приборов. И пусть она совсем недалеко от дома, но идти приходится, держась за специальный канат, иначе собьешься с дороги, закрутит тебя пурга, похоронит заживо.

Не стоит также забывать, что от метеоплощадки буквально рукой подать до семисотметровой пропасти, так что отрываться от каната здесь не рекомендуется.

Прощаемся. И снова зигзаги дороги разматываются под

колесами «ЗИЛа», то справа, то слева появляются огни Кировска и с каждой минутой становятся все ярче. Очень похоже на ночную посадку в аэропорту. И точно так же от перепада давления закладывает уши.

А утром я снова поехал в горы. На этот раз с инженером Игорем Поповым, начальником службы дозора и лавинных предупреждений. Мы долго колесили по рудникам и карьерам, где добывают апатитовую руду, часто останавливались, и тогда Игорь выходил из машины, подолгу осматривал в бинокль крутые склоны.

— У нас там снегомерные рейки установили и разные приборы, — объяснил он. — С их помощью мы узнаем, когда снега накопилось столько, что можно ожидать лавину.

Узнаю, что места, где накапливается снег, называются лавиносбросами. И поневоле задумываюсь над тем, что же такое в сущности обыкновенная снежинка! Всего-то одна сотая грамма... Но из граммов рождаются десятки тонн, и в конце концов наступает критический

момент, когда всего лишний сантиметр выпавшего снега, обычная пара лыж или просто громкий звук нарушает равновесие...

Ни одно даже самое крепкое здание не сможет выдержать удар лавины. В одном из горных районов Перу «белая смерть» за семь минут снесла несколько селений и погубила четыре тысячи человек. А для того, чтобы разнести на куски здания поселка медного рудника в Колумбии, лавине потребовалось всего тридцать секунд.

Однако для жителей Кировска катастрофа тридцать пятого года была последней, хотя характер Хибин, конечно, с того времени не стал более миролюбивым. До двухсот лавин ежегодно срывается в этом районе. И лавин далеко не слабеньких.

Работники противолавинной службы — вот кто не позволяет «белой смерти» разбойничать безнаказанно.

— Мы знаем, где самые опасные места, и строим здесь специальные защитные сооружения. Например, такие, как этот забор.

Не вижу никакого забора. Вижу дома, отделенные от подножия семиметровой бетонной стеной, протянувшейся почти на полкилометра.

— Это и есть противолавинный забор, — смеется мой спутник. — Через несколько минут приедем к Саамскому карьеру и вы сами убедитесь, что не случайно пришлось воздвигнуть это основательное сооружение на пути лавин.

Приехали. Под горой высится непонятного назначения ферма из стальных конструкций на железобетонном фундаменте. Очень похоже на опору высоковольтной линии, только еще массивнее.

— Уникальная установка для измерения силы удара лавины. Тридцать лавин выдержала. Приборы, закрепленные на установке, зачастую показывали силу удара, равную ста десяти тоннам на квадратный метр. Примерно с такой силой бьет в стену дота тяжелый снаряд, если стрелять прямой наводкой.

Да, лавина — противник, действительно, серьезный. Но апатит нужен нашим совхозам и колхозам. От него урожай зависит. Только в десятой пятитетке его необходимо добыть целых 50 миллионов тонн. Такие социалистические обязательства приняли горняки Кировска. А лавина может сорвать работу, заставить простаивать огромные экскаваторы и самосвалы, остановить движение поездов на железнодорожной ветке.

— Не нравится мне эта горка, — говорит Игорь Попов, пряча бинокль в футляр. — Очень не нравится.

А на мой взгляд, ничего особенного, гора как гора и снегу на ней ничуть не больше, чем на соседних. Но Игорю виднее, на то он и лавинщик.

ВЫСТРЕЛ

Быстро возвращаемся в город, и вскоре по телефону несется сигнал: «Внимание — лавинная опасность!»

Уже прибыла машина с минометом на прицепе. Короткие сборы, и вот мы опять на старом месте. Совсем недавно здесь кипела работа, кланялись стрелы экскаваторов, зачерпывая зеленоватые глыбы руды, перекликались люди. Сейчас дорога пустынна, специальные дежурные стоят на ней и ни одной машины не пропускают. Кроме нашей, конечно. Замер и рудник, люди покинули его, отъехали на безопасное расстояние самосвалы.

Миномет отцепляют и быстро приводят в боевое положение.

— Выстрел!

Громкий хлопок — и через мгновение на белом склоне горы вспыхивает темное пятно разрыва.

— Выстрел!

Пальба идет как на войне, а лавина все не хочет сползать.

— Выстрел!

Медленно вспухает на склоне низкое белое облако. Оно ширится и растет с каждой секундой. Слышен глухой рокот, как будто далекая гроза бушует за перевалом. И вдруг склон вскипает, как океан во время неожиданно налетевшего шквала... Огромный белый вал, увенчанный высоким снежным гребнем, стремительно катится к подножию. Очень похоже на штормовую волну, только эта «волна» высотой без малого пятьдесят метров и мчится она со скоростью курьерского поезда — 160 километров в час. Всего несколько метров остается до защитной дамбы... С диким грохотом ударяет в нее лавина, взлетает над ней белым смерчем, и кажется, что помчится дальше. Но это уже последнее усилие «белой смерти»: снежный смерч медленно оседает, расплзается по земле.

— Отбой!

Припорошенные снежной пылью самосвалы выползают на дорогу, снова начинают урчать моторы экскаваторов.

Лавинщики сделали свое дело, и теперь здесь можно работать спокойно — лавину утихомирили прежде, чем она успела прыгнуть со склона исподтишка.

С. Чаплин

ВСЕ О ЕЛКЕ

В. ЧЕТКАРЕВ

Рисунок
В. Топкова

СКОЛЬКО ЕЙ ЛЕТ?

Некоторым кажется, что высоко в горах Карпат и Кавказа. Оно и повело наступление первым на безлесные территории, выглаженные льдом.

Некоторым кажется, что высоко в горах Карпат и Кавказа. Оно и повело наступление первым на безлесные территории, выглаженные льдом.

ВОЙНА В ЛЕСУ

Возьмем карту северного полушария. Поскольку речь идет о сражениях и атаках неприятеля, нам не обойтись без циркуля и разноцветных флажков.

Если острие циркуля поставить на Карельском перешейке и описать круг радиусом в девяносто километров, то мы окажемся в царстве распространения нашей новогодней го- стии — ветвистой ели. Знайте, что на планете 45 видов этой

Если острие циркуля поставить на Карельском перешейке и описать круг радиусом в девяносто километров, то мы окажемся в царстве распространения нашей новогодней го- стии — ветвистой ели. Знайте, что на планете 45 видов этой

хвойной породы. И каждый вид занимает территорию со строго очерченными границами.

В нашей стране главенствует два вида — ель европейская и ее сибирская сестра. Однако отношения между сестрами далеко не мирные.

Свидетелями настоящей дуэли колючих красавиц стали ученые Ботанического института Академии наук СССР. Фронт борьбы экспедиция обнаружила между Волгой и Уральскими горами. Главным союзником, от которого зависит исход сражения, стал климат. В последние столетия этой войны он благоприятствует европейской ели. Она и оттесняет сибирячку на восток.

С ПЫЛЕСОСОМ В ТАЙГЕ

Горсточка семян в несколько граммов — вот все, чем богата еловая шишка. Между тем каждую пятилетку в лесных районах Советского Союза закладываются тысячи гектаров елочных плантаций. И семян требуются не пригоршни, а многие тонны. Оцениваются они поистине на вес золота.

Что делают сборщики шишек? Залезают на колючие деревья, валят целые ельники, чтобы заготовить килограмм другой семян.

Лесничий из Сиверского лесхоза Викентий Викентьевич Жеймо может научить вас по-новому собирать еловые семечки. Для этого в погожий денек он пригласит вас с собою в лес. Шишки, чуть подогретые солнышком, сами раскрываются и роняют на снег семена. Ветер гонит крылатки по насту, выискивая малейшие неровности в снегу: ямки, овражки. Здесь-то и можно собрать семена, прихватив с собой в лес портативный пылесосик.

Необычно собранные семена Викентий Викентьевич и сажает необычно: прямо в пеньки срубленных деревьев. Он пробуривает небольшие лунки и закладывает туда семена елочки вместе с хорошо удобренной землей. Можете и вы повторить этот опыт. Увидите:

деревца в уютных «квартирах» побивают все рекорды роста.

НОВОГОДНИЕ ОБЫЧАИ

Праздник елки впервые у нас в стране отмечен в 1700 году, по указу Петра Великого. Торжества начались 1 января, а не 1 сентября, как было принято на Руси раньше. Любитель фейерверков, царь сам зажег первую ракету. Звенели колокола, стреляли пушки, семь дней в Москве горели костры. Дома украсились, тоже по царскому указу, еловыми, сосновыми, можжевельновыми деревцами.

Дед-Мороз и его ближайший родич Санта-Клаус, обожаемый детишками Западной Европы, еще в середине прошлого века совсем не считались такими добренькими и благодушными. Новогодними старичками пугали детей. Считалось, что они приносят несчастье. Прошло время, и отношение людей к вестникам Нового года переменялось. Другими стали и деды. За добро они платят добром: радуют детей на праздниках, дарят им подарки.

Во французских селах лучший подарок на Новый год — добротное... полено. Не удивляйтесь, здесь существует традиция: дольше горит в камине полено — лучше будет год для семьи.

На Кубе с боем часов в новогоднюю ночь каждый должен съесть по виноградине. Двенадцать ударов — двенадцать виноградин — на счастье!

Всем детям Социалистической Республики Вьетнам, родившимся в течение прошедшего года, первого января исполнится... ровно год. Таков обычай — год прибавляется к возрасту ребенка не в день рождения, а в новогоднюю ночь.

В Кении Новый год встречают на воде — только там можно спастись от невыносимой жары. Тысячи лодок удаляются от берега озера Виктория. Там угощают гостей бананами и вареньем.

В ЛЕС ПРИШЕЛ ДРУГ

Надежда Августиновна Надеждина еще в раннем детстве полюбила природу. Ее детство прошло в белорусском городе Могилеве, на Днепре, где учительствовал отец. В свободное время он любил копаться в саду, и Надя постоянно помогала ему.

В голодные годы гражданской войны для многодетной семьи большим подспорьем стал огород. Чтобы он не оставался без присмотра (огород был за городом), на вышке амбара поселились трое младших во главе с Надеждой. Сами ходили в лес за хворостом, грибами, сами варили под открытым небом на таганке обед. Родители и старшие сестры навещали «лесных робинзонов». Ухаживать за огородом, полоть, поливать его, рыхлить землю надо было каждый день.

У Нади оказалась, как говорят, «легкая рука». Все, что она сажала, приживалось. С тех пор, по признанию писательницы, она каждую весну скучает по влажной земле, в которую так радостно опускать семена.

Эта творческая радость сеятеля, вера в волшебную силу трудолюбивых человеческих рук передана Н. Надеждиной в ее первой книге «Чудеса на грядках» (1943 г.). Книга вышла во время войны. Она была очень своевременной, ею заинтересовались многие ребята, выращивающие овощи для раненых бойцов.

Если «Чудеса на грядках» в основном занимательная

агротехника, то другая книга Надеждиной «Во саду ли, в огороде» — уже целая энциклопедия страны овощей, сорок маленьких рассказов от А до Э.

В одготомнике, изданном «Детской литературой» в 1972 году, собраны три лучшие книги Надеждиной: «„Моревизор“ уходит в плавание», «Каждой былинке — брат», «Полное лукошко».

Раскроем его. В одном из ленинградских скверов автор находит в снегу потерянную рукопись. Это путевой дневник Юрия Казанцева, участника экспедиции на каком-то загадочном корабле М-5а. В дневнике описываются подводная охота, встречи с акулами, рыбой-луной, спрутом и другие приключения во время плавания по пяти морям и Тихому океану. Странное, удивительное плавание! Эта первая книга одготомника называется «„Моревизор“ уходит в плавание».

Вторая книга называется «Каждой былинке — брат».

Человек — часть природы, он в ответе за чистую воду, свежий воздух, за зверя в лесу, за все живое на земле.

Для нового издания «Каждой былинке — брат» автор написал новую главу «Красная книга тревоги». Это тревога людей всего мира за судьбу белых журавлей — кликунов, за быстроногого гепарда, за снежного барса, за те виды животных, которые стали настолько редкими, что если не взять их под защиту, они исчезнут совсем.

Надеждина рассказывает о людях, посвятивших себя защите животных: о советском зоологе Льве Капланове, совершившем бесстрашный поход по следам «властелина тайги» уссурийского тигра, о Джой Адамсон, авторе книги «Рожденная свободной», учредившей в память погибшей львицы Эльсы фонд ее имени. Пожертвования, поступившие в фонд Эльсы, должны пойти на организацию заповедников для

крупных хищников. Об английском писателе и ученом Дарреле, который верит, что устроенный им на острове зоопарк станет островом спасения для зверей и птиц, которым угрожает вымирание.

Особенность творчества Н. Надеждиной в том, что оно активно. Оно заражает ребят любовью к природе родного края, зовет защищать то, что им дорого: алый степной тюльпан, синий лесной подснежник, построенный из хвоинок муравьиный дом, кустик черники, который может жить триста лет, птичью песню в листе.

Вот о чем пишет Н. Надеждина. Прочти ее книги, и ты научишься разыскивать ягодные адреса, слушать майскую птичью капеллу, завтракать на зеленой скатерти, не запачкав ее, — словом, вести себя так, чтобы было ясно, что в лес пришел не неряха, не злой обидчик, не невежда, а друг.

М. БРУСИЛОВСКАЯ

СТИХИ ТВОИХ РОВЕСНИКОВ *****

Мудрая птица

Целый час над ней сижу,
Сотый раз уже твержу:
«Ну, зачем же этой птице
Захотелось вдруг водицы?!
И попробуй-ка учсть:
Сколько в клюв к ней может влезть?»
Иксы, игреки, нули —
Вы с ума меня свели!
Предположим, мы поделим
Воду с птицей пополам...
Получается, что клювик
По воде шагает сам!
Он без крылышек резвится,
Он без ног и без хвоста!..
Вот что сделала я с птицей
За каких-то полчаса!

Лиля Керулите,
6-й класс, Вильнюс
Рисунок В. Малкова

Автор этих рассказов — известный индийский писатель К. Шанкар.

Когда я был в Индии, то удивлялся, как хорошо в любом городе, в любой деревне дети знают его книги. А когда познакомился с ним, то попросил дать и мне книгу, которую я мог бы отвезти в Советский Союз.

— Что, если вот эту? — сказал Шанкар и протянул мне книжку «Хари и другие слоны».

Я взял ее, привез из Дели в Ленинград и перевел. Два рассказа из этой книги перед вами.

С. САХАРНОВ
Рисунки **С. Острова**

ХАРИ

Хари был большой белый слон. Он принадлежал богатому хозяину. Много лет работал он в джунглях, а потом его привезли в город, так как хозяин решил зарабатывать на нем по-другому. Он стал отдавать слонов (а у него их было несколько) участвовать в разных праздниках. Украшенные разноцветными попонами, с пышными беседками на спинах слоны важно шествовали во главе процессий. Играла музыка, тысячи людей приветствовали слонов, размахивая флажками и осыпая их цветами.

Невдалеке от самого большого храма, от которого обычно отправлялись по городу процессии, жил мальчик по имени Мохан. Надо сказать, что он всегда интересовался слонами. В школе он лучше всех писал сочинения о слонах, дома собирал рисунки и фотографии животных, а если встречал слона на улице, мог целый час идти за ним по пятам.

Однажды Мохан возвращался из школы и увидел невдалеке от своего дома слона, прикованного цепью за ногу к большому тамариновому дереву. Это был Хари — его только что привезли в город из джунглей.

Долго стоял Мохан, разглядывая огромное животное, а когда его позвала мать, поднял руку и помахал слону на прощание. Хари не обратил на него никакого внимания, но когда мальчик пришел на второй день и на третий, стал отличать его. Мохан не всегда приходил с пустыми руками, если ему удавалось утащить из дома банан или пакет с дынными корками, он бросал их слону, и Хари с удовольствием подбирал их длинным хоботом и отправлял в рот.

Вот почему очень скоро при встрече они стали обмениваться приветствиями. Мохан делал знаки рукой, а Хари размахивал из стороны в сторону хоботом и похлопывал себя огромными плоскими ушами по шее. Шлеп! Шлеп!

Мальчику казалось, что огромный слон говорит ему: «Хелло, Мохан, как поживаешь? Приходи ко мне завтра».

Как я уже сказал, неподалеку от того места, где жили и Мохан и Хари, стоял великолепный храм. Праздники, которые проводились в городе, всегда начинались около него, самый главный праздник длился десять дней, в нем участвовало много слонов. Хари был самым большим из них, и поэтому он шел всегда во главе процессии.

Так прошло несколько лет. Мохан подрос, но все еще ходил в школу, а Хари стоял, дня-

ми привязанный к дереву, или шествовал по улицам, спокойно наблюдая пеструю ликующую толпу. Причем он так хорошо изучил порядок празднований, что его махут — человек, который сидит на слоне и управляет его движениями, никогда не вмешивался, он знал, что Хари остановится там, где нужно, повернет направо, где это требуется, и станет на одно колено именно в тот момент, когда это необходимо.

Но вот в городе появился новый распорядитель праздников, и он начал с того, что решил поставить во главе праздничного шествия не Хари, а другого слона — Чату.

Трудно сказать, почему он так решил, может быть, ему приглянулся Чату, а может быть, он подумал, что Хари уже стар, но дело было сделано, и когда праздник начался и слоны стали занимать свои места в процессии, Хари увидел, что его место уже занято.

Огромный серый слон задрожал от гнева. Уши его поднялись, и он стал размахивать ими взад и вперед, как двумя боевыми знаменами. Хари сделал несколько шагов взад и вперед (а это всегда говорит о том, что слон сердится), поднял хобот и затрубил.

Но его махут был очень опытным человеком, он сразу понял, что быть беде, ловко спрыгнул со спины слона на землю и соединил цепи, которыми были обмотаны передние ноги Хари, вместе. Теперь слон был беспомощен. Процессия с Чату во главе ушла. Хари, казалось, успокоился, и махут, подождав, отвел его к дому и приковал снова к дереву.

Можете представить себе удивление Мохана, когда на следующий день, возвращаясь из школы, он подошел к Хари, помахал ему рукой, сказал:

— Хелло, Хари!

И не получил никакого ответа. Он помахал еще раз и еще, и наконец Хари пошевелил ушами и помахал хоботом, но сделал это так, словно находился в глубокой задумчивости, и Мохан понял, что произошло что-то серьезное.

На следующий день махут повел Хари купаться. Они купались всегда в одном и том же месте, а так как место было очень удобным, туда же приводили и других слонов.

Не успел махут завести Хари в воду, а Хари только едва успел потрогать кончиком хобота воду, как вдруг на берегу показался Чату со своим махутом на спине.

— Эй, не лучше ли тебе убраться? — крикнул махут, который привел Хари.

— В чем дело? — ответил махут Чату.

Они не успели продолжить разговор, как Хари поднял хобот, затрубил и тяжелой рысью направился к Чату. Маленькие глазки его налились кровью. Оба махута бросились бежать.

Два огромных слона сошлись. Их первое столкновение было как столкновение двух гор. Раздался хрип и стук, в воздух полетели комья земли. Слоны уперлись лбами, стараясь опрокинуть один другого.

Хари был умнее и опытнее. Он сделал шаг назад, Чату подался вперед и получил тяжелый удар в бок. Молодой слон рухнул на колени.

Хари стоял над ним, победно трубя. Но Чату и сам понял, что проиграл, он медленно поднялся на ноги и побрел прочь, покинув поле сражения.

Хари не преследовал его. Нет, новая мысль пришла ему в голову. Он решил отомстить людям, которые видели его позор, которые обидели его, уж он точно знал, что именно эти люди из храма расставляют слонов по местам в праздничной процессии.

В храме было много людей, и когда слух о том, что к ним приближается бешеный слон, достиг его, люди бросились вон. В дверях получилась давка. А Хари уже стоял перед главными воротами. Их успели запереть на засов. Одним ударом Хари вышиб деревянные половинки. Затем он направился к маленькому зданию, в котором всегда отдыхали служители храма, и снес с него крышу. При этом он ранил доской хобот (а слоны всегда очень берегут его и даже во время боя сворачивают и прячут). Это привело его в бешенство.

Он выбежал из храма и трусцой направился по улице. Он опрокидывал лотки, брошенные торговцами, сбивал навесы. Казалось, в городе — землетрясение.

Махут не отставал от Хари. Он был смелым человеком, то и дело забегал вперед и уговаривал Хари остановиться. Но Хари, казалось, не слышал человека.

В городе началась паника. Слух о том, что по улицам бродит взбесившийся слон, распространился с быстротой молнии. Люди бежали из домов или забирались на самые верхние этажи. Они с ужасом уверяли друг друга, что слон убивает людей без разбора. В школе учитель прервал урок, сказал, что взбесился главный храмовый слон, и велел всем немедленно бежать домой.

Мохан сразу понял, что идет речь о Хари. Кого еще в городе можно назвать главным храмовым слоном? Но он не поверил тому, что болтали ученики об убитых людях, и вместо того чтобы идти домой, бросился к центру города.

Хари был там. Он шел по улице прямо на мальчика — маленькая человеческая фигурка и огромная серая туша. Мохан прижался к стене дома, поднял дрожащую руку и помаhal его.

Хари увидел мальчика. Он увидел, как колыхается в воздухе детская рука, и замедлил шаг.

— Хелло, Хари! — сказал Мохан, стараясь, чтобы голос его не очень дрожал. — Как дела?

Дела были неважные, но звуки знакомого голоса неожиданно успокоили Хари. Он остановился, поднял хобот и едва слышно похлопал ушами. Шлеп! Шлеп!

— Все в порядке, не правда ли, Хари?

Подбежал махут. Он очень испугался, когда увидел, что слон и мальчик стоят совсем близ-

ко друг к другу и о чем-то, казалось, беседуют. Это и правда была беседа, самая настоящая, потому что Мохан и Хари уже успели рассказать друг другу очень многое.

Видя, что слон уже успокоился, махут подошел к Хари, тоже поговорил с ним, а потом забрался на спину и приказал идти домой. Хари пошел. Они так шли через весь город: огромный серый слон, на его спине махут, а впереди и чуть-чуть сбоку маленький мальчик со школьной сумкой в руке. Люди часто несправедливы к слонам. На этот раз хозяин и распорядитель праздников поняли, что не следует ни наказывать Хари, ни удалять его из города. Слону снова разрешили возглавлять процессии, и это случилось уже на следующий день (ведь праздник, как я говорил, длится десять дней!). Во главе длинной вереницы слонов, среди которых был и Чату, шел Хари с ярко украшенной беседкой на спине, а в толпе около школы стоял Мохан и, когда слон поравнялся с ним, он незаметно помаhal ему рукой.

— Не правда ли, все в порядке, Хари?

МАЛАТИ И КОКОСОВЫЙ ОРЕХ

Малати была отличной слонихой, дело в том, что у слонов тоже бывает хороший характер и они тоже бывают красивыми.

Ее махут Каруна работал с ней уже много лет. Он заботился о ней и никогда не обижал ни словом, ни жестом. Однако Каруна был уже стар и, когда почувствовал, что силы оставляют его, взял себе в помощь молодого парня по имени Рамана.

Рамана был неплохим парнем, но на него иногда, как говорится, «накатывало», и он мог выкинуть какую-нибудь неожиданную и неприятную для других шутку.

Однажды Каруна и Рамана повели Малати купаться. Слониха долго плескалась в реке, ложилась на бок, набирала полный хобот воды, поливала себе спину, терлась о камни на речном дне и получала от этого полное удовольствие. Каруна и Рамана тоже побывали в воде, и теперь трое возвращались домой. Они шли по улице. Около лавки, где продавались фрукты, махуты остановились, и Рамана купил три кокосовых ореха. Каруна решил отнести свой орех домой. Малати наступила на свой, раздавив, съела, а Рамана сперва хотел было тоже нести домой, а потом раздумал.

Он отошел уже далеко от лавки, где можно было попросить нож, и Рамана, желая расколоть орех, а вернее, дурачась самым неумным образом, стукнул изо всех сил орехом Малати по лбу.

Ошеломленная слониха подняла хобот и издала короткий жалобный крик.

— Что ты делаешь? — воскликнул Каруна. — В своем ли ты уме?! Ты можешь поранить Малати.

— Ничего ей не будет, — легкомысленно отозвался Рамаи.

Ночь прошла спокойно, но спали одни люди. Малати стояла, привязанная за ногу к столбу во дворе дома, где жил Каруна, и размышляла. Она никак не могла понять, что значит этот страшный удар? Наконец, она решила, что это что-то новое, чему ее хотят научить и что, очень может быть, людям такие шутки нравятся.

Конечно, все, что тут было сказано, не более чем домыслы, ибо кто может проникнуть в мысли слона (если только у него есть мысли)? Так или иначе, когда на следующий день Малати, Каруна и Рамана снова проходили мимо лавки, Малати протянула хобот, взяла орех и легонько стукнула им Раману по голове.

Кокосовый орех сам бывает весом и размером с человеческую голову, и если слон ударит вас такой бомбой, ничего хорошего получить не может. Рамана упал, обливаясь кровью, а Каруна закричал на Малати. Он отогнал слониху и вместе с хозяином лавочки (который знал Малати как кроткое умное животное и не мог понять, как это все случилось), внесли Раману в дом, положили на ковер и вызвали врачей.

Раману увезли в госпиталь. Но когда автомобиль, на котором везли юношу, остановился

около здания больницы, все увидели, что за ним пришла и Малати. Раману унесли в палату, а Малати стала около ворот и, хотя Каруна уговаривал ее, осталась так стоять до вечера.

Прошла ночь. Врачи, которые утром пришли на работу, увидели у больницы большого слона без бивней (у индийских слонов бивней не бывает) и очень испугались, а некоторые сестры, опасаясь войти в здание, минуя слона, лезли через окна.

Каруна, который ночью не оставил слониху, сходил домой и принес Малати немного еды. Но и теперь не стал кричать на нее или бить, он понимал, что Малати беспокоится за Раману и хочет знать, что с ним.

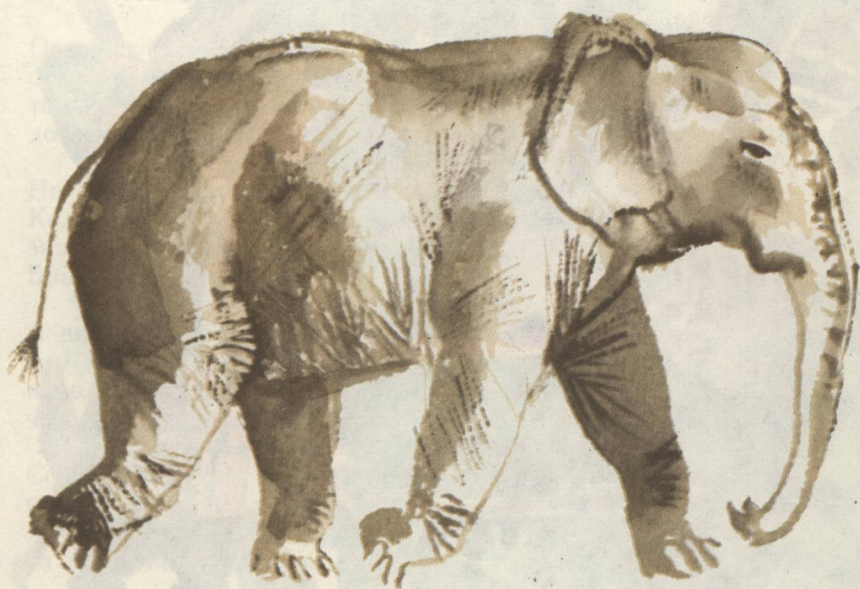
Так прошло несколько дней. Однажды во дворе госпиталя показалась коляска на велосипедных шинах. Колеса толкал руками человек, голова его была забинтована. Это был Рамана. Он подкатил к воротам, и Малати с большим удивлением узнала молодого махута.

— Все в порядке, Малати! У меня все олл райт! — сказал Рамана, и Малати, подняв кверху хобот, издала торжествующий вопль.

Трудно сказать, что больше успокоило ее — слова, сказанные дружелюбным тоном, или вид живого Раманы, но в этот день Малати позволила Каруне увести себя.

Те, кто рассказывал мне эту историю, уверяют, что все время, пока Рамана лежал в госпитале, Малати приходила навещать его, а когда врачи разрешили Рамане покинуть больницу, домой он шел в сопровождении Каруны и Малати.

И еще говорят (но это уже ссылаются на слова Каруны), что после этого случая Рамана очень переменялся и никогда не позволял себе глупых шуток ни со слонами, ни с людьми.

Сказка про сказку

Владимир ТОРОПЫГИН

Рисунок И. Дяткиной

Жил да был старик на свете,
с ним в деревне жили дети:
два неглупых мужика,
кроме Вани-дурака.

Были братья на охоте —
видят: утки на болоте —
в деле каждый был неплох! —
вмиг подбили сразу трех.

Рады утренней добыче...
Хорошо бы шей из дичи
похлебать в начале дня!
Но не могут: нет огня.

За болотом — темный ельник,
Дальше — луг, за лугом — пчельник.
Пчельник ходит дед стеречь —
там, в избе, не гаснет печь.

Старший брат приходит к деду:
«Помоги, старик, соседу,
пожалей, отец, меня,
дай, пожалуйста, огня!»

Дед постукивает палкой,
говорит: «Огня не жалко,
но за это удружи:
сказку деду расскажи!»

Старший брат в унынье сразу:
«Я, старик, не знаю сказок...»
«А не знаешь, так не тронь
из печи моей огонь!»

Средний брат приходит к деду:
«Помоги, старик, соседу,
пожалей, отец, меня,
дай, пожалуйста, огня!»

Дед постукивает палкой,
говорит: «Огня не жалко,
но за это удружи:
сказку деду расскажи!»

Средний брат в унынье сразу:
«Я, старик, не знаю сказок...»
«А не знаешь, так не тронь
из печи моей огонь!»

Тут Иван приходит к деду:
«Помоги, старик, соседу,
пожалей, отец, меня,
дай, пожалуйста, огня!»

Дед постукивает палкой,
говорит: «Огня не жалко,
но за это удружи:
сказку деду расскажи!»

«Дело, — молвит Ваня сразу. —
Знаю я немало сказок —
слушай их хоть целый день!..»

Дед глядит через плетень
на Ивана с интересом...

«Ехал я однажды лесом —
вижу: дуб растет — могуч,
а вершина выше туч!

Я подумал, что за небыль?
Влез на дуб — попал... на небо!
Закружилась голова:
так скотина дешева!

Вон телок стоит на пожне —
обменять на муху можно!
А корову — не стара! —
обменять на комара!

Ничего не скажешь: небо!..
Ну, а мне... на землю мне бы:
там два брата у меня,
там оставил я коня!..

И с одною думой этой
дуб ишу, а дуба — нету:
видно, с матушки-земли
дуб высокий подсекли...

Отвязал свои онучи,
стал по ним спускаться с тучи,
только жгут ременный тот
до земли не достает...

На ремне вишу высоко...
Коль погибну здесь до срока —
знать не будет и родня!..
Братьев жалко и коня...

А внизу — дымок желтеет:
там мужик пшеницу веет,
и полова так легка,
что летит за облака.

Солнце вышло — посветлело,
я опять скорей за дело:
я полову стал ловить,
из нее — веревки вить.

Дело делал со сноровкой...
Ветер стал качать веревку:
не во сне, а наяву
Питер вижу и Москву!

Так веревка раскачалась,
что взяла и оборвалась!
Уток крик, переполох —
я упал на кочки, в мох.

Под болотною осиною
я до плеч ушел в трясину —
только лоб над нею пнем —
утка вьет гнездо на нем.

Утка вдруг крыло раскрыла,
И тогда, что было силы! —
За нее схватился я —
весь я здесь! И сказка вся!»

Дед постукивает палкой,
говорит: «Огня не жалко!»
Гладит лысину свою:
«Я, Иван, таких люблю:
кто рассказывает сказки,
знает присказки, побаски!..
Позабавил ты меня —
не оставлю без огня!»

ПРИКОСНУТЬСЯ К ЖИВОЙ ИСТОРИИ!

Оформление И. Колтуна

Шел по телевизору фильм. Увлекательный. Остросюжетный. Действие происходило в нашей стране чуть ли не полвека назад. Ребята сидели затаив дыхание. А бабушка Шура чуть ли не в самый захватывающий момент сказала сердито:

— Вы досматривайте, а я не буду. Сил нет неправду видеть. Разве мы тогда носили такие прически? И асфальтовых мостовых не было: только булыжник да торцы.

И ушла в свою комнату.

Картину, конечно, ребята все-таки досмотрели. А потом долго перебирали старые фотографии, извлеченные бабушкой из каких-то своих тайников. С фотографий глядели плечистые мастера в косоворотках, девушки в строгих косынках. Глядели прямо пе-

ред собой, серьезно и чуточку напряженно, не то что на современных непринужденных «моментальных» снимках. Но, странное дело, эти пожелтевшие неподвижные фотографии казались на этот раз почему-то интереснее, чем только что закончившееся кино с погонями и стрельбой...

История — это не только хронология, не только последовательность фактов. Мало знать события, их причины и следствия. Надо еще уметь «чувствовать» историю, уметь «видеть», как все было и выглядело на самом деле.

Неспроста, наверное, с таким интересом рассматривают новосибирские школьники витрины Музея истории пионерской организации Заельцовского района. Заельцовско-

го — потому что находится этот район крупнейшего города Сибири за речкой Ельцовкой. Музей невелик: занимает пока всего одну комнату в районном Доме пионеров и школьников. Но как много могут рассказать хранящиеся здесь вещи и документы!

Скромная книжечка в простой картонной обложке. «Дорастаи» до нее мечтали пионеры двадцатых годов: ведь это комсомольский билет! Он похож и непохож на современные: неприязнательный, «беднее» оформлен, но — тот же формат, тот же ленинский профиль на первой странице. Билет, который лежит в витрине, принадлежал В. Завьяловой, одной из первых новосибирских пионерок, а с 1924 года — комсомолке. Комсомолке ленинского призыва.

А рядом — учебник, букварь. Он раскрыт на странице с репродукцией картины Саврасова «Грачи прилетели». Но что это? Почему в тексте то и дело забытая буква «ять» и твердые знаки в конце слов? Ведь они же были отменены почти сразу после революции! Все правильно. Но еще долго не могла поспеть за стремительным развитием системы народного образования полиграфия страны, книг не хватало, вот и приходилось пользоваться дореволюционными изданиями — лучше что-нибудь, чем ничего!

Выходили, впрочем, уже «свои» книги. Трепанные-потрепанные лежат под стеклом витрины «Пятизначные таблицы логарифмов» Е. Пржевальского. Год издания — 1920. Вдумайтесь только — разгар гражданской войны, во всем мире друзья и недруги гадают, выстоит ли молодая Советская республика. А республика, отражая натиск врагов, печатает школьные учебники. Надо было очень сильно верить в будущее, чтобы заниматься этим. И вера была не напрасной. Даже судьба вот этой самой книжки, лежащей под стеклом витрины, знаме-

нательна. Девочка, решавшая с помощью ее нехитрые школьные задачки, стала видным ученым, доктором наук. Она, Тамара Васильевна Гурова, и передала ребятам эту книгу для музея.

Выходила когда-то в Новосибирске, в качестве приложения к пионерской газете «Юный ленинец», специальная газета для октябрят — «Октябрьская звездочка». Могли ли тогдашние ребята предположить, что сорок лет спустя с трудом удастся разыскать единственный экземпляр этой газеты за 18 июня 1936 года?! Как будто ничего особенного нет в этом номере, напечатанном синей краской, — обычные заметки о повседневных ребячьих делах, о предстоящем солнечном затмении, о том, как самому сделать модель парусника. Но все это вместе — живой, подлинный кусочек давно ушедшего дня, крохотная частица истории нашей страны.

Еще одна газета «Юный ленинец». Обыкновенные заметки: «Заботливые хозяева», «Помощники повара», «На огороде». Критическая корреспонденция «Маменькины доч-

ки» — о девочках-белоручках, которые заявляют, что они приехали в пионерский лагерь «отдыхать, а не работать». Но стоит глянуть на верхнюю часть страницы — и сжимается сердце: газета датирована 21 июня 1941 года. Мы привыкли читать в учебниках: «Мирный труд советских людей был прерван вероломным нападением фашистских захватчиков...» Здесь это ощущаешь наглядно. Вскоре «Юный ленинец» перестал выходить: большинство его сотрудников, комсомольцы, ушли на фронт, чтобы с оружием в руках защищать родину.

На фотографии — серьезный, темноглазый юноша в военной форме: недавний журналист, а до того — юнкор и деткор молодежной печати Новосибирска Давид Иохимович. Я хорошо знаю этого человека: пройдя войну, он вернулся к любимой профессии. Сейчас работает корреспондентом Телеграфного агентства Советского Союза — ТАСС — в Новосибирске. А ведь начиналось-то все с маленьких заметок, присланных школьником в свою пионерскую газету!

У ПИОНЕРОВ НОВОСИБИРСКА

Во Дворце пионеров Новосибирска идет встреча с замечательным человеком! Генерал-лейтенант в отставке Константин Федорович Телегин — ветеран гражданской и Великой Отечественной войн. Константин Федорович рассказывает ребятам о героических боях за Родину

Нельзя без волнения читать карандашные строки: «Пока жив и здоров, чего и вам желаю от всей души и всего сердца. Ходим на занятия, изучаем грозное оружие, с тем чтобы умело бить фашистских захватчиков...», — так писал матери призванный в Красную Армию Вячеслав Козельский, недавний пионер школы № 43. Он погиб 11 октября 1943 года.

Пионерия и комсомол предвоенных лет вырастили в своих рядах достойных защитников Родины. Они сражались с врагом, не щадя своей крови и самой жизни, так, как велит воинская присяга. Из числа воспитанников одного только класса только одной из школ района не вернулись в родной город В. Пищенко, А. Никитев, Н. Белоносов, Г. Мухачев, Ф. Клюкин, Н. Соловов — их фотографии сейчас на музейном стенде.

А те, кому по возрасту не пришел еще черед взять в руки оружие, заменяли на трудовом посту своих отцов и старших братьев, как это сделал Николай Губайдулин — в те годы юный рабочий Новосибирского обувного комбината, делавшего сапоги для солдат и офицеров Красной Армии. За троих трудился четырнадцатилетний паренек, и недаром на фотографии, по-

павшей в музей, он снят рядом с кумиром тогдашних мальчишек — самим Александром Ивановичем Покрышкиным, трижды Героем Советского Союза, боевым летчиком легендарной славы. И тоже новосибирцем!

...Пятикласснику Саше Черепову очень понравился пионерский музей и экскурсия, которую вела Клара Дмитриевна Беликова. После экскурсии он подошел к Кларе Дмитриевне и, смущаясь, произнес: — Кажется, у моей бабушки есть что-то интересное для вас...

Правда, сперва бабушка наотрез отказалась расстаться со своей реликвией. Ребята, а порой и учителя не всегда знают, как правильно организовать хранение музейных ценностей. Пришлось убеждать бабушку Саши, что у Клары Дмитриевны и ее юных помощников дело поставлено всерьез и по настоящему: на каждую вещь по всем правилам заполняется паспорт. Фонды тоже хранятся как положено. В конце концов бабушка согласилась. Что же за реликвию сохранила она для истории?

В те давние годы Анна Петровна Черепова работала воспитателем в Томской трудовой

коммуне. Как известно, в годы гражданской войны и разрухи многие ребята остались беспризорными и безнадзорными, попадали во власть улицы, становились правонарушителями и нередко даже преступниками. Замечательный педагог и писатель Антон Семенович Макаренко в своих книгах «Педагогическая поэма» и «Флаги на башнях» рассказал, как молодое Советское государство перевоспитывало таких ребят в трудовых коммунах. Была такая коммуна и в Томске — старинном сибирском городе неподалеку от Новосибирска. К своему пятилетию она выпустила специальный журнал «Сибирский коммунар», все материалы которого были написаны, оформлены, набраны и напечатаны воспитанниками. Этот-то первый и, по-видимому, единственный номер «Томского коммунара» и берегла Анна Петровна.

Хорошая бумага, четкая печать, яркая обложка. Но, главное, нельзя читать без волнения то, что написано на его страницах. Это подлинные человеческие документы, настоящие исповеди, предельно искренние и откровенные. Многие выражают свои чувства в стихах, не слишком порой складных, но неподдельно взволнованных:

У ПИОНЕРОВ НОВОСИБИРСКА

Расставаться с четвероногим другом грустно... Но не пристало грустить юным друзьям пограничников. Они воспитали верных помощников для воинов Советской Армии

«Ты, Коммуна, мне мать
родная,
Ты к жизни вернула меня.
Через труд и через быт
примерный
Стал человеком я!..»

И право же, хочется сказать сегодня спасибо воспитателям коммуны за то, что эти строки не были в свое время приглажены и причесаны, что они дошли до нас такими же угловатыми и шероховатыми, как то время, которым они были рождены.

Такова история только одной музейной реликвии. А вообще-то, все, что в нем есть, собрано руками школьников Заельцовского района.

— Можно сказать, более девяносто ребят участвовали в создании музея, — рассказывает Клара Дмитриевна Беликова. — Вера Столбова, Наташа Суркова, Рая Кривошеева работают в музее с пятого класса, а теперь они девятиклассницы. Это наши лучшие экскурсоводы, могут провести экскурсию не хуже меня. А ведь экскурсии у нас бывают разные, не только дети, но и взрослые, не только из нашего города, но и со всей страны, из-за границы. Были гости из многих социалистических стран.

— Что-то, — я говорю, — вы называете одних девочек!

Или у вас мальчики тоже в пассиве?

— Что вы! — восклицает Клара Дмитриевна. — Без мальчишек работать было бы невозможно. Я могу назвать Андрея Харитоненко, Андрея Беляева из восьмого класса 159-й школы, Диму Чеснокова — он еще шестиклассник, но работает увлеченно.

В руках у меня «Комсомольская путевка-задание». На первой страничке изображение комсомольского значка и слова «60 лет Великой Октябрьской социалистической революции». Разворачиваю и читаю: «Дорогой друг! Сегодня ты стал членом Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи. Заельцовский РК ВЛКСМ дает тебе первое комсомольское поручение...» Такие путевки-задания — вы уже догадались, — получает, наверное, каждый вступающий в комсомол. И для многих ребят, вчерашних пионеров, первым заданием было помочь пионерскому музею.

Ребята собирали экспонаты для музея. Их стараниями восстановлены многие страницы истории пионерской организации.

Они шли по старейшим улицам района — по Ельцовке, по

Сухарной, — заходили в дома, расспрашивали старожилы:

— Бабушка, вы были пионеркой?.. Дедушка, припомните: ходили ли по вашей улице ребята в красных галстуках с барабаном? Где они собирались? Кто был у них вожатым?

Вскоре в блокнотах следопытов появились первые имена, факты, и, наконец, настало время появиться мраморной доске: «В этом здании, — гласили золотые буквы, — в 1924 году собирались пионеры первого пионерского отряда Заельцовского района города Новосибирска (Новониколаевска). Установлена в честь 55-летия Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина...» В торжественной обстановке доску укрепили на стене клуба мясоконсервного комбината — бывшего завода «Холодильник».

Это был большой праздник для ребят. Это был праздник и для тех, кто были пионерами в далеких двадцатых годах, — ребята разыскали и пригласили их на митинг. В этот день седые люди, прошедшие со своей страной трудный путь длиной в многие десятилетия, действительно вновь ощутили себя пионерами.

Великое дело — прикоснуться к живой Истории!

И. ФОНЯКОВ

У ПИОНЕРОВ НОВОСИБИРСКА

Разучиваем молдавский национальный танец. Ансамбль Новосибирского Дворца пионеров пользуется огромной любовью и своих участников, и зрителей

САМЫЙ ЗАГАДОЧНЫЙ

Харламов выходит на лед — и притихают в напряженном ожидании болельщики. Его затейливые финты, молниеносные, в одно касание передачи вносят панику в ряды противника, сбивают с толку вратарей. Как поведет он себя в атаке — всегда загадка для зрителей и соперников.

Харламов выходит на лед — и знаменитый канадский тренер уверяет, что никогда в жизни не видел, чтобы нападающий мчался на такой скорости на стоящих плечом к плечу защитников, проходил между ними, словно они расступались, и забивал шайбу в, казалось бы, наглухо закрытые ворота. Как?

Над этим «как» ломают себе голову многие зарубежные специалисты. После окончания одного из чемпионатов мира в газетах даже писали, что если бы существовал приз самому

хитрому игроку, увез бы его, конечно, Харламов.

Смешливый, добродушно-ироничный Валерий пожимает по этому поводу плечами, отвечает своим любимым коротким смешком: «Кха!»

Кажется, что слышишь иногда это «кха» — ликующее или насмешливое — над стадионом после особенно удачной обводки или обманного маневра. Нет пушей радости, чем оставить соперника с носом! Игра Харламова азартная, неистовая и... веселая.

Его спортивное мастерство сродни мастерству солистов балета, чье искусство заставляет зрителей забывать о титаническом труде, которым достигается радующая всех легкость танца.

Танцовщики танцуют, Харламов играет. А танцевать и играть — кто не согласится? — весело!

*Мои друзья-
гитабенцы "Костра".
- Харламов
3/VI-77.*

Хоккеисты уходят на пере-
рыв. Сосредоточенные, молча-
ливые. Кажется, скажи сло-
во — и упадешь от усталости.
Одежда — хоть выжимай.
В раздевалке доктор оказывает
помощь пострадавшим от
столкновений и силовых прие-
мов игрокам, неудачно при-
нявшим на себя угрожающую
воротам шайбу, в ней, летящей,
уже не граммы, а килограммы.

Что поделаешь, хоккей —
атлетическая игра. Хилым в
ней не место. Более того, пред-
почитают в хоккее игроков вы-
соких и тяжелых. Команды
заокеанских профессионалов
скомплектованы и вовсе из од-
них голиафов.

Этот малыш? Против наших
защитников! — Канадские хок-
кейные специалисты только что
не умирали со смеху. Действи-
тельно: рост-то у Харламова
всего 174 сантиметра, и вес
невелик. Но после окончания
матчей с советской командой
сами же называли «малыша»
лучшим игроком состязаний.

— Кха! — смеется Вале-
рий. — Что канадцы! Наш
школьный доктор вот кто в свое
время удивлялся так удивлял-
ся!

И было чему. В детстве Ва-
лерий перенес тяжелейшее
осложнение после ангины. Ме-
сяцы лежал в больнице, учился

в санатории, был освобожден
от физкультуры и даже пионер-
ских походов. И вдруг при оче-
редном осмотре этот, судя по
записям в медицинской карте,
больной мальчик заявляет, что
уже два года тренируется в
мальчишеской хоккейной ко-
манде Центрального Спортив-
ного Клуба Армии. Проверили
вдоль и поперек: от болезни —
ни следа! Это был тот вид тя-
желого недуга, который безо-
говорочно капитулирует перед
строгим режимом и спортом.

С чего начался для Харла-
мова хоккей? Наверное, с пер-
вых коньков. Были они очень
велики, и пятилетнему Валере
приходилось надевать ботинки
на валенки. А может, с той
пустой консервной банки, что
загонял он с мальчишками в
поставленный набор ящик из-
под апельсинов? Или с бес-
страшного катания на взрослом
катке, где тренировалась за-
водская команда, в которой
многие годы играл в русский
хоккей отец Валерия? Со всего
вместе.

Однако ледовая игра была
не единственным видом спорта,
с которым Харламов соприкос-
нулся в детстве. В толстой пач-
ке наградных грамот есть та-
кая: «Совет СК „Космос“ пио-
нерского лагеря «Лесные поля-
ны» награждает Харламова

Валерия, самого лучшего фут-
болиста, члена сборных команд
по баскетболу, волейболу,
настольному теннису и город-
кам».

Ему было из чего выбирать,
и выбрал он хоккей.

Наверное, этого не произо-
шло бы, если бы он не бегал
по льду так же уверенно, как
по земле. На отборочном смот-
ре в ЦСКА из всех, прокатив-
шихся перед тренерами мальчи-
шек, в хоккейную команду взя-
ли только его, такого шуплого,
что мог сказаться тринадцати-
летним, хотя было ему уже
четырнадцать. Иначе бы не
взяли. Через три месяца Вале-
рий обо всем рассказал, но
отчислять его не стали, так как
занимался он уже в это время
и соревновался со своими на-
стоящими сверстниками —
мальчишками второго года
обучения.

Как могло такое случиться?
Тренировки. Предельно добро-
совестное и целенаправленное
к ним отношение. Он знал: в
области атлетической подготов-
ки ему надо догонять товари-
щей, чтобы не уступать им ни
в силе, ни в выносливости.

— Строжайшая самодисци-
лина, — говорит Валерий, —
без нее спортсмена нет.

Гонять шайбу в дворовой
хоккейной коробке, где он по-

ражал мальчишек искусством обводить и забивать, было, конечно, интереснее, чем повторять и повторять на занятиях трудные упражнения.

Но — шутки в сторону! Он хотел стать настоящим хоккеистом. И если для этого требовалось умение отказываться от привычных ребячьих радостей, он выработал в себе это умение. «Надо» стало полновластным хозяином положения, подчинив и большие и малые «хочется».

— Валерий, что вы цените больше всего в товарище?

— Надежность.

— А что в человеке вам приятнее всего?

— Бесхарактерность.

Насыщенность школьной программы уже и тогда вызывала у старшеклассников не меньше вздохов и «охов», чем сейчас. А к ней еще напряженный график тренировок! Валерий успевал всюду. Разве что фильмов в те годы меньше посмотрел и не сидел у телевизора.

Приглашение в команду мастеров ЦСКА, о которой Валерий мечтал и во сне и наяву, он получил не сразу после окончания спортивной школы. Это приглашение еще нужно было заработать. Нужно было показать в своей игре что-то такое, чтобы тренеры и думать забыли о его небогатырском сложении. Конечно, уже в помине не было щуплого паренька, казавшегося младше своих лет. Но и сказать, что одним своим видом он мог привести соперника в смятение, тоже было нельзя.

И Харламов играл, тренировался, работал. И показал редкостные скорость, маневренность, меткость и мощь броска, тактическую изобретательность, выносливость, смелость и силу. Да, силу.

Его приняли в команду мастеров и в главную команду страны — сборную СССР. Более того, в первую тройку нападения. Так Харламов стал тем «самым, самым», которого мы знаем и любим сегодня.

Стал. Значит, теперь уже легче?

Валерий покачал головой.

— Как тренируешься, так и играешь. За матч игрок сборной пробегает 7—8 километров. И это в силовой борьбе, в столкновениях, в непереносимой смене ритма... Атлетизм — фундамент, на котором держится мастерство. Нашу команду считают самой выносливой. Это ведь не само собой получается.

Не само собой. На занятиях по атлетизму Харламов бежит, прыгает, кувиркается, работает со штангой. И все это часами, чтобы потом запас физических сил вылился в скорость, ловкость, гибкость. Его трудолюбие и его упорство стали для тренеров своего рода эталоном, которым измеряют занятия других спортсменов.

Однако спорт есть спорт. Бывают поражения и у мастеров, и у сборной. Как они переносятся?

— Кха! Много легче, если тут же начинаешь готовиться к будущей победе. Но однажды, кто не видел, не верит, я даже заплакал. Это было на первом моем чемпионате мира. Обрадовался, наверное, что забил гол, заигрался и упустил шайбу. В результате счет стал 2:3 не в нашу пользу. И это уже на последних минутах. В стремлении отыграться мы рванулись к воротам противника, свои оставив плохо прикрытыми, и чешские хоккеисты забили нам еще одну шайбу.

Я был виновен в том, что наша команда — чемпион мира — теряла свое высокое звание. Нет, меня никто не упрекнул, но слышали бы вы это подавленное молчание ребят, как его слышал я!

Тогда наша сборная все-таки выиграла чемпионат мира. Но известно это стало только в самом конце соревнований. А горький урок, полученный в том поединке, многому научил Валерия.

Хоккей, как и всякая спортивная игра, — борьба. Но больше, чем всякая другая игра, требует от спортсмена полной самоотдачи, смелости и психологической выдержки.

Не раз случалось, что разъяренные неудачами канадские

хоккеисты начинали настоящую охоту за Харламовым, чтобы любой ценой заставить его выйти из игры. Недозволенными подножками его сбивали с ног. А бомбардир и в падении забрасывал шайбу в ворота. Его провоцировали на драку, но честь команды выше собственной обиды, и он не отвечал на оскорбления. Изподтишка ему наносили болезненные травмы, но он преодолевал боль и в ответственных сражениях все равно оказывался на ледовой площадке.

— Я люблю жесткую игру, — говорит Валерий. — Но игру, а не драку. Хоккей — игра мужественных и сильных. А когда нет благородства, это уже не хоккей.

Что еще рассказать о «самом загадочном» хоккеисте, игроке с номером 17 на форменной рубашке команды ЦСКА? Как не пал духом, когда в автомобильной аварии оказались сло- манными обе ноги?

Несколько месяцев на госпитальной койке. Растерянность и сочувствие друзей...

Когда он начал ходить по палате, нянечки просили его, сильного: «Помогите, пожалуйста, переложить больного».

У госпитальных нянечек не было помощника более безотказного.

У методиста лечебной физкультуры не было больного более старательного.

Он делал все, чтобы помочь врачам вернуть его в строй.

И он снова вышел на лед.

И снова болельщики увидели знаменитые харламовские финты, молниеносные, в одно касание передачи, стремительные рейды к воротам противника.

— Валерий, скажите, были ли у вас сомнения, что вы вернетесь в команду, что невозможное станет возможным?

— Понимаете, врачи сказали: ходить буду. И я решил: если — ходить, то на коньках бегать — тем более...

Майя ЧЕРКАШИНА
Фото Ю. Моргулиса

«Наша старшая пионервожатая — Светлана Алексеевна — необыкновенный человек. Так считают и другие ребята. Она всегда во всем поможет, что непонятно — объяснит. В нашей школе ее знают все: с первого по десятый класс. Потому что каждого школьника она чему-то научила, в чем-то убедила... И когда ее нет в школе, это сразу заметно...»

Света Рублева, 7-й класс

ВЕРНОСТЬ ШКОЛЕ

ИЗ БЛОКНОТА ПИСАТЕЛЯ

Про Светлану и тогда, когда она была еще совсем девчонкой, не говорили: «Обыкновенная».

Да как тут быть обыкновенной, когда живешь в большой дружной семье, где нет ни тайн, ни недомолвок, когда к тебе каждый день сбегается почти половина питомцев детдома. И ей хочется что-то придумать, чтобы все было хорошо, чтобы никто не скучал. А потом, вечером — в клуб, в драмкружок. И тянутся, бегут за ней малыши!

Как тут быть обыкновенной, когда вокруг столько солнца, улыбок. Здесь самое важное — с чем ты пришла. У тебя целый мир желаний: быть лучше, быть выше, много знать, многое уметь. И не копить это в себе, а щедро отдавать людям!

В седьмом классе она точно знала, что будет учительницей. Решение принято: после школы — педагогическое училище.

Она готовится к тому, чтобы учить других. Но для этого нужно иметь богатый багаж зна-

ний и умений. И она занимается музыкой, лыжами, легкой атлетикой, парашютным спортом.

И вдруг детство кончилось. Еще вчера она сама себе казалась школьницей, девочкой-подростком, а сегодня уже с дипломом учителя переступила порог школы в селе Борисове.

Она не задавала себе вопросов: справлюсь ли? Смогу ли? Она принялась за дело.

В том селе до нее велась, конечно, пионерская работа, но девочки-десятиклассницы, которые раньше были пионерскими вожатыми, уходили из школы, поступали в институты, и работа не успевала разгореться.

Светлана создала несколько кружков. Затем агитбригаду. Подготовили программу и стали выезжать в отдаленные сельские районы.

Агитбригада была желанной гостьей в деревнях и селах. Ее любили, ее приглашали вновь и вновь.

Педагогическое училище, которое Светлана закончила, дало ей много. И все же она чувствовала, что знаний не хватает. И она поступает на заочный факультет педагогического Череповецкого института. Трудно это — работать в школе и учиться в институте...

Потом Карелия, город Петрозаводск, областной комитет комсомола...

«Прошу направить меня в школу-новостройку, где пионерскую работу надо ставить с начала».

«Хорошо, — сказали ей. — Попробуй свои силы...»

Ей дали новую, только что построенную школу № 29. И в скором времени пионерская дружина стала одной из лучших в Карелии. На всех праздниках, парадах ребята этой школы значительно отличаются от всех остальных подтянутостью, внешним видом... Вот идет отряд барабанщиков и горнистов! И вряд ли кто-нибудь подумает, что почти каждый из этого отряда — в прошлом человек с непростым характером.

«Светлана Алексеевна — душевный человек. Что надо пропустить мимо ушей — пропустит, если надо похвалить — похвалит, но так, что человек не зазнается. А если кто провинится — поругает, но не с криком, шумом, спокойно, не повышая голоса, да так, что человеку будет стыдно всю неделю. Светлана Алексеевна много знает и умеет: отлично играет на горне, барабане, аккордеоне, отлично поет. И вообще я рад, что она у меня есть...»

Алеша Дмитриенок, 7 «а» класс

В Москве на Всесоюзном слете пионервожатых Светлане Алексеевне Любимовой вручили высокую правительственную награду — медаль «За трудовую доблесть».

Журнал «Костер» поздравил ее с этой наградой и задал только один вопрос: «Что вы больше всего уважаете в своих питомцах?»

И Светлана Алексеевна ответила:

— Верность школе!..

И. САБИЛО

История о Тролле, Которому никто не хотел верить

СКАЗКА

Рисунок
А. Ивашенцевой

Жил однажды, а было это очень-очень давно, один тролль, который проспал все на свете. Когда он проснулся и выполз из своей подземной норы, ноги его запутались в бороде, и он повалился навзничь с оглушительным грохотом. Конечно, пока тролль спал, борода его росла и росла. А проспал он одним махом, сам того не заметив, триста лет. Он немножко поразмялся на солнце и проворчал:

— Ах, славно я вздремнул! Теперь я как раз готов к тому, чтобы отправиться в путь и перепугать уйму людей. Ха-ха, как я рад! Они наверняка онемеют от ужаса. Потому что я самый большой, самый наглый и самый безобразный тролль!

И в этом он воистину был прав.

Итак, побрел он по проселочной дороге, ведущей в город, который не был ни маленьким, ни большим.

Первым повстречался ему человек, который прогуливался, засунув руки в карманы.

— Бу! — крикнул тролль.

— Ого, как букает! — сказал прохожий и пошел дальше.

Тролль застыл от удивления. «Однако странно, — подумал он. — Человек совсем не испугался. Но, возможно, он меня не видел? Он, наверное, был слепой, бедняжка».

И тролль пошел прямо по середине мостовой. Вскоре к нему с грохотом подъехал автомобиль, в котором сидели мужчина и женщина. Автомобиль затормозил перед самым троллем, потому что объехать его было невозможно. Мужчина опустил стекло и сердито произнес:

— Эй ты, ну-ка убирайся с дороги!

— Я тролль! — прорычал тролль и покачал своими длинными острыми рогами. — Сейчас я вам задам!..

— Никаких троллей не существует! Вы всего-навсего ряженный, — сказала дама.

Врум! Автомобиль бесцеремонно тронулся с места, и тролль едва успел отскочить в канаву.

Когда он снова поднялся на ноги (у него их было четыре) и немного отряхнулся, настроение у него было паршивое и пребывал он в некотором недоумении. Он заковылял дальше, бормоча:

— Ничего не понимаю, неужели я совсем разучился пугать людей?

Когда он добрался до города, первое, что он увидел, было его отражение в стекле витрины. Долго и внимательно рассматривал он себя, потом удивился и сказал:

— Несомненно я — тролль. Необычайно опасный и ужасный тролль, увидев меня даже издали, люди должны визжать от страха! Вот я каков!

И тогда он отправился бродить взад-вперед по улицам, завывая, хрюкая и сверкая глазами, а борода его развевалась до самого второго этажа.

Но представьте себе, люди вовсе не пугались. Они только говорили: «Вы видели дурачка в костюме тролля?», «Какой, однако, шумный», «Он мешает движению». Так говорили они, и ни у кого не возникло ни малейшего чувства страха. Наконец тролль так устал бродить взад-вперед, что вынужден был остановиться перевести дух. Он абсолютно ничего не понимал. Почему он не может напугать людей?

Он чувствовал себя несчастным и, по правде сказать, готов был расплакаться. Но от всей этой беготни ему ужасно захотелось пить, поэтому он взял себя в руки, протопал в магазин и прорычал:

— Подать сюда воды!

— Что за манера обращаться? — произнес продавец.

— Быстро неси сюда питье, — сказал тролль и скорчил самую ужасную рожу, какую только мог.

Продавец поставил на прилавок бутылку апельсинового лимонада. И тролль выпил ее залпом.

— Это стоит 75 эре, — произнес продавец.

— Еще чего?! Я тролль, а тролли берут все, чего захотят, — сказал тролль.

— Троллей больше нет, — сказал продавец. — Есть только один, да и тот ряженный. Будьте любезны заплатить.

Продавец позвал полицейского, который как раз проходил мимо.

Полицейский вошел в магазин и увидел, что у прилавка стоит тролль.

Он строго посмотрел на тролля, который уже начинал нервничать, и спросил:

— У вас нет никаких денег?

— Нет, — сказал тролль и сверкнул глазами.

— Снимите этот дурацкий костюм, — сказал полицейский.

— Но я же настоящий тролль, старый, страшный тролль, — захныкал тот.

— Так мы этому и поверим, — сказал полицейский и ухмыльнулся. — Вы всего лишь пьяный ряженный. А теперь вы попадете в кутку за ваши дела!

И он потащил плачущего тролля прямо в тюрьму. Всю ночь просидел тролль, прислонившись к решетке.

Выпустили его только утром. И как можно скорее он поспешил прочь. Хвост его волочился в пыли, а бороду ему отрезали в тюрьме, чтобы тролль не мог на ней повеситься. Он был очень-очень несчастным.

Вдруг на вершине холма ему повстречались маленький мальчик с маленькой девочкой. Тролль покраснел и попытался как ни в чем не бывало пройти мимо. Но мальчик закричал:

— Ого, тролль!

И девочка закричала:

— Караул! Помогите! Отвратительный тролль!

Тролль так и застыл на месте. Он медленно повернулся к детям и пролепетал:

— Ох, что вы сказали?

— Ничего особенного, господин тролль, — ответили дети и задрожали всем телом.

— Вы имели в виду меня? — спросил тролль.

И тут он понял, что они имели в виду именно его, высоко подпрыгнул в воздухе и радостно заорал:

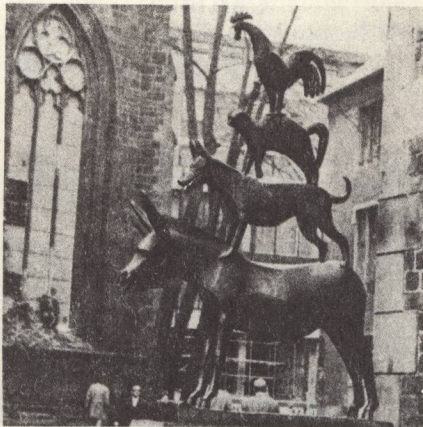
— Ура! Наконец-то кто-то меня боится. Какое чудо! Как это удивительно!

И тогда тролль поведал им все, что с ним случилось. И они стали очень хорошими друзьями. С этого дня мальчик и девочка часто ходили в лес навещать тролля. Иногда шутки ради тролль гонялся за ними, а дети притворялись, будто они до смерти напуганы. Им было очень весело.

Перевел с датского Александр КАБАНОВ

В № 7 «Костра» была фотография: памятник животным. Многие ребята угадали, кому этот памятник. Конечно же, Бременским музыкантам...

А вот где стоит этот памятник? Отвечаем: в городе Бремене.

Фотографию сделал корреспондент «Костра» Борис Гессель.

* ЗЕЛЁНЫХ *

ПОИСК

СТРАНИЦ

Оформление
Н. Корниловой

Подошел к концу 1977 год. Для юннатов «Зеленых страниц» это был год ПОИСКА редких и необычных растений. Редакция журнала и Ботанический сад Академии наук СССР получили от вас, ребята, много интересных и ценных сведений.

НАИБОЛЕЕ ВАЖНЫЕ НАХОДКИ УЧАСТНИКОВ «ПОИСКА»:

ДУБЫ ЗА ПРЕДЕЛАМИ АРЕАЛА (в культуре):

1. Лена Демина (поселок Рудный Свердловской области).
2. Сережа Кобыленко (город Рубцовск Алтайского края).
3. Олег Варлаков (город Свердловск).
4. Лена Нозикова, Надя Козицина (поселок Харитоново Архангельской области).

ДУБЫ ПИРАМИДАЛЬНЫЕ:

1. Юннаты Дворца пионеров (город Брест).
2. Юннаты средней школы (поселок Высокое Брестской области).
3. Лена Есипенко (город Краснодар).

ЧЕРЕМУХА РОЗОВОЦВЕТНАЯ:

1. Оля Ашейчик (город Среднеуральск Свердловской области).
2. Четвертый класс, учитель Левин Ю. С. (село Балаир Талицкого района Свердловской области).
3. Третий класс, учитель Сопунова Г. С. (село Куруил Оренбургской области).
4. Светлана Сенина (поселок Хуухканмяки Карельской АССР).

3. «Гановский парк» и «Американский сад» (юннаты средней школы, город Борисов Минской области).

4. «Старинный парк XVIII века» (Виталий Иванов, Света Токарева, Виктор Пихлаку, поселок Гостилицы Ленинградской области).

5. «Килбятский сад» (Муслим Бекиров, село Килбят Азербайджанской ССР).

6. «Старинный сад» (Тельман Аскеров, село Мухтадир Худатского района Азербайджанской ССР).

7. «Заброшенный парк» (Вера Шмелькова, село Лунино Пензенской области).

ПОИСК КОММЕНТИРУЮТ УЧЕНЫЕ

Профессор Александр Александрович КОРЧАГИН:

— Ребята делают и уже сделали очень важное дело... Интереснейшими мне представляются, к примеру, сообщения о дубах пирамидальной формы. Эта форма дубов встречается очень редко.

Дубы, выращенные человеком далеко за пределами ареала, являются для тех мест растениями необычными. А люди, которые их посадили и сумели вырастить, достойны самых высоких похвал. Судите сами: город Рубцовск находится в краю засушливых степей. Здесь летом от жары выгорает трава, а зимы так холодны, что только морозостойкие растения способны их пережить. А деревня Харитоново Архангельской области — совсем в других условиях, где почвы бедны, подзолисты. В противоположность степному Рубцовску, в этих местах очень много влаги и мало тепла... Но и в Рубцовске, и в Харитонове растут дубы! Дубы, «привычные» к черноземам и теплу... Все это крайне интересно!

СТАРИННЫЕ ПАРКИ И САДЫ:

1. «Заброшенный сад» (Дима Филков, город Резекне Латвийской ССР).
2. «Барский сад» (Ира Зуйкова, деревня Екатериновка Рязанской области).

Серьезными открытиями стали находки розовоцветной черемухи в Свердловской, Оренбургской областях и в Карельской АССР. Есть ли розовоцветная черемуха в других местах страны, покажет дальнейший поиск. Надо надеяться, что будущей весной, когда снова зацветет черемуха, ребята будут особенно внимательны и мы получим новые сообщения о находках этой пока РЕДЧАЙШЕЙ формы черемухи.

Карликовая березка, найденная на юге Белоруссии, тоже явилась открытием, важным для ученых. До сих пор считалось, что это — северное растение, свойственное тундрам и лишь иногда встречающееся в северной Белоруссии. Теперь мы сделаем поправку на своих картах...

Старинные парки... Группы ученых занимаются их поиском, составляют паспорта, схемы, заносят сведения о старых парках в особые книги учета. Специалисты представляют проекты первоочередного восстановления особо ценных парков. И в этом деле ребята тоже помогли ученым. А некоторые пионеры и пионерские отряды сумели организовать охрану парков и работы по восстановлению старых парков.

Все находки ребят имеют несомненную практическую ценность. Розовоцветная черемуха и пирамидальный дуб могут стать прекрасным украшением наших садов и парков, наших пригородных лесов, ведь они очень декоративны. Дубы к тому же очень долговечны. А там, где удастся вырастить дуб в больших количествах, можно получить ценную промышленную древесину. Фрук-

товые деревья, такие, как абрикосы, могут пополнить наши фруктовые сады. А вот карликовая березка имеет очень большой и научный, и познавательный интерес. Изучение этой находки поможет ученым восстановить еще одну страничку естественной истории, то есть истории развития и изменения растительности, климата и других природных факторов.

Все это — не просто серьезная помощь ученым, но и большое, полезное народу дело...

Профессор Андрей Алексеевич ЯЦЕНКО-ХМЕЛЕВСКИЙ:

— «ПОИСК» — не только важное и полезное дело, но и интересное дело. Вообще мир растений необыкновенно увлекателен. Я это знаю по себе. Вы, ребята, изучаете в школе историю древнего мира, историю средних веков... А знаете ли вы, что растения тоже имеют свою историю? Вся земная растительность — и отдельные растительные сообщества, и каждое растение в отдельности — имеет свою историю развития.

Еще есть и история взаимоотношений человека и растений. Человек никогда не мог обходиться без растений. Он употреблял их в пищу, делал из них одежду и домашнюю утварь... Лечился растениями. Так было всегда. Человек узнавал новые растения, познавал их новые свойства. Всем известный картофель, к примеру, был когда-то декоративным растением. Его выращивали на клумбах, как выращивают сейчас какой-нибудь георгин. Рожь, из которой пекут черный хлеб, была когда-то придорожным сорняком. И кто знает, что даст нам розовоцветная черемуха, когда мы сможем

широко изучить ее свойства? Быть может, новое лекарство?

Растительность можно изучать с самых разных позиций. Можно искать редкие и необыкновенные формы растений, возникающие в результате мутаций, можно искать и изучать растения и группы растений, интересные с точки зрения истории развития или истории использования этого растения человеком, можно заниматься переселением и акклиматизацией растений и так далее. В любом случае это будет увлекательный и полный необыкновенных открытий поиск!

От всей души желаю вам ребята, дальнейших интересных находок и открытий! Желаю новых важных и нужных дел!

*

НАГРАЖДЕНИЕ ЛУЧШИХ ЮННАТОВ И ОТРЯДОВ ЮННАТОВ — УЧАСТНИКОВ ПОИСКА «ЗЕЛЕННЫХ СТРАНИЦ» — В «КОСТРЕ» № 4 1978 ГОДА

*

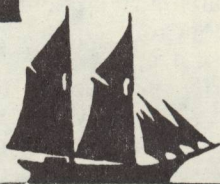
Дорогие друзья! ПОИСК «Зеленых страниц» был лишь первым этапом наших дел. Вторым этапом будет проведение операции «ЧУДО-ДЕРЕВО». Операцию «ЧУДО-ДЕРЕВО» «Костер» будет проводить в течение 1978—79 гг. Операция «ЧУДО-ДЕРЕВО» — это расселение редких и необычных для природы данного края растений и проведение опытов по их акклиматизации.

Подробности о проведении операции «ЧУДО-ДЕРЕВО» читайте в январском номере «Костра» в 1978 году.

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. СКОСЫРЕВА

Оформление
В. Адаева

ГОД ИЗДАНИЯ 21-й

ПОДВИГ ИВАНА РЯБОВА

Случилось это в 1701 году. Россия тогда воевала со шведами, и в Белое море вошла шведская эскадра. В незнакомых водах шведам понадобился лоцман. Они захватили рыбацкую ладью, рыбаков бросили в трюм, а кормчего, Ивана Рябова, привели к своему капитану. Тот сказал: «Или покажешь моей эскадре дорогу к Архангельску, или повешу на рее! Думай!» И велел перевернуть склянку песочных часов. В склянке песку — на пятнадцать минут. Бежит песок тонкой струйкой. Еще весь не сбежал, Рябов согласился.

Пошла эскадра. Иван возле рулевых на головном фрегате. Ветер отличный, корабли идут ходко. Вот и архангельский берег виден.

— Куда править? — спрашивают через переводчика шведы.

— Круче вправо! Еще круче... — говорит Рябов.

Шведы слушаются. Еще ближе к берегу подошли.

— Убирать ли паруса? — спрашивают.

— Паруса не убирать. Еще круче вправо взять! — командует Рябов. Рулевые вовсю стараются.

И вдруг фрегат как ударится днищем! Как мачты затрещат! Шведы с ног попадали... Сел фрегат на мель.

А уж где мели, где быстрины на Северной Двине, лучше Рябова не знал никто. Не куда-нибудь, под самые пушки Новодвинской крепости завел шведов. Не сразу они опомнились, а как спохватились, Рябов уже за борт прыгнул, поплыл прочь. И хоть ранили его мушкетной пулей, доплыл...

А шведы отступили, бросив два корабля и пять знамен.

Ивану Рябову за тот подвиг было пожаловано лоцманское звание и суконный добрый кафтан.

ПЕСНЯ ОСЬМИНОГА

Я — осьминог. И всем вокруг
известно:

Я — голова! Я — мудрости
чертог!

Чтоб голову такую
сдвинуть с места,
Нужны, по крайней мере,
восемь ног!

Всему, что видишь, верить
просто глупо,
К тому же света мало
в глубине...

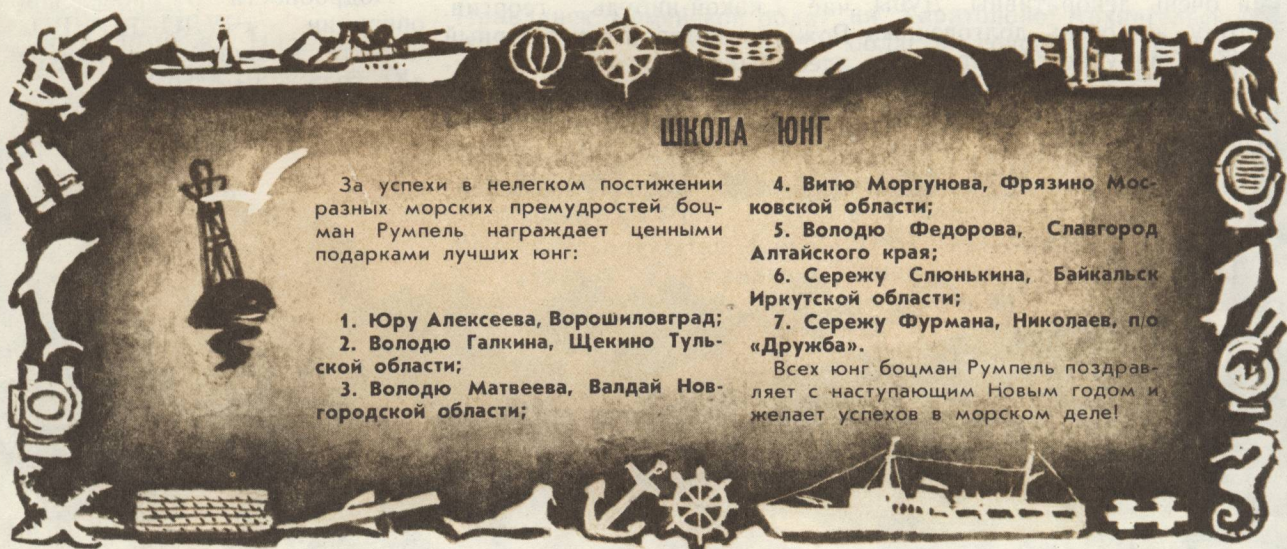
Я лично должен
все вокруг пощупать —
Для этого и щупальца
при мне.

И знают все: акулы
и кальмары,
И даже несмысленная
плотва, —

У осьминога ног
четыре пары!

Все остальное —
только голова...

ВОЛЬТ СУСЛОВ

ШКОЛА ЮНГ

За успехи в нелегком постижении разных морских премудростей боцман Румпель награждает ценными подарками лучших юнг:

1. Юру Алексева, Ворошиловград;
2. Володю Галкина, Щекино Тульской области;
3. Володю Матвеева, Валдай Новгородской области;
4. Витю Моргунова, Фрязино Московской области;
5. Володю Федорова, Славгород Алтайского края;
6. Сережу Слюнькина, Байкальск Иркутской области;
7. Сережу Фурмана, Николаев, по «Дружба».

Всех юнг боцман Румпель поздравляет с наступающим Новым годом и желает успехов в морском деле!

НЕРЕИС ПОШЕЛ!

Я пишу вам с Белого моря. Здесь, открытый для холодных ветров, лежит остров. На острове—наша морская биологическая станция. Здесь мы проводим практику.

Раз после ужина прибежали гидробиологи: «Нереис пошел!»

Нереис—это морской червь. Раз в год, обязательно в тихую погоду все нереисы разом всплывают к поверхности моря на нерест, поэтому и наблюдать ход нереиса можно лишь раз в году и всего часа три... Затем черви вновь уйдут в холодные глубины до следующего года. Вот и спешат ученые успеть увидеть нерест, ждут его начала.

Столкнули мы лодки и вышли в море. Из-за миллиардов икринок не было видно воды. Икринки люминесцировали, и мне казалось, что плывем мы по сказочному морю. Вода, стекая с весел, светилась. Дорожка за кормой светилась... А к поверхности моря поднимались все новые черви-нереисы. За ними поднимались стаи рыб, чтобы полакомиться икрой нереиса, а над светящимися волнами летали прожорливые чайки.

Нереисы задали ученым загадку. Какая сила влечет их кверху всех одновременно?... В тропиках сигналом к началу нереста являются фазы Луны. А на севере-то—полярный день. Кто же командует червям «Все наверх!»? Вот такая загадка... Ее еще предстоит разгадать.

Студент-биолог Михаил ШИЛИН,
в прошлом —юнкор «Морской газеты»

СПРАШИВАЕТЕ — ОТВЕЧАЕМ

Дорогая «Морская газета»!

Мы уже комсомольцы, но любим читать пионерские газеты и журналы. В мае «Морская газета» напечатала рассказ «Последняя радиogramма». Нам очень хотелось бы узнать, что стало с тем героическим радистом, который успел предупредить наши корабли и спас их от фашистского плена? Остался ли он жив или фашисты его убили?

Василий Ветров, Люция Куприянова,
Иван Протопопов, Лилия Бетюнская,
Андрей Безменов, 10 «б» класс,
Якутск

Дорогие ребята!

Дальше случилось вот что: всех моряков экипажа парохода фашисты арестовали. В застенок попал и радист Юрий Стасов. Но дознаться — кто передал радиogramму, фашисты так и не смогли. Долгие годы войны Юрий Стасов провел за проволокой концлагеря в Вильцбурге. Он оказался настоящим, стойким советским патриотом. Однажды он заступился за польского заключенного. Фашисты избили Стасова и бросили в карцер.

Когда Советская Армия освободила заключенных, Юрий Стасов был тяжело болен. Скоро он умер.

— Редкостный у меня аквариум!— сказал капитан Быстроходов боцману Румпелю.—Вот рыба-шуруп, вот рыба-пила. Есть рыба-бурав и рыба-тиски... Рыба-гвоздь и рыба-клещи имеется, рыба-молот и рыба-струбцинка... Рыба-игла и рыба-долото...

— Хватит, хватит! Разыгрывайте кого-нибудь другого,—сказал Румпель.—Таких и рыб-то не бывает...

— Как сказать,—покачал головой Быстроходов.

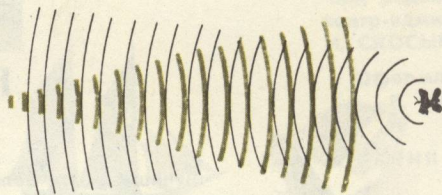
Ребята! А вы сможете назвать рыб, которые действительно могли быть в аквариуме капитана Быстроходова?

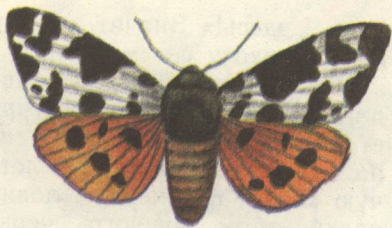

ПОЕДИНКИ В ВОЗДУХЕ

В. ТАНАСИЙЧУК

Рисунки О. Зуева

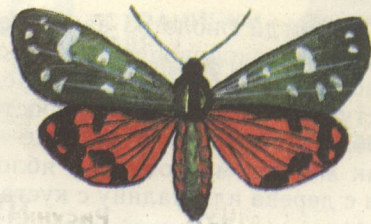

Медведица — кайя

Совка зубчатокрылая

Медведица — девочка

Кому не доводилось летним вечером следить за полетом летучих мышей? Уже смеркается, но еще не темно, полыхает закат. Воздух прорезала темная беззвучная тень. Броски, перевороты, прихотливые петли — кажется, что маленькое крылатое существо играет само с собой. Но это не игра, а охота — настойчивая и упорная, каждый бросок, каждый поворот точен и осмыслен.

В любой книге о чувствах животных вы найдете массу подробностей об удивительном свойстве летучих мышей — их способности к эхолокации. Им она помогает ориентироваться в темноте. Летучих мышей наводит на добычу не зрение, а слух, настолько тонкий и изощренный, что он просто несравним с человеческим.

Но об этом люди узнали не сразу. Более того, многие столетия к летучим мышам избегали присматриваться, их считали существами подозрительными, зловредными, опасными. Их обвиняли даже в том, что они знают с нечистой силой.

Однако пришло время, и мышами всерьез заинтересовались ученые. Итальянский аббат Спалланцани — человек изобретательный и остроумный — натянул в большой комнате сотни нитей (к каждой был прикреплен колокольчик) и пустил летать в этой комнате летучих мышей. Они подолгу летали между нитями — и ни один колокольчик не зазвенел. Тогда Спалланцани заклеил мышам глаза, но те по-прежнему летали, не задевая нитей. Однако — это очень удивило Спалланцани — стоило залепить им воском уши — и комната наполнилась звоном; мыши металась по ней как слепые. Значит, летучие мыши «видят»

ушами? Но как это происходит, Спалланцани, живший в XVIII веке, узнать не мог.

Ответ был найден только через полтора столетия. В 1938 году американский студент Дональд Гриффин принес в физическую лабораторию клетку с летучими мышами. Он рассуждал так: летучие мыши молчаливы, и только если их потревожить — они негромко «цвиркают». Но ведь у них прекрасно развиты связки гортани — значит, они должны уметь кричать! Может быть, мы просто не слышим их крики? И вот мышь помещена перед микрофоном, который улавливает не слышимые для человека ультразвуки. Электронное устройство позволяет видеть эти звуки в виде кривых на экране. Щелчок — прибор включен. В лаборатории тишина, а на экране пляшут стремительные голубые зигзаги. Это значит — тишина обманчива, мыши кричат!

Теперь, благодаря работам давно ставшего профессором Гриффина и многих других ученых, мы знаем секрет летучих мышей. Они испускают звуки частотой до 100—150 тысяч колебаний в секунду (напомним, что человек слышит звук в пределах 16—20 тысяч колебаний). Благодаря устройству мышиногo рта звук распространяется узким, точно направленным пучком. Достигнув препятствия, он отражается — и его эхо возвращается к мыши, к ее большому сложному устроенному ушам. Мышь получает точную информацию о препятствии, о его форме, размерах и даже плотности. Когда мышь внимательно «присматривается», а точнее, прислушивается к какому-нибудь объекту, — она выпускает около 250 звуковых очередей в мину-

ту. Точность такой эхолокации совершенно фантастична; летучая мышь может заметить нить толщиной в 0,12 миллиметра и отличить подкинутого в воздух мучного червя от проволочки такой же величины. Живущие в тропиках летучие мыши-рыболовы способны заметить рыбу, плывущую у поверхности воды! И вообще ловкость летучих мышей в воздухе кажется фантастической — во время экспериментов в помещении они ловили по насекомому каждые 4—6 секунд.

Ученым удалось проследить и сам процесс ловли насекомых — сделано это было с помощью фотосъемки. Существует специальная электронная лампа-пулемет, дающая частые и очень короткие вспышки. На снимке, полученном с помощью такой лампы, получается целый ряд изображений, последовательно показывающий движение предмета. Такую лампу и использовали при изучении летучих мышей.

В большой комнате выпускали ручную летучую мышь, включали аппарат и подбрасывали в воздух мучного червя. Миг — и он исчезал. Все происходило так быстро, что только по фотографиям можно было разобраться, что же случилось с этим червем в воздухе. Сначала летучая мышь безошибочно неслась прямо к червяку и подхватывала его точным ударом широкого перепончатого крыла, как будто рыболовной сетью. Затем мышь переворачивалась в воздухе и складывала мембрану крыла так, что червяк оказывался в мешке. Когда же переворот кончался и мышь летела нормально, грудью вниз, червь был у нее в зубах. Вся эта операция занимала несколько сотых секунды.

Но тогда биологов заинтересовал и такой вопрос. Что же насекомые — безоружны перед летучими мышами? Те просто собирают добычу в воздухе — так же, как мы собираем яблоки с дерева или малину с куста?

На первый взгляд дело выглядит именно так, но только на первый взгляд. Была проведена серия наблюдений, и картина прояснилась — нет, насекомые не безоружны. Чтобы понять, как в действительности обстоит дело, присмотримся еще к одному эксперименту.

...Ночной сад освещен мощным прожектором. В луче ослепительного света белыми точками кружатся ночные бабочки. Время от времени в световой конус врывается летучая мышь. Все, что происходит в световом конусе, регистрируется фотоаппаратом.

Но вот пленки проявлены, на отпечатках — сложные кольца, зигзаги, полосы — траектории полета бабочек и мышей. Они рассказывают об удивительных вещах; бабочки увертываются от летучих мышей, делая петли или пикируя, — и очень часто на пленке видно, как в одну сторону от точки встречи уходит серая траектория летучей мыши, а в другую — прерывистый пунктир от взмахивающей крыльями бабочки. Добыча осталась цела!

При этом маневр бегства начинается, когда летучая мышь еще не приблизилась. Значит, бабочка заранее заметила мышь? Опыт изменили — стали снимать одних бабочек, время от времени воспроизводя через микрофон запись ультразвуковых сигналов летучих мышей. Реакция бабочек оказалась такой яркой, что ее можно было заметить без фотосъемки. Стоило включить магнитофон — и бабочки резкими зигзагами кидались к земле, спасаясь от несуществующих мышей. Они «слышали» голос врага.

Ученые стали присматриваться к слуховым органам ночных бабочек. Их «уши» расположены по бокам тела, в месте соединения грудки и брюшка. Это углубления, покрытые тонкой пленкой, которая выполняет

роль барабанной перепонки. Под пленкой — чувствительные клетки. И эти клетки оказались рассчитанными именно на восприятие ультразвука!

Постепенно стало выясняться, что слух ночных бабочек не менее замечателен, чем слух летучих мышей — и что у каждой бабочки существует очень хорошо работающая «система оповещения». Бабочка не только точно определяет направление, откуда доносится ультразвук, но и может оценить расстояние до его источника — то есть до мыши. При этом она замечает летучую мышь на расстоянии до тридцати метров — тогда как мышь может нащупать бабочку своим звуколокатором только с пяти-шести метров. Следовательно, у бабочек есть немалое преимущество — и они его умело используют. Если мышь находится далеко, бабочка просто улетает в противоположную сторону. Но если мышь приблизится на те самые пять-шесть метров, бабочка начинает делать петли или зигзаги — а то и просто пикирует, прячась в траву.

Примечательно, что органы слуха особенно хорошо развиты именно у ночных бабочек (совки, пяденицы, медведицы, некоторые бражники). У дневных бабочек «уши» гораздо проще — ведь летучие мыши летают только ночью!

Но это еще не все, о чем узнали ученые. У некоторых ночных бабочек — в частности, медведиц — выработалась еще одна защита против летучих мышей, и даже не защита, а оружие.

Над основанием третьей пары ножек у медведиц имеется небольшая ребристая пластинка, закрывающая маленькое углубление. Ученые долго не могли понять — для чего она служит? Оказалось, что если прикоснуться к бабочке или раздражать ее ультразвуком — эта пластинка начинает вибрировать. Возникает ультразвук, подобный ультразвуку летучих мышей.

Но простите, — скажет читатель, — получается что-то странное. В ответ на сигнал летучей мыши бабочка отвеча-

ет: «Я здесь!» Значит, она облегчает охоту своему врагу?

Не стоит торопиться с выводами. Посмотрим, как реагирует летучая мышь на этот сигнал. Исследователи взяли летучую мышь, приученную ловить подкинутого мучного червя. Вот она выпущена в комнате и кружит под потолком. Вверх летит один червяк, другой, третий. Они проглочены. Но вот экспериментатор подкидывает четвертого червя и одновременно включает магнитофон с записью ультразвука бабочки. И тогда происходит неожиданное — мышь шарахается от червяка в сторону! Она его определенно боится! Еще и еще опыты — сомнений нет, звук, издаваемый бабочкой, отпугивает мышь!

Но чем же могут быть опасны для летучих мышей медведицы — медлительные, ярко окрашенные насекомые?

Ярко окрашенные... Стойте! Ведь насекомоядные птицы действительно избегают медведиц. Их яркая окраска — предупреждающая. Она словно говорит: не трогай меня, я ядовитая! Но яркая окраска видна только днем. Так вот в чем дело: оказывается, и ночью, в кромешной тьме ядовитые бабочки как бы предупреждают хищников — «Осторожно!»

Итак, в конце концов ученые убедились — бабочки совсем не беззащитны, не так уж велики у летучих мышей шансы в состязании эхолокаторов. И если в конце концов мыши набирают достаточно корма — заработан он нелегким трудом.

Миллионы лет шло развитие летучих мышей и бабочек — хищников и их жертв. Они не только ловили или спасались — постепенно, шаг за шагом, — они и приспосабливались друг к другу. И если одна сторона получала какое-то преимущество — например, у нее возникали новые способы охоты, — то другая, чтобы выжить, изобретала новые способы защиты.

Все в природе взаимосвязано, все находится в равновесии. Удивительные приспособления летучих мышей и ночных бабочек еще раз подтверждают это.

Там им дали мороженое без очереди и освободили места рядом с елкой.

Вася и Дед-Мороз ели мороженое из металлических вазочек, а рядом стояла красивая елка и подмигивала разноцветными лампочками.

8

Рисунок Г. Ясинского

Б. ЧЕБАН НЕМОЕ ДЕРЕВО

Рисунок
А. Орлова

В одно воскресное утро четыре медвежонка сошлись под своим деревом обменяться новостями.

— Волки воют, — откашлявшись, начал старший из четверых медвежат.

— Лисицы лают, ежи фыркают, птицы свистят, — сообщил второй по старшинству медвежонок.

— Мы, медведи, ррреем, — гордо выложил свою новость третий.

— А вот какой голос у нашего дерева, вы не знаете, — пропищал самый маленький, четвертый медвежонок и хитро прищурился.

— А ты почему молчишь? — задрал квер-

4

ЁЖ

СТРАНИЧКИ
ДЛЯ
МАЛЫШЕЙ

В. ДАНЬКО

САНКИ

Выбивался я из сил,
Я на горку их тащил.
А теперь быстрее коня
С горки мчат они меня.

Рисунок
Т. Капустиной

ху морды, сурово спросили дерево три медвежонка.

— Потому что я немое, — пропищало дерево.

Рисунок
Т. Капустиной

ВЕЧЕРОМ В ЛЕСУ

Месяц в небе светит,
Звездочки сверкают,
На полянке зайцы
В чехарду играют.

Головой качает
Елка в белой шапке:
«Не пора ль, зайчата,
Вам идти в кроватки?»

Отвечают ей зайчата:
«Дорогая елочка,
Разреши нам, разреши
Поиграть немножечко».

Лара Головцова, 12 лет,
Ростовская область

5

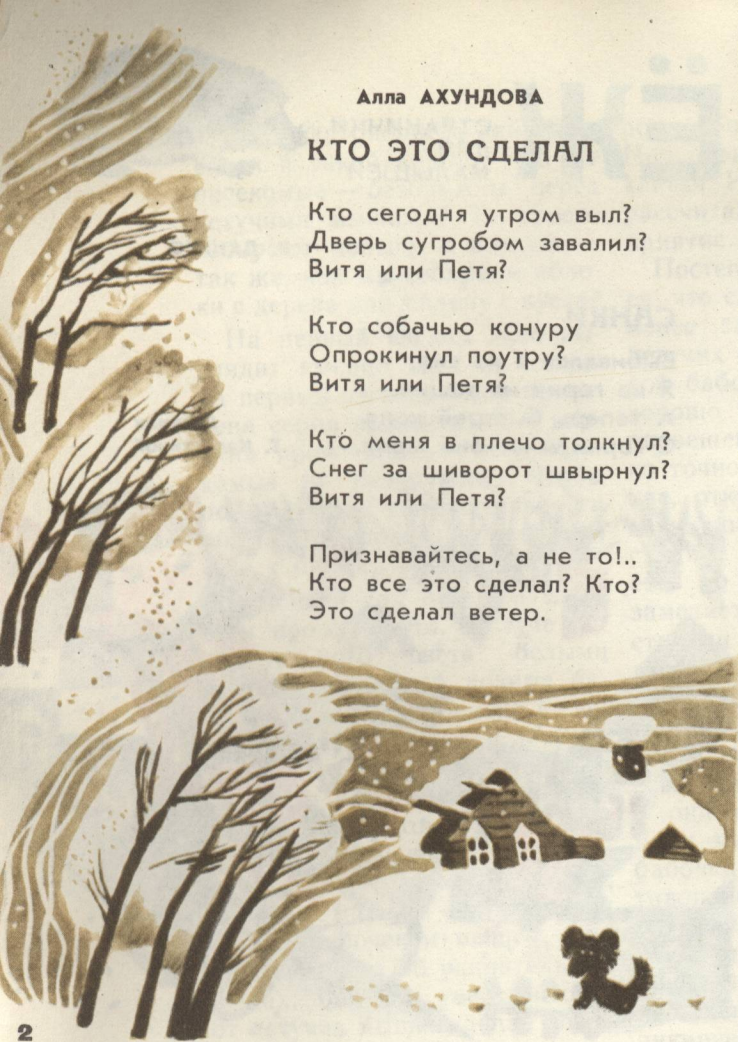
КТО ЭТО СДЕЛАЛ

Кто сегодня утром выл?
Дверь сугробом завалил?
Витя или Петя?

Кто собачью конуру
Опрокинул поутру?
Витя или Петя?

Кто меня в плечо толкнул?
Снег за шиворот швырнул?
Витя или Петя?

Признавайтесь, а не то!..
Кто все это сделал? Кто?
Это сделал ветер.

Так они с Дедом-Морозом обошли все квартиры на лестнице, и осталась одна — самая верхняя, Васина.

Мешок у Деда-Мороза за спиной был уже пустым, там лежал единственный подарок.

— Жарко, — сказал Дед-Мороз, — отвык я в полной выкладке по лестницам лазать.

«Сейчас он подарит мне подарок и уйдет с пустым мешком, — подумал Вася. — Он всем дарит подарки, а ему — никто и не подумает подарить. Разве можно встречать Новый год без подарка?»

— Это моя квартира, — сказал Вася. — Только можно я свой подарок подарю одному человеку? Ну можно?

Вася очень боялся, что Дед-Мороз скажет «нельзя».

— Конечно, можно, — проговорил Дед-Мороз, — он ведь твой, ты и распоряжайся. — И вынул из мешка такой красивый кулек, что Вася зажмурился.

Но все равно он сказал:

— Этот подарок я вам дарю. Поздравляю с Новым годом!

— Как же так, — растерялся Дед-Мороз. Он постоял, потом уложил подарок назад в мешок и хлопнул Васю по спине.

— Раз так, пойдем, я тебя мороженым угощу, а то очень у вас жарко на лестнице.

И они с Дедом-Морозом пошли в кафе-мороженое.

ВАСЯ И ДЕД-МОРОЗ

НОВОГОДНИЙ РАССКАЗ

Вышел Вася на улицу в первый день каникул, и сразу к нему подошел Дед-Мороз с полным мешком подарков.

— Мальчик, не знаешь, где тут корпус два?

— Конечно, знаю! — обрадовался Вася. — Я сам в нем живу. А вы откуда, из леса?

— Я-то? Я — из леса, видишь, валенки в снегу — долго к вам добирался.

И Вася повел Деда-Мороза к своему дому.

У первой квартиры Дед-Мороз опустил мешок с подарками на пол, достал из кармана шубы список и надел очки.

— Да я вам без списка скажу — здесь живут Вовка и Зиночка. — Вася нажал на кнопку, а сам спрятался за дверь.

Он слышал, как Дед-Мороз дарил подарки, как Зиночка сначала испугалась, а потом рассказала детсадовский стишок.

Дед-Мороз наконец вышел, и Вася повел его к следующей квартире. Там жил первоклассник Агафон. Вася опять позвонил и спрятался за дверь.

СЛОН В КЕПКЕ

А. ЛИСНЯК

Рисунок А. Орлова

Однажды в еловом лесу появился слон в кепке.

— Тра-та-та-та! — затрещала сорока.

— Кошмар-р-р-р! — закричала ворона.

— Ты чивик? — спросил воробей.

— Ку-ку! — радостно поздоровалась кукушка и спряталась.

Но слон шел, шел, шел, не обращая ни на кого внимания.

Потом он остановился, поднял хобот и затрубил.

Он затрубил так, что со всех елок упали шишки.

Слон собрал шишки в кепку и ушел.

Он приходил в еловый лес за шишками, потому что в джунглях шишек нету.

Шишками хорошо стрелять из хобота, когда нападут.

ЗА СПОРТИВНЫЙ РАЗРЯД!

Такое соревнование откроется в АРЧЕБЕКЕ в январе. Помимо разрядов, победителей будут ждать дипломы и призы.

Кого принимают? Всех шахматистов. Всех шашкистов. И даже тех, кто еще только желает научиться играть. Мальчиков? Конечно! Девочек? Разумеется! Первоклассников? Охотно! Десятиклассников? Пожалуйста!

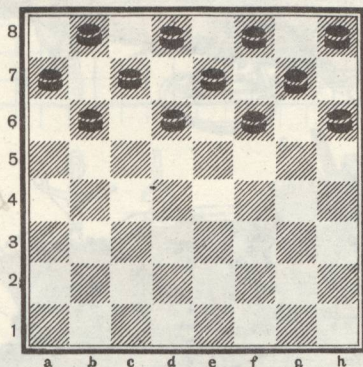
Как включиться? Написать на открытке заявку («Прошу включить меня...»). Указать фамилию, имя, класс, разряд, адрес.

Наш адрес: 193015, Ленинград, Таврическая, 37.

Ждать ли сообщения о том, что принят? Нет! Заявку послал — считай, что зачислен. И смело вступай в сражение в «Костре» № 1.

ВОЛК И ЛИСА

— Наконец-то, Рыжая, я у тебя выиграл! — заявил Волк, снимая последнюю шашку белых.

— Ты шутишь, кум? Это же я выиграла!

— Ты?? Как это ты, когда я все твои шашки побил?

— И хорошо, что побил! Я нарочно подставила — вот ты и побил. Мы же в поддавки играем!

— Ну, Лиса! Ты лучше оставь свои хитрости! Ни о каких поддавках и речи не было!

И Волк с Лисой заспорили. А пока они спорят, постарайтесь найти, как из начального положения, где стояли все белые и черные шашки, могла возникнуть эта забавная позиция, к которой, как оказалось, стремились оба противника.

Пятеро, ответивших верно, будут награждены шашечными книгами. Срок — 15 февраля.

УГОЛОК ЗАЯДЛЫХ СПОРЩИКОВ

Сегодня рыцари, зайдя в уголок, увидели на доске такое положение:

Белые: Крf2, Сg1, п.h3; черные: Крh1, пп. с7, d7.

— Это что? Задача? — спросил первый спорщик.

— Нет! В этой позиции Боря Сачков — он играл черными — сдался Вене Белкину, — сказал второй спорщик.

— Ну и правильно сделал, — заметил третий спорщик. — Потому что он в пять ходов мат получил бы.

— В пять? Нет, не в пять! Раньше, чем в шесть, тут мат не объявить, — возразил первый спорщик.

— В шесть не получится, — не согласился второй спорщик. — При точной игре черных мат можно дать только в девять ходов!

Доблестные рыцари! Кто же из спорщиков прав? И почему? Пятеро, ответивших верно, будут награждены шахматными книгами. Срок — 15 февраля.

ОТВЕЧАЕТ ПЕШКОЕДОВ

«Можно ли белую пешку превратить в ферзя, если белый ферзь еще на доске? Или превратить ее в коня, если оба белых коня еще не побиты?» — спрашивает Кирилл Борский из Зеленогорска.

Пешку, дошедшую до восьмого ряда, разрешается превращать в любую фигуру, независимо от того, побита уже основная такая фигура или нет. В турнирах встречались партии, где каждый из противников имел по

два ферзя. А вот любопытный дебют (начало игры) — «контргамбит Альбина» — в котором черные быстро выигрывают, благодаря превращению пешки в третьего коня.

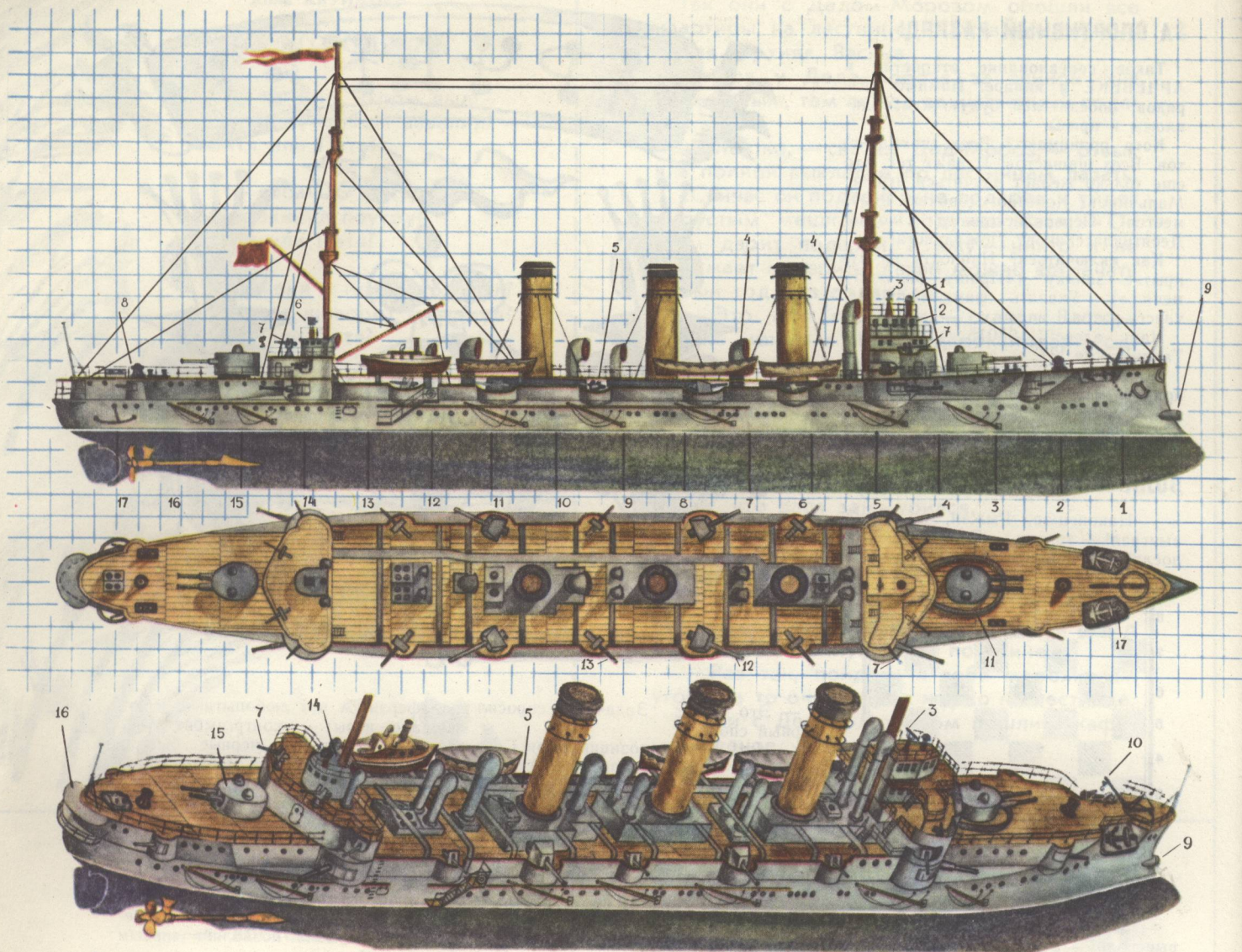
1. d2—d4 d7—d5 2. c2—c4 e7—e5 3. d4:e5 d5—d4 4. e2—e3? (напрашивающийся, но слабый ход — причина дальнейших затруднений) Cf8—b4+ 5. Cc1—d2 d4:e3! 6. Cd2:b4? (а это уже проигрывает) e3:f2+ 7. Kpe1—e2 f2:g1K+! Убедись, что именно превращение в коня позволяет черным быстро победить.

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 9 решаются так.

Чемпионат. Шахматы. А. 1. Ld8! Kpe7 2. c5; или Kpe5 2. Cc7+. Б. 1. Kh5! h6 2. Ke7 Kph7 3. Kg6! Kp:g6 4. Cg8! В. Тут ничья — 1. Kpg3 h5 2. e4 Kpg1 3. e5! Г.1. Kpb8! Kpb5 2. c7 f2 3. c8f f1f 4. Фа6+! Д. 1. Cf3+ Kpg1 2. Ch1! Kp:h1 3. Kpf1 и т. д. Е. Белым спастись не удастся. Если 1. Kpf3, то Kpb8! (но не Kpc6? из-за 2. а6! с ничьей) 2. Kpe4 Кра 7! и т. д. Шашки. А. 1. c7! 2. e3! 3. b8X. Б. 1. d2! 2. d4!X. В. 1. e5! f:d4 2. fg3! 3. e3X. Г. Тут ничья — 1. b2! c1 2. c3 и т. д. Но плохо 1. g5? из-за e1! 2. e3 g3! 3. d4 f2 4. e5 g3 5. f6 h4! 6. b2 g7X. Д. Выигрыш — 1. ad4! e5 2. e3!X. Е. Белым придется сдаться. Если 1. b6 (а как иначе?), то g3! 2. h4 c7! 3. g5 f4X.

СДЕЛАЙ САМ

КРЕЙСЕР „ОЧАКОВ“

Каким был крейсер «Очаков»? По нашим чертежам ты сможешь сделать модель легендарного крейсера. Это стендовая (настольная) модель. Она украсит исторический кабинет или пионерскую комнату твоей школы.

Корпус крейсера сделай из цельного бруска липы или сосны. Брусok выбери прямослойный, без трещин, сучков и гнили. Если древесина сырая, просуши ее, но не у печки и не на солнце, иначе брусok покоробит. Брусok обстругай под угольник со сторонами, равными длине, ширине

и высоте корпуса корабля. Сверху, снизу и на обоих торцах бруска проведи карандашом или шилом ось симметрии корпуса, так называемую линию ДП (диаметральной плоскости). Затем проведи линии шпангоутов по палубе, днищу и бокам. Очерти контур палубы и нанеси форштвень и ахтерштвень (рис. 1). Разметку произведи тщательно: от этого зависит точность и качество изготовления модели. Обработку корпуса начни с обрезки носовой и кормовой оконечностей. По теоретическому чертежу (рис. 2) выпиши из фанеры или плотного картона шаблоны шпангоутов и пронумеруй их. С их помощью корпусу придается нужная форма. Грубая обработка корпуса производится топором, затем — рубанком, стамесками, напильником и наждачной бумагой.

Если ты хочешь сделать модель значительных размеров, то корпус лучше сделать из склеенных в пакет досок (рис. 3). Доски обработай под

угольник рубанком, поверхности покрой ровным слоем столярного клея, сложи в пакет и зажми струбцинами. Пакет просуши двое суток при комнатной температуре. Когда клей высохнет, пакет разметь и обработай так же, как это делается с корпусом из целого бруска дерева. Впадины, неровности и царапины покрой тонким слоем масляной или нитрошпаклевки. После ее высыхания обработай корпус мелкой шкуркой. Повтори эту операцию, пока борта не станут гладкими.

Надстройки, орудийные башни, дымовые и вентиляционные трубы сделай из брусочков дерева или склей из плотного картона. Палубу расчерти острым жестким карандашом на полоски, имитирующие доски палубного настила, а затем покрой бесцветным, спиртовым или нитролаком.

Корпус и детали модели покрась, как это показано на нашем рисунке, масляными или нитрокрасками.

1. Компас 2. Ходовая рубка 3. Дальномер 4. Котельные вентиляторы (дефлекторы) 5. Переходной мостик 6. Проектор торпедный аппарат 10. Кат-балка (для укладки якорей) 11. Волноотбойник 12. Пушка 152 мм 13. Пушка 75 мм 14. Боевая рубка 15. Орудийная башня пушек 152 мм 16. Кормовой балкон 17. Якорь

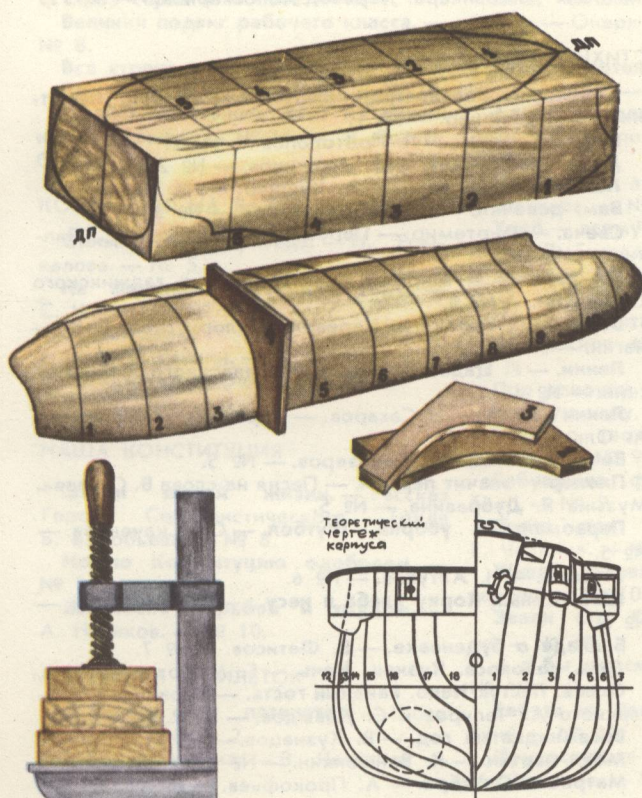
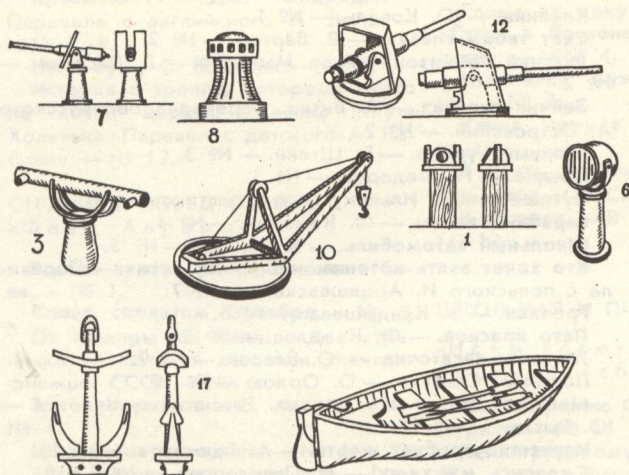
Крейсер «Очаков» построен в Севастополе в 1902 году. Водоизмещение — 6645 тонн. Длина 134 м. Ширина 16,6 м. Осадка 6,3 м. Скорость хода 23 узла. Вооружение: 12 орудий 152 мм, 12 — 75 мм, 8 — 47 мм, 2 — 37 мм, 2 пушки Барановского, 2 пулемета, 6 торпедных аппаратов.

Толщина брони (в мм): казематы — 35—79, башни — 127, палуба — 35—70, рубка — 140.

Экипаж «Очакова» — 570 человек.

Борис КЕРТ

Рисунки и чертежи автора

Анкета-77

Еще один год подошел к концу. Скоро ты раскроешь новый номер «Костра» 1978 года. Каким ты хочешь видеть его? Конечно, интересным и увлекательным, полезным, веселым. Редакция постарается это сделать. А ты можешь ей помочь, ответив на несколько вопросов:

1. Давно ли ты выписываешь «Костер»?

2. Назови авторов, чьи повести, рассказы, статьи больше всего понравились тебе в «Костре» 1977 года

3. Какие рисунки и какие фотографии показались тебе самыми интересными? (Если помнишь, назови фамилии художников и фотокорреспондентов)

4. Что тебе показалось скучным в журнале?

5. Какие разделы «Костра» ты считаешь самыми нужными?

ЛИНИЯ ОТРЕЗА

6. Обсуждаешь ли ты со своими друзьями или на отрядных и дружинных сборах материалы «Костра»?

7. Участвовал ли ты в конкурсах и затеях «Костра»? И в каких? («Барабан», «Зеленые страницы», «Кино-клуб», «Морская газета»)

8. Помогал ли тебе «Костер» задуматься о жизни, о себе, о своей будущей профессии? На каком уроке тебе пригодилось то, о чем ты прочитал в журнале?

9. Какие еще разделы ты бы хотел увидеть в «Костре»? О чем хотел бы узнать, прочитать?

10. Напиши: свою фамилию и имя, сколько тебе лет, в каком классе ты учишься, где живешь.

Редакция «Костра»

Заполни, вырежь, пришли письмом.
Наш адрес: Ленинград, 193015, Таврическая, 37, «Костер»

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 1977 ГОД.

ПОВЕСТИ

- Главный доктор республики. — С. Ласкин. — №№ 1, 3, 4, 5.
Привет тебе, Митя Кукин! — Л. Кузьмин. — №№ 1, 2.
Пингвиненок. — Л. Семенов-Спаский. — №№ 3, 4.
Отстающая Лавренова. — Главы из повести С. Иванова. — №№ 5, 6.
Беглецы. — Орывок из повести Айрин Хант. — Перевел с английского В. Рамзес. — № 6.
Золотая чаша. — К. Тангрыкулиев. — Перевел с туркменского В. Бахревский. — № 7.
Девочка, хочешь сниматься в кино! — Ю. Яковлев. — №№ 8, 9, 10.
Срок ультиматума два часа. — Главы из повести Г. Черкашина. — №№ 10, 11, 12.

РАССКАЗЫ

- Клеенка. — Ю. Коваль. — № 1.
Свет твоим глазам. — В. Вартан. — № 2.
Русский Робинзон — Яков Мыньков. — Л. Пасенюк. — № 2.
Зайчик-водолаз. — В. Витка. Перевел с белорусского А. Островский. — № 2.
Лыжный курьер. — Б. Штейн. — № 3.
Шишка. — Н. Федоров. — № 3.
Путешествие в Ильинку. — А. Толстикова. — № 4.
Барабаны весны. — Ф. Камалов. — № 4.
Школьный автомобиль. — Я. Раннап. — № 5.
Кто хочет взять котенка. — Г. Ожеговская. — Перевела с польского И. Арцишевская. — № 7.
Гречкин. — Э. Кундышева. — № 8.
Лето красное. — Ф. Камалов. — № 8.
Ласточка-касаточка. — Ю. Власов. — № 9.
Посылка. Старуха. — О. Орлов. — № 10.
Мальчик Йоо и его друзья. Рассказы о Чукотке. — Ю. Рытхэу. — № 11.
Искусство требует жертв. — А. Толмазов. — № 11.
Смеялись мы хи-хи! — И. Пивоварова. — № 12.
Хари. Малати и кокосовый орех. Рассказы индийского писателя К. Шанкара. Перевод С. Сахарнова. — № 12.

СТИХИ И ПЕСНИ

- Художник. Зеленострой. Выпускающий птиц. Памятник. — В. Шефнер. — № 1.
Медвежий сны. — Л. Протопопов. — № 2.
Друг. Мастерская. — В. Коржиков. — № 2.
Ленинградские реки. — А. Кушнер. — № 2.
Вам, девочки. — С. Погореловский. — № 3.
Свеча. — Миртемир. — Перевел с узбекского С. Липкин. — № 3.
Ты живешь. — Миршакар. — Перевел с таджикского С. Липкин. — № 4.
Верю. — П. Бровка. — Перевел с белорусского В. Корчагин. — № 4.
Ленин. — Г. Цадаса. — Перевел с аварского Я. Хелемский. — № 4.
Ленин с нами. — Н. Сахаров. — Перевел с эвенкийского А. Ольхон. — № 4.
Вечный огонь. — Т. Белозеров. — № 5.
Пионер — значит первый. — Песня на слова В. Суслова. Музыка Я. Дубравина. — № 5.
Первомайская уборка. Футбол. — С. Скаченков. — № 5.
Музыка. — Н. Алтухов. — № 6.
Шла осень... Корку хлеба я несу... — Г. Калюжный. — № 6.
Баллада о буденовке. — В. Фетисов. — № 7.
День сенокоса. Кузнец. Ночь. — Г. Морозов. — № 8.
Осень. Пастух Нено. Раненый гость. — Перевели с болгарского А. Чепуров и С. Давыдов. — № 9.
Восемнадцатый год. — В. Кузнецов. — № 11.
Моей партии. — К. Ваншенкин. — № 11.
Матрос в Октябре. — А. Прокофьев. — № 11.

Баллада о гвоздях. — Н. Тихонов. — № 11.

Сказка про сказку. — В. Торопыгин. — № 12.

Стихи твоих ровесников. — №№ 1, 2, 3, 4, 6, 7, 8, 10, 11, 12.

СКАЗКИ

Долг платежом красен. — В. Лебедев. — № 1.

Двое из рода Ябто. Ненецкая сказка. — Записал А. Пырерка. — № 2.

Сказки детей Павлышской школы. — Публикация Л. Григорьева и Б. Хандроса. — № 3.

Железный человек — Йо Мадьярок. — Из американского фольклора. — Перевела с английского Н. Шерешевская. — № 5.

Два хвастливых великана. — Пересказал с узбекского Р. Фархади. — № 6.

Крылатый-19. — Дж. Олдридж. — Перевела с английского Л. Этуш. — №№ 7, 8.

Ну и ну. — С. Воронин. — № 9.

История о тролле, которому никто не хотел верить. — Сказка Кнута Хольтена. Перевел с датского А. Кабанов. — № 12.

СТРАНИЦЫ ПОБЕД ОКТЯБРЯ «Флаг „Авроры“»

Россия в огне революционных боев. — № 1.

Слово солдатам Октября. — № 2.
От Каширы до Саян. — Две странички из великой летописи электрификации СССР. — № 4.

Три документа — Б. Раевский. — № 4.

Шла война народная. — № 5.
«Все лучшее, что у нас есть, — детям!» — № 6.

Союз серпа и молота. — № 7.
Великий подвиг рабочего класса. — № 8.

Вся страна учится. — № 9.
Комсомол там, где трудно. — № 10.
О знаменательных днях из жизни нашей страны. — № 11. — В. Воскобойников.

КОМСОМОЛ НА ВАХТЕ ОКТЯБРЯ

Олимпийская бригада. — И. Ерыкалова. — № 5.

На вершине Свистящей горы. — С. Чаплин. — № 7.

Восхождение на Адмиралтейство. — С. Райкин. — № 9.

Говорит «Аврора». — № 10.

НАША КОНСТИТУЦИЯ

Закон нашей жизни. — Рассказ Героя Социалистического Труда Б. Воробьева. — № 8.

Новую Конституцию одобряем. — № 9.

Завоевано борьбой и трудом. — А. Новиков. — № 10.

МАРШРУТЫ ПЯТИЛЕТОК

Эстафета пятилеток. — Фото ТАСС. — №№ 1, 2.

Рабочая азбука. — В. Четкарев. — № 3.

Портрет Сибири. — Очерк Н. Линько. — № 4.

Кем я буду через десять лет! — Беседа с И. В. Бестужевым-Лада, доктором исторических наук. — № 9.

Хотим ставить дом. — Беседа с мастером ПТУ № 13 Г. Г. Щегловой. — № 9.

Мои друзья — рабочие. — В. Четкарев. — № 11.

ТВОЙ СОВРЕМЕННИК

Военная точность. — В. Шурлыгин. — № 2.

Два букета. — С. Сапроненко. — № 3.

Машины в облаках. — В. Стругацкий. — № 3.

Я люблю детей. — К 100-летию со дня рождения Ф. Э. Дзержинского. — № 9.

Главы из документальной повести «Старт в бесконечность». — В. Шурлыгин. — №№ 4, 7, 11.

Испытание мужества. — М. Буланже. — № 7.

Улица Кремса. — А. Самойлов. — № 10.

В честь революции, электрификации, мира. — В. Сидоровский. — № 11.

К полюсу. — В. Стругацкий. — №№ 11, 12.

ШКОЛЬНАЯ И ПИОНЕРСКАЯ ЖИЗНЬ

«Идем дорогой Ленина, дорогой Октября!»

Там, за рекою Сырдарьей. — Н. Пижурин. — № 1.

Ленинградскому Дворцу пионеров 40 лет. — Фоторепортаж. Текст С. Липчина. — № 2.

Наш, смоленский, Володя Куриленко. — Очерк И. Ломакиной. — № 2.

Огни артековских костров. — Н. Пижурин. — № 4.

Адрес указывается впервые. — Пионерский поиск. — Г. Усыскин. — № 5.

Встреча в знаменитой школе. — Г. Цветков. — № 5.

Хлеб — всему голова. — Фото-очерк В. Гусева. — № 6.

Мы все из Тынды. — Г. Князев. — № 7.

Полевая почта «Зарницы». — № 7.

Солдатское поле. — Г. Усыскин. — № 8.

Про девочку Асю, мальчика Юрку и военную игру. — Е. Чечкина. — № 8.

Четверо твоих друзей. — Т. Кудрявцева. — № 9.

Бабушкина фотография. — И. Сабилло. — № 9.

Парта под открытым небом. — Е. Чечкина. — № 9.

Живет дедова фамилия. — В. Михайлов. — № 10.

Звали его Синица. — И. Ломакина. — № 10.

А я бы так смог! — Т. Пчелкина. — № 10.

Ребята из Лопухинки. — В. Верховский. — № 11.

Прикоснуться к живой Истории. — И. Фонаков. — № 12.

НАШ ВОЖАТЫЙ

Красный галстук на всю жизнь. — В. Верховский. — № 3.

Отрядный вожатый Володя Филимонов. — В. Разова. — № 5.

У меня отличные ребята! — В. Козлов. — № 10.

Верность школе. — И. Сабилло. — № 12.

У КОСТРА

И просьба, и приказ. — В. Суслов. — № 2.

С днем рождения, пионерия! — Т. Захарова. — № 5.

Здравствуй, наш фестиваль! — М. Забелина. — № 7.

Как сделать сбор интересным! — И. Ершова. — № 9. Н. Пижурин. — № 10.

МИР. СОЛИДАРНОСТЬ

У наших северных друзей. — Очерк В. Смирнова. — № 1.

Суан и ее друзья. — Беседа Л. Богоспольской. — № 5.

У нас много общего. — Очерк Г. Цветкова. — № 6.

Радуга. — Б. Гессель. — № 10.

«Пусть всегда будет солнце!» — Фотоочерк о фестивале. — № 12.

Рисуют твои ровесники. — №№ 1, 5, 9, 10.

НАУКА, ТЕХНИКА, ПРИРОДА

Вниз по лестнице точности. — В. Лысов. — № 1.

Равновесие или взрыв. — В. Танасийчук. — № 3.

Новости науки и техники. — №№ 2, 8.

Столица сурового края. — А. Иванченко. — № 4.

Торпеда капитана Немо. — В. Абчук. — № 5.

По реке Марка Твена. — Б. Гессель. — № 6.

Лесик. — А. Батуев. — № 6.

По следам человека-невидимки. — В. Абчук. — № 9.

Поединки в воздухе. — В. Танасийчук. — № 12.

Новый год. Все о елке. — В. Четкарев. — № 12.

Зеленые страницы. — Пионерский поиск. — №№ 1—12.

Любить и охранять. — Э. Крылова. — № 3.

Михась и его владения. — В. Морозов. — № 7.

В МИРЕ ПРЕКРАСНОГО

Кто такой Курилка. — В. Бахтин. — № 1.

Пахари, ставшие деревьями. — Е. Кисельер. — № 6.

О художнике Врубеле. — Н. Устинов. — № 8.

Мир большой и малый (о художнике Владимире Емельянове). — О. Колесова. — № 10.

Стакан молока и кусок хлеба (о фотографе И. А. Крысове). — В. Верховский. — № 10.

Давайте учиться. — Интервью с В. Щеголевым. — № 1.

Мушкетеры с проспекта Космонавтов. — Ю. Филиппов. — № 3.

Уроки большого финала. — Г. Князев. — № 4.

Приглашение к полету. — В. Тузов. — № 1.

Воспоминания и надежды. — В. Могилевский. — № 5.

Главный бомбардир «Иверии». — М. Эстерлис. — № 6.

Раз, два — и в дамках! — Ю. Филиппов. — № 7.

Удивительная Антье. — М. Исаев. — № 7.

Человек, которому снятся горы. — В. Вишневский. — № 8.

Олимпийская хроника. — А. Сахаров. — № 9.

Первая высота. — Репортаж А. Толстикова. — № 9.

Самый загадочный. О хоккее Валерии Харламове. — М. Черкашина. — № 12.

ОНИ ПИШУТ И РИСУЮТ ДЛЯ ВАС.

Эрих Вустман приглашает нас в Мачупикчу. — С. Сахарнов. — № 1.

Николай Иванович Сладков. — (О писателе и его книге «Миомбо»). — В. Мороз. — № 6.

О художнике Валентине Ивановиче Курдове. — С. Покровская. — № 11.

БИБЛИОТЕКА КОСТИ ТЕРКИНА

Адмирал Тюльпанов. — (О книге К. Сергиенко «Кеес Адмирал Тюльпанов»). — М. Вехова. — № 1.

Книжка о революции. — (О книге Л. Подвойского «С Лениным в автомобиле»). — Л. Пожидаева. — № 4.

К международному детскому фестивалю «Пусть всегда будет солнце!». — № 6.

Художник изучает древних ящеров. — (О книге И. Яковлевой «Палеонтология в картинках»). — А. Зайцева. — № 8.

В лес пришел друг. — (О писательнице Надежде Августовне Надеждиной). — М. Брусиловская. — № 12.

В РЕДАКЦИЮ ПРИШЛО ПИСЬМО

Как отец, как дед, как старший брат... — Писатель Борис Никольский отвечает на письма читателей. — № 2.

Писатель Святослав Сахарнов отвечает на письмо Хасана, Коли, Вити из Киргизской ССР. — № 8.

БАРАБАН — журнал юнкоров. — №№ 1—12.

ЕЖ. — Странички для маленьких. — №№ 1, 4, 7, 8, 9, 10, 11, 12.

МИР ТВОИХ УВЛЕЧЕНИЙ

Морская газета. — №№ 1—12.

Арчебек. — №№ 1—12.

КООТ. — Клуб обыкновенных открытий. — №№ 9, 10, 11, 12.

Школа Маши-искусницы. — №№ 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 9.

Самоделки. — №№ 2, 5, 8, 12.

Уголок веселого архивариуса. — №№ 1—12.

КЛУБ «ЗА СЕМЬЮ ПЕЧАТЯМИ». — №№ 1—12.

Рисунки
Т. Капустиной

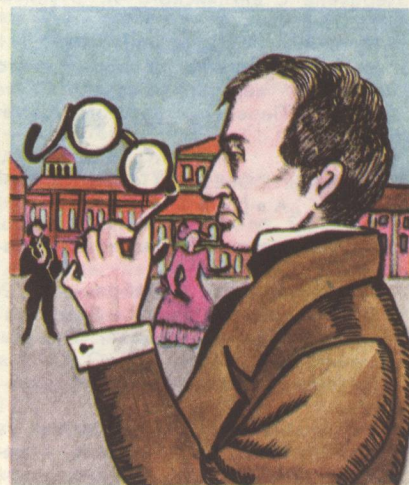
ЕДИНСТВЕННАЯ РЕЧЬ

Ньютон не любил длинных красивых речей. За два года заседаний в парламенте единственные слова, которые он произнес, были адресованы служателю: „Пожалуйста, закрой-те окно — дует“.

ПЕРВОЕ ОТКРЫТИЕ

Однажды знаменитый французский физик Ампер прогуливался с приятелем по берегу Сены. Приятель шутя водрузил ему на нос свои очки. Внезапно мир вокруг Ампера ожил, обрел новые, четкие формы. Оказывается, до того момента Ампер даже и не подозревал, что плохо видит.

Друзья называли этот случай первым большим открытием Ампера.

СЧАСТЛИВЕЦ

Композитору Брамсу довелось однажды аккомпанировать весьма слабому виолончелисту. Композитор играл хорошо, виолончелист — плохо. Тогда композитор стал играть как можно громче, пытаясь скрыть от публики недостатки в игре партнера. Но тут не выдержал виолончелист:

— Прошу вас, немного потише, я совсем не слышу себя.

— Счастливцев! — процедил сквозь зубы Брамс.

Рукописи и фотографии не возвращаются

Адрес редакции: 193015, Ленинград, Таврическая, 37, телефон 274-93-84

М-26631. Сдано в набор 5/IX 1977 г. Подписано к печати 28/X 1977 г. Формат 60×90 1/8. Печ. л. 8. Усл. печ. л. 8. Уч.-изд. л. 9,6. Тираж 570 000 экз. Заказ 1210. Цена 25 коп.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 197101, ул. Мира, 3.

СОДЕРЖАНИЕ

Новый год	1
Смеялись мы хи-хи	2
рассказ И. Пивоваровой	
К полюсу	5
очерк В. Стругацкого	
Стихи твоих ровесников	9
Срок ультиматума два часа	
главы из повести	
Г. Черкашина	10
Барабан	22
журнал юнкоров	
За мирное детство в мирном	
мире!	
фотоочерк Н. Карасева,	
Б. Кириллина,	26
Е. Успенского	
Внимание — лавина!	28
очерк С. Чаплина	
Все о елке	31
заметки В. Четкарева	
Библиотека КОСТИ ТЕРКИНА	32
Хари. Малати и кокосовый	
орех	
рассказы К. Шанкара	34
Сказка про сказку	38
В. Торопыгина	
Прикоснуться к живой Истории!	40
очерк И. Фоякова	
Самый загадочный	44
очерк М. Черкашиной	
Верность школе	47
из блокнота писателя	
И. Сабилло	
История о тролле, которому	
никто не хотел верить	
сказка Кнута Хольтена	48
Зеленые страницы	50
пионерский поиск	
Морская газета	52
Поединки в воздухе	54
очерк В. Танасийчука	
Еж	57
странички для малышей	
Арчбек	59
раздел ведет	
заслуженный	
тренер СССР	
Ю. Барский	

На 1-й и 4-й страницах
обложки рисунок
Ю. Шабанова

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:
Г. В. БАЛУЕВ,
В. М. ВОСКОБОЙНИКОВ,
Л. С. КОКОРИНА (отв. секретарь),
В. И. МАТВИЕНКО,
А. И. ПАНТЕЛЕЕВ,
Л. Н. ПОЖИДАЕВА,
Р. П. ПОГОДИН,
Е. В. СЕРОВА,
Н. И. СЛАДКОВ,
Т. Н. ФЕДОРОВА (зам. редактора),
Н. А. ХОДЗА,
Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор
М. С. БЕЛОМЛИНСКИЙ
Технический редактор
В. И. МЕЦАТУНОВА
Корректор
В. А. МАЕВСКАЯ

Тем, кто разоблачит все хитрости волшебника и тем самым лишит его возможности испортить праздник, адресована криптограмма К. КУСЕПОВОЙ, Е. ФЕСЕНКО и С. БОЖЕНКО — школьниц из города Кизляра Дагестанской АССР. Вписав по горизонтали в клетки пятибуквенные слова, в среднем вертикальном столбце вы прочтете текст послания. К — часть автомобиля. Г — атмосферное явление. С — речная рыба. Л — небольшое судно. Б — сельскохозяйственное животное. Т — вид растительности. К — тканое изделие. Г — птица. С — средство сообщения. О — копытное. Л — фрукт. С — дерево. К — геометрическое тело. О — металл. С — часть винтовки. К — часть дома. З — приспособление для запираания. В — часть поезда. П — знак. И — страна в Азии. Б — украшение. А — драгоценный камень.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ № 11

Витебск — Каунас — Североморск — Канин — Норильск — Колгуев — Вайгач — Челюскин — Нюя — Якутск — Камчатка — Арсеньев — Волочаевка — Алдан — Нижнеангарск — Кызыл — Лениногорск — Куляб — Бухара — Ашхабад — Дилижан — Нальчик — Краснодар — Ростов — Воронеж — Житомир — Ровно — Орел — Львов — Владимир — Рыбинск — Курган — Новосибирск — Красноярск — Колыма — Ангара — Абакан — Надым — Можга — Агdam — Машук — Курск — Канев — Волга — Артек — Карши — Истра — Арзамас — Сучан — Нарын — Наманган — Няндом — Андиган — Нарва — Армавир — Рига — Алушта — Аян — Нерча — Алазани — Индигирка — Аральское — Енисей.

